

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

На правах рукописи

Наталевич Сергей Игоревич

РОЛЬ ИНДИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ИСТОРИИ
БРИТАНСКОЙ ИНДИИ 1919–1939 ГГ.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Щевелев Сергей Стефанович

Симферополь 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Индийская гражданская служба в административной структуре Британской Индии.....	24
1.1. Основные принципы функционирования Индийской колониальной системы	24
1.2. Особенности структуры и деятельности Индийской гражданской службы....	35
1.3. Центральный и провинциальный уровни власти в Британской Индии	44
1.4. Специфика дистрикт-администрации в Британской Индии.....	59
ГЛАВА 2. Особенности рекрутирования и подготовки офицеров Индийской гражданской службы.....	75
2.1. Принципы рекрутирования и образование кадров для Индийской гражданской службы.....	75
2.2. Подготовка новобранцев и дистрикт-стажировка офицеров Индийской гражданской службы в Британской Индии	95
2.3. Повседневность офицеров Индийской гражданской службы в Британской Индии.....	106
ГЛАВА 3. Деятельность Индийской гражданской службы в управлении общественно-политической ситуацией в Британской Индии в 1919–1939 гг.....	126
3.1. Особенности общественно-политической деятельности Индийской гражданской службы 1919–1937 гг.	129
3.2. Участие Индийской гражданской службы в общественно-политической жизни Британской Индии в 1937–1939 гг.	149
3.3. Функционирование Индийской гражданской службы на «особых территориях» в 1919–1939 гг..	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	181
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	214

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем что, в настоящее время Индия является динамично развивающимся государством, которое претендует на роль одного из лидеров среди азиатских стран. Подобные достижения невозможны без эффективного функционирования государственной администрации. Ситуация в стране напрямую зависит от работы чиновников. Складывание индийской бюрократии происходило на протяжении длительного времени и имело серьезные отличия в зависимости от того или иного региона. Ввиду особенностей исторических процессов, которые происходили на территории Индии, нынешняя система исполнительной и судебной власти выстроена на основе опыта различных эпох. Колониальный период является одним из самых противоречивых в истории страны. Однако в данное время была выстроена единая структура гражданской администрации, которая легла в основу бюрократической системы Индии и с незначительными изменениями функционирует на данный момент. Следует указать, что наряду с Индией, британскую систему управления унаследовали независимые Пакистан и Бангладеш.

Гражданская администрация Британской Индии имела сложную разветвленную структуру, основополагающее место в которой принадлежало Индийской гражданской службе (ИГС). С 1858 г. до 1947 г. сотрудники ИГС осуществляли непосредственное руководство страной и находились в структурах исполнительной, законодательной и судебной власти. На протяжении этого времени происходил процесс создания целостной системы делопроизводства и гражданского управления Индии. Межвоенный кризис колониальной системы 1919–1939 гг. был ознаменован особым процессом под названием «индианизация». Благодаря ему были созданы благоприятные условия вербовки в руководящие структуры представителей местного населения. Таким образом, ИГС являлась кузницей кадров для будущих чиновников и видных государственных деятелей независимой Индии [273, р. 4]. После 1947 г.

наблюдался процесс трансформации органов колониальной администрации и приспособление их к реалиям молодого государства. Однако в настоящее время деятельность ИГС в Индии имеет неоднозначные оценки [289, р. 136]. В особенности критика касается офицеров индийского происхождения [293, р. 49]. После обретения независимости большая часть бюрократического аппарата продолжила исполнять свои обязанности в рамках устоявшейся системы [274, р. 3–7], ввиду чего анализ особенностей деятельности ИГС необходим для понимания современных тенденций, анализа и выявления основных механизмов и принципов функционирования Индийской гражданской администрации.

Степень разработанности проблемы. Исследование особенностей и значения функционирования ИГС в 1919–1939 гг. представлено научными работами, охватывающими как общие проблемы функционирования Британской администрации в Индии, так и отдельные аспекты деятельности колониальных чиновников. Представляется целесообразным рассмотреть историографическую базу работы, руководствуясь классификацией трудов по проблемному принципу.

Среди общих работ, посвященных истории колониальной Индии следует выделить работы советских и российских исследователей Института Востоковедения Академии наук СССР и Российской академии наук: К. А. Антоновой, Г. М. Бонгардт-Левина, Г. Г. Котовского [103], В. Я. Белокреницкого, В. Н. Москаленко [106], Ф. Н. Юрлова, Е. С. Юрловой [168], а также Института Всеобщей истории РАН: Н. А. Ерофеева [123]. Отдельного внимания заслуживают монографии профессора Челябинского университета В. В. Грудзинского [114], профессора Саратовского государственного университета И. Д. Парфенова [146; 148], сотрудника Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова К. А. Фурсова [164]. Британская историография по истории Индии колониального периода представлена работами специалистов кембриджской школы: Дж. Аллана, В. Хейга, Х. Х. Додвелла [174], К. Аллена [175], П. Дж. Кейна, А. Дж. Хопкинса [201], Е. М. Коллингхема [209], П. А. Спиара [336], исследованиями оксфордской школы: Н. Фергюсона [230], Дж. Кея [259], а также Лондонского университета – профессора Д. Джада [254];

255]. В представленных отечественных и зарубежных исследованиях общей направленности по истории Британской Индии с различных сторон и точек зрения позиционируется ее роль в рамках колониальной империи. Однако вопросы управления затронуты в них фрагментарно. Британские исследования большей частью акцентировались на описании культуры и быта привилегированного общества Британской Индии, обходя вниманием административную структуру управления.

Здесь также следует отметить ряд фундаментальных исследований, посвященных изучению истории Британской империи и входивших в нее стран. Среди отечественных работ выделяются: «Британская империя в XX в.» под редакцией А. М. Пегушева [105]; «Новая история Индии» под редакцией К. А. Антоновой, Н. М. Голтдберга [142]; «Новейшая история стран зарубежного Востока» под редакцией И. М. Рейснера [143], в которых основное внимание сосредоточено на проблемах антиколониального движения. Из британских работ энциклопедического характера отмечаются А. Б. А. Кит «Конституционная история Индии» [257] и П. Матиас, С. Поллард «Кембриджская экономическая история Европы, вып. VIII: Промышленные экономики: развитие экономической и социальной политики» [282]. В них подробно освещаются вопросы конституционной истории Индии, социально-экономической политики Британской империи.

Большое значение в рамках исследуемой проблемы представляют исследования, касающиеся британской колониальной политики, проблем парламентаризма в Индии. В первую очередь, данные вопросы исследуются такими отечественными учеными как: М. П. Айзенштат, Т. Н. Гелла [101, 111–112], А. Г. Милейковский [154]. Кроме того, отдельные аспекты данного направления затронуты в исследовании А. Л. Сафроновой [158], а так же в ряде других российских исследований [98–99, 121, 123, 156, 166], в которых освещаются особенности государственного строительства Британской империи, политические проблемы колониализма, функционирование национально-институциональной имперской системы. В рамках данного направления также

следует выделить представителей оксфордской и кембриджской школ: Б. Коррели [213], Р. Коупланд [214], Н. Фергюсон [229], Дж. Хурд [247], П. Вильямсон [351], работы которых посвящены кризису британского колониализма, проблемам позиционирования индийского вопроса в британском парламенте. Среди индийских исследований, посвященных индийскому национальному вопросу в международной политике, следует отметить работу В. Ф. Курацина [264]. Конституционные проблемы индийской национальной политики исследуются в работе индийского автора В. Нариван [299]. Следует отметить, что советские и индийские работы отличаются критикой колониального режима, однако данные исследования выстроены на основе серьезной фактической базы. Во всех вышеперечисленных работах затрагиваются основные аспекты политического курса британской метрополии в отношении южноазиатских колониальных владений. При этом вопросы функционирования бюрократической системы затрагиваются поверхностно.

В качестве отдельного направления исследований выделяются работы, посвященные социально-экономическим особенностям Британской Индии, которые позволяют обозначить специфику устройства колониальной экономики и общества. Советские исследования представлены работами Г. Г. Котовского [129; 130], А. И. Левковского [132], В. И. Парфенова [147], основанными на значительном количестве статистических данных, однако не лишенными марксистско-ленинской идеологии. Британские исследования данного направления отличаются разнообразной тематикой и содержат значительное количество узкопрофильной фактической информации. Они представлены трудами следующих ученых: Д. Р. Эпплрайда [178], А. Бетелли [189], Л. Каролла [203], К. Деви [218], М. Драммонда [221], Д. Филдхауса [232], К. Илберта [248], А. Кинга [262], К. Х. Ли [268], в которых раскрывается экономическая история, особенности социальной структуры индийского общества. Следует отдельно выделить исследование ученого Калифорнийского университета Е. Ф. Ирсчика [251], посвященное истории антибрахманского движения в Южной Индии, и дающее пример деятельности ИГС по

умиротворению межобщинных противоречий. Работа исследователя Оклендского университета (США) Дж. Хурда [247] посвящена развитию промышленности в индийских княжествах, и, в частности, затрагивает деятельность ИГС. Среди индийских исследований необходимо выделить труды профессора делийского университета Б. Мисры [288] и профессора университета Калькутты Н. Мукхерджи [296], касающиеся социальных процессов в индийском обществе и системы аграрных отношений, частично затрагивая деятельность ИГС в этих направлениях. К подобным работам также можно отнести труды индийских авторов: К. Баулу [186], К. Чанана [204], Г. Чанда [205], Ю. Д. Гундевиа [241], К. Иравати [250], П. Муна [292]. Социально-экономические особенности Британской Индии отличаются крайним разнообразием исследований и представляют значительный интерес в рамках данной диссертационной работы, поскольку дают большое количество фактического материала по отдельным аспектам, входящим в компетенцию ИГС.

Анализ функционирования Британской колониальной администрации различных уровней в Индии рассмотрен в обзорных работах советских исследователей Института Востоковедения АН СССР А. Э. Азарха [100], А. Г. Володина [110], В. Н. Флорина (В. Н. Егоров. – *С. Н.*) [162], в которых освещаются проблемы формирования индийской бюрократии периода независимости, обходя вниманием проблематику деятельности и структуру ИГС. Значительный интерес в данной тематике представляют труды британских исследователей кембриджской, лондонской и оксфордской школ: К. Аллен [175], Е. Блант [193], А. Кирк-Грин [263], Р. Дж. Мур [293], Г. Р. Редди [322]. Вышеуказанные работы акцентированы на особенностях иерархии и функционировании колониального аппарата Индии, однако представляют собой широкий спектр всего колониального аппарата, а не отдельных его составляющих. Проблемам деятельности Британской колониальной администрации посвящены труды следующих индийских ученых: Р. Браибанти [196], С. С. Кхера [261], С. Р. Махешвари [273; 274], У. С. Мандал [277], В. М. Синха

[333], которые проводят сравнительный анализ бюрократического аппарата колониального и современного периодов.

Отдельно следует выделить работы, подробно раскрывающие вопросы обороны Британской Индии и особенности структуры индийской армии. Среди них необходимо обозначить труды российского исследователя Ю. Н. Мостяева [134; 135], британского Е. М. Лиака [267], а также индийских ученых Д. Омисси [305] и Б. Прасада [312]. Вышеуказанные исследования позволяют выявить механизмы сотрудничества индийской армии с ИГС, раскрыть место службы в бюрократической системе.

Историография, посвященная непосредственно функционированию ИГС в 1919–1939 гг. не отличается значительным многообразием. Однако среди подобных работ необходимо выделить отдельные направления исследований. Так, вопрос деятельности службы в годы политических трансформаций раскрывается в исследовании профессора Индийского технологического института (Нью-Дели) А. Бурры [200]. Специфика деятельности дистрикт-администрации представлена в совместном исследовании бывшего офицера ИГС в Мадрасе Р. Ханта и сотрудника Школы восточных и африканских исследований при Лондонском университете Дж. Харрисона [246]. Работы профессора Открытого университета (г. Милтон-Кейнс, Бакингемшир) Д. Поттера [309; 310; 311] посвящены функционированию как ИГС, так и современной Индийской административной службы. Эти труды затрагивают особенности работы ИГС на различных уровнях администрации (центр, провинция, дистрикт), раскрывают особенности делопроизводства и деятельность офицеров службы в различных регионах Британской Индии.

Также в ряде исследований выявляются различные аспекты деятельности ИГС. Так, вопросы изменения административных полномочий службы в конце XIX – первой половине XX вв. рассматриваются в работах британских исследователей: Х. М. Л. Александра [173], Т. Х. Беоглехола [187], Х. А. Эвинга [227; 228], а также индийских ученых: Р. Харидвара [243], А. П. Сингха [332], Г. П. Сриваставы [338], которые позволяют раскрыть вопросы

трансформации компетенций службы на общеиндийском уровне в связи с изменениями конституционного строя. Особенности рекрутирования новобранцев ИГС поднимаются в работах британских исследователей Дж. Бирвуда [190], С. Б. Кука [211], Б. Спанденберга [335]. Однако данные работы затрагивают период конца XIX – начала XX веков.

Общие вопросы политического противостояния между колониальными структурами и индийскими национальными силами рассматриваются в работах исследователей Института Востоковедения АН СССР / РАН Н. Б. Алаева [102], М. П. Павловича [145], А. В. Райкова [153], а также Института мировой экономики СССР В. В. Рымалова [155]. К современным отечественным трудам по истории деятельности национального движения следует отнести работу доктора исторических наук А. В. Сагимбаева [157]. Исследования британских ученых Р. Барена [183], Д. А. Лоу [271], Р. Т. Смит [334] отражают специфику колониальной реакции на деятельность индийских политических сил. Отличительной чертой трудов индийских ученых Дж. Джха [253], Дж. Санкара [327], С. Н. Сена [329], С. Сетха [330] является критика британского колониального режима. Все вышеуказанные труды затрагивают вопросы реакции колониальной бюрократии на растущее антибританское движение на общеиндийском уровне в условиях конституционных изменений и экономических потрясений межвоенного периода. Стоит указать, что все категории данного вида исследований имеют глубокую фактическую базу, что указывает на серьезную проработку проблемы. Однако они не раскрывают специфику деятельности ИГС.

Проблемы противостояния ИГС и национального движения в отдельных регионах Британской Индии освещены в исследованиях британских, индийских и отечественных исследователей. В частности, особенности гражданских волнений и действия чиновников в Бомбее рассмотрены С. Эпстейн [225] и Дж. Т. Крист [215]. Проблемы религиозного, этнического характера, а также деятельность британских спецслужб в Пенджабе изучались в работах: Н. А. Коллетта [208], Дж. Т. Криста [215], С. Волперта [353], С. Л. Малхорты [275], Д. Джилмартина [237]. Социальные конфликты и политика властей в Мадрасе исследовались П.

Раджараманом [316], С. Бейкером [179], Д. Васшбруком [350]. Политика правительства в Бихаре и Ориссе анализируется авторами: Дж. Алам [172], Б. А. Коллинс [210], У. С. Мандал [277]. Социальные выступления, политика районной администрации и деятельность британской разведки в Бенгалии изучались в трудах: С. Дам [216], Р. Дж. Попплевелл [308], П. Хеехс [244], Б. Р. Кхан [260], Б. Р. Томлинсон [344], С. Бос [194], Х. Рахман [314]. Общественное противостояние и деятельность колониальной полиции в Соединенных провинциях раскрывается следующими авторами: Д. А. Кемпион [202], П. Д. Ривс [323]. Социально-политическую ситуацию в Центральных провинциях характеризует Д. Бейкер [180]. Этно-конфессиональное положение в Синде описывают С. Ф. Д. Ансари [177] и К. Р. Малкани [276]. Колониальная политика, торговая экспансия и партизанское движение в Бирме исследуется в работах В. Ф. Васильева [108], Л. Н. Журавлевой [124; 125], М. Т. Козловой [128]. Данные работы с различных точек зрения описывают отдельные аспекты деятельности ИГС по созданию и поддержке лояльных консервативных сил, поддержанию колониального режима в отдельных провинциях Британской Индии в условиях децентрализации и двоевластия (Конституция 1919 г. – С. Н.), а также частичной передаче полномочий национальным политическим силам (Конституция 1935 г. – С. Н.). Однако они не затрагивают всех сфер колониальной реакции в рамках ИГС.

Отдельные аспекты работы ИГС в индийских княжествах рассматриваются в работах И. Коупланда [212], Дж. Хурда [247], Ф. Н. Лона [270], В. Л. Рихтера [324]. Вопросам устройства и управления островными территориями Британской Индии посвящены исследования А. В. Иванова [126], Д. Банерджи, Д. К. Хаттерджи [182], Р. Х. Эллиса [224]. Специфика управления Северо-Западной Пограничной провинцией рассматривается в работах А. В. Постникова [151], Л. Темирханова [161], Ф. Х. Юлдашбаевой [167], С. Агха [170], К. К. Девис [217], Б. Марш [280], Ф. Барф [184], М. Якобсен [252]; Белуджистана – М. Г. Пикулина [150]. Следует отдельно выделить исследование Т. М. Чховдхуру [206], которое посвящено особенностям функционирования дистрикта Читтагонг. Данные исследования касаются деятельности ИГС на

«особых территориях», над которыми осуществлялась особая форма администрирования или политического представительства. Данное направление остается одним из наиболее сложных и недостаточно исследованных в отечественной и зарубежной историографии.

Проблематика британской колониальной идеологии частично освещается в исследованиях российских ученых: В. В. Грудзинского [115], Н. В. Дроновой [118; 119; 120], Г. И. Лоцмановой [133], а также в ряде других отечественных исследований [107, 113, 121, 159, 160]. Среди британских работ подобной тематики в первую очередь необходимо указать исследования кембриджских ученых Е. М. Каллингхема [209], М. Френсис [234], Дж. Морфилд [295], где частично прослеживается характеристика норм и ценностей, которыми должны были обладать сотрудники ИГС.

Среди работ, посвященных структуре и культурным традициям британского имперского общества необходимо выделить исследования британских специалистов К. Маклеланд [284], С. Равена [318], Л. Стрейчи [340]. В вышеуказанных работах основное внимание акцентируется на становлении и развитии культурно-бытовых особенностей викторианского общества, косвенно затрагивая особенности деятельности ИГС.

Специфике индийского колониального общества посвящено исследование Т. Виттачи [348], в котором детально изучены культурно-поведенческие особенности индийских колониальных чиновников и представителей местной интеллигенции.

Следует отметить, что проблема профессиональной подготовки офицеров ИГС остается малоизученной. В данном направлении значительный интерес представляет исследование представителя Арканзасского университета Б. Даффилда [222]. Однако основной акцент его работы сделан на деятельности британских колониальных служб и не раскрывает особенностей обучения и стажировки новобранцев ИГС.

Таким образом, историография представлена отечественными, британскими и индийскими работами. Вышеуказанные исследования с разнообразных точек

зрения охватывают спектр проблем, связанных с деятельностью органов государственной власти Британской Индии на центральном, провинциальном и дистрикт уровнях. Однако деятельность ИГС в межвоенный период (1919–1939 гг.) описывается в отдельных монографиях фрагментарно. Следует отметить, что часть исследований не лишена идеологического подтекста.

В ходе анализа историографии выявлен ряд недостаточно исследованных вопросов. Так, всестороннего изучения требуют проблемы компетенции и сферы влияния ИГС в системе колониальной администрации в 1919–1939 гг., специфики и методов работы службы, ее структуры и иерархии в указанный период. Недостаточно исследованными остаются вопросы деятельности ИГС в условиях трансформации конституционного строя и социально-экономических потрясений, рекрутирования и подготовки профессиональных кадров в период общеимперского колониального кризиса. Вышеуказанные направления требуют детального исследования, которое в комплексе охватит все сферы деятельности Индийской гражданской службы и конкретизирует ее вклад в историю Британской Индии в период 1919–1939 гг.

Объектом исследования является административно-управленческая система Британской Индии в 1919–1939 гг.

Предметом исследования представляется роль Индийской гражданской службы в Британской Индии в 1919–1939 гг.

Цель данного исследования – осуществить комплексный анализ функционирования Индийской гражданской службы и определить степень ее влияния на историческое развитие Индии в период 1919–1939 гг.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- определить место Индийской гражданской службы в системе британской колониальной администрации в Индии;
- выявить механизмы функционирования Индийской гражданской службы;
- выделить структуру службы и охарактеризовать деятельность сотрудников ИГС на различных уровнях колониальной администрации;

- раскрыть особенности рекрутирования и подготовки офицеров ИГС индийского и европейского происхождения;
- охарактеризовать особенности повседневности сотрудников ИГС;
- обозначить роль ИГС в общественно-политической жизни Британской Индии в 1920–1930-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1919 г. по 1939 г., который соответствует временному промежутку между Первой и Второй мировыми войнами. Нижний хронологический порог обусловлен принятием Конституции 1919 г. («The Government India Act 1919») [10], которая внесла существенные изменения в области государственного управления Индии и повлияла на особенности функционирования ИГС. В 1935 г. была принята новая конституция («The Government India Act 1935») [9]. Основным законом страны официально вступил в силу в 1937 г. и был признаком постепенного отхода британцев от прямого руководства страной. Радикальные изменения происходят и в области компетенций ИГС, сотрудники которой постепенно утратили независимый статус и вынуждены были сотрудничать с представителями оппозиционных политических партий. 3 сентября 1939 г. Индия официально вступила во Вторую мировую войну, что переводило гражданскую администрацию, в том числе и ИГС, на военное положение.

Территориальные рамки исследования охватывают границы Великобритании, а также бывшие провинции Британской Индии – Ассам, Бенгалия, Бихар, Орисса, Мадрас, Бомбей, Синд, Пенджаб, Соединенные провинции и Центральные провинции, Северо-Западная пограничная провинция; Андаманские, Никобарские, Лаккадивские острова. Вышеупомянутые регионы относятся к современным независимым Индии, Пакистану и Бангладеш.

Источниковая база работы выстроена на основе официальной документации правительства Британской Индии, а также дневников и мемуаров офицеров Индийской гражданской службы. Официальные документы, которые были использованы в исследовании, можно разделить на несколько групп. Делопроизводственная документация представлена ежегодными отчетами

единого стандарта с информацией о личном составе колониальной администрации и постановлениями центрального правительства Индии – «Ведомости министерства по делам Индии» («Indian Office List») за 1919–1923 гг. [81–85], 1926–1927 гг. [86–87], 1929–1931 гг. [88–90], 1933–1936 гг. [91–94]. Данная категория источников является одной из наиболее информативных. Ежегодные отчеты позволяют определить место ИГС в составе колониальной администрации Британской Индии и ее регионов. Благодаря вышеуказанным источникам раскрывается значение службы системе индийской бюрократии. Представленная информация позволяет подробно ознакомиться с основными нормативными актами и внутренней документацией ИГС, получить информацию о назначениях, награждениях, убытии в отпуск, предоставлении пенсий, заработной плате, должностных обязанностях, результатах ежегодного рекрутирования. В отчетах представлены подробные статистические данные и описания результатов деятельности колониальных структур за определенные временные периоды.

Также использован материал типового ежеквартального сборника для личного состава колониальных структур – «Объединенные ведомости гражданской службы Индии» (The Combined Civil List for India. List of Civil Services and Higher European Services under the Government of India) за январь–март 1924 г. [75], апрель–июнь 1925 г. [76], октябрь–декабрь 1929 г. [77]. «Объединенные ведомости гражданской службы Индии и Бирмы» («The Combined Civil List for India and Burma») за июль–сентябрь 1938 г. [72], июль–сентябрь 1939 г. [73], июль–сентябрь 1940 г. [74]. Ежеквартальные сборники способствует выявлению четкой иерархии и системы занимаемых должностей в провинциальных структурах ИГС. Данные источники содержат подробную информацию о кадровых перестановках внутри ИГС, а именно временных переводах, командировках, персональных заработных платах, что позволяет уточнить и сопоставить информацию с «Ведомостями министерства по делам Индии».

Кроме того, были привлечены стандартные сборники для старших офицеров гражданской администрации – «История старшего руководящего состава гражданского департамента Центральные провинции» («History of services of Gazetted Officers in the Civil Department in the Central Provinces») 1928 г. [18], «Правительственный вестник Соединенных провинций Агры и Ауда, январь 1921» («Government Gazette, The United Provinces of Agra and Oudh, January 1921») [13], «История руководящего состава и других офицеров правительства Бенгалии (С дополнениями на 1 июля 1923 г.)» («History of Services of Gazetted and Other Officers serving under The Government of Bengal (Corrected up to 1st July 1923)») [17]. Вышеуказанная категория источников способствует выявлению и уточнению биографических подробностей офицеров Индийской гражданской службы в указанных провинциях. В сборниках содержится значительное количество информации о политическом, экономическом состоянии и социальном положении регионов Индии и их административных единиц.

В работе были использованы важнейшие конституционные акты Британской Индии, в которых изложены особенности устройства и функционирования государственной системы Британской Индии. «Закон о правительстве Индии 1919 г.» («The Government India Act 1919») [12] представляет собой ценный источник в рамках деятельности ИГС в условиях двоевластия и содержит регламентированные нормы государственного устройства страны. Данный источник способствует выявлению четкого представления о структурных и правовых изменениях в рамках ИГС в период с 1921 по 1937 гг. «Закон о правительстве Индии 1935 г.» («The Government India Act 1935») [11] позволяет раскрыть систему трансформации полномочий ИГС в период с 1937 по 1939 гг. в конституции 1935 г.

Влияние индийского национального движения на государственную систему Индийской империи раскрывается в сборнике «Индийское национальное движение» («The Indian Nationalist Movement») [80] и позволяет выявить программные документы Индийского национального конгресса (ИНК) в рамках политического противостояния ИНК и британской колониальной администрации.

Источник содержит ценную информацию об особенностях парламентской борьбы и формировании провинциальных кабинетов в период вступления в силу Конституции 1937 г.

Также привлечены сборники статистической информации. В сборнике «Статистический обзор Британской Индии в период с 1910–11 по 1911–1920» («Statistical Abstract Relating to British India from 1910–11 to 1911–1920») [68] приводятся статистические данные о состоянии административных единиц Британской Индии, что способствует формированию подробного представления о структуре окружных администраций страны, руководство которыми осуществляла ИГС.

Сборник правительства Британской Индии «Белуджистан. Имперский вестник Индии» (Baluchistan. Imperial Gazetteer of India) [1] содержит информацию, благодаря которой конкретизируется место агенции Белуджистан в колониальной административной системе, а также особенности управления данным регионом. Издание «Имперский вестник Индии: Северо-Западная пограничная провинция» (Imperial Gazetteer of India: North-West Frontier Province) 1908 г. [19] включает себя сведения о состоянии провинции, особенностях ее управления, в частности, о работе Индийской политической службы, часть личного состава которой являлась офицерами ИГС.

Материалы о состоянии административно-территориальных единиц изложены в стандартных изданиях провинциальных администраций: «Вестник дистрикта Неллор до 1938 г.» (Gazetteer of the Nellore District: Brought up to 1938) (Мадрас 1942 г.) [10], «Имперский сборник Соединенных провинций: дивизия Кумаон» (Imperial Gazetteer of United Provinces: Kumaun Division) (1908 г.) [20], «Окружной вестник Соединенных провинций Агры и Ауда: Горакхпур» (District Gazetteer of the United Provinces of Agra and Oudh: Gorakhpur) (1921 г.) [7], «Окружной вестник Бенгалии. Дистрикт Даржелинг» (Bengal District Gazetteer. District Darjeeling) (1907 г.) [29]. Издания охватывают типовую информацию о деятельности ИГС в провинциальных округах (дистриктах) Британской Индии. В источниках представлены исчерпывающие данные о структуре местной

администрации, а также дана оценка ее деятельности в указываемый период. Источники содержат подробное описание дистриктов, том в числе информацию об экономических, социально-политических, климатических, культурных особенностях данных единиц.

Источники, содержащие узкопрофильную информацию в различных сферах деятельности колониальной бюрократии, позволяют исследовать подробности отдельных сфер деятельности, а также официального делопроизводства ИГС. Справочники «Земельное регулирование постоянно оседлых территорий» («Permanent Settlement and After») [2], «Земельное регулирование в Бенгалии» («The Permanent Settlement in Bengal») [62], «Аграрный справочник Бенгалии» («The Bengal Embankment Manual») [69] посвящены истории земельных отношений в ряде индийских провинций, которые ранее входили в состав Бенгальского президентства и относились к постоянно-оседлым территориям. Они предоставляют возможность более детально раскрыть особенности работы чиновников ИГС в сфере регулирования земельных отношений Бенгалии, Бихара и Ориссы, а также государственного налогообложения в данных регионах.

Сборник служебного законодательства колониальных служб «Правительство Индии: краткое изложение относящегося к нему статутного права (с исторической справкой и пояснениями)» («The Government of India: Being a digest of statute law relating thereto (with historical introduction and explanatory matter)») (1907 г.) [78] позволяет получить представление о юридических особенностях деятельности колониальных служб и выборных законодательных органов. В частности, источник содержит подробную информацию о полномочиях сотрудников ИГС на различных уровнях администрации. «Индийский ежегодный регистр ежегодного дайджеста по связям с общественностью Индии» («The Indian Annual Register An Annual Digest Of Public Affairs Of India») (1940 г.) [26] является подробным отчетом о деятельности центрального и провинциальных правительств, а также представляет собой обзор политической, экономической и социальной ситуации в стране. Документация по регулированию заработной платы, пенсионного обеспечения, льгот и отпуска из

«Положения о гражданской службе в отношении заработной платы, отпусков, пенсий и отпускных пособий» («The Civil Service Regulations relating to Salary, Leave, Pension and Traveling Allowance») [71] позволяет конкретизировать информацию о различных видах материального обеспечения и вознаграждения колониальных чиновников. Здесь также подробно раскрывается информация об условиях труда офицеров ИГС. Сборник «Коронационный прием, 1911» («Coronation Durbar, 1911») (1912 г.) [6] посвящен королевскому визиту в Британскую Индию и является ценным источником об особенностях местного церемониала. Также в данном сборнике представлена ценная информация о процессе официального переноса столицы в г. Нью-Дели. Руководство «Кодекс на случай голода с дополнениями» («The Revised Famine Code») (1912 г.) [95] является подробной инструкцией для сотрудников колониальной администрации на случай голода. Данный источник содержит значительное количество информации о деятельности ИГС в период чрезвычайных ситуаций. Сборники под авторством Дж. Гринвуда «Советы по верховой езде» («Hints on Horsemanship») (1861 г.) [14], Х. Р. Херсхберга «Наездник. Искусство верховой езды» («The horseman. A work on horsemanship») (1844 г.) [16] являются наставлениями по верховой езде, которые рекомендовались офицерам ИГС, они позволяют подробно изучить процесс подготовки новобранцев для службы в Индии. Еженедельная газета «Индийский экспресс» («The Indian Express») [79] представляет собой ценный источник информации о деятельности ИГС в Мадрасе в рамках политической борьбы между колониальной администрацией и национальным движением.

Ценными источниками являются мемуары, касающаяся работы офицеров ИГС в период 1919–1939 гг. Данная категория представлена большим количеством опубликованных воспоминаний и неопубликованных автобиографий. Часть воспоминаний издавалась с целью сохранения памяти и популяризации деятельности службы. К опубликованным воспоминаниям относятся: Н. Б. Бонарджи [3], Р. П. Норонха [28], Ф. О’дваер [30], а так же [5, 8, 21–25, 61, 65–66, 70, 96]. Мемуаристика способствует раскрытию особенностей

деятельности ИГС в различных провинциях Британской Индии. Источники содержат детальную информацию о работе чиновников младшего, среднего и старшего звена. Ветераны предоставляют собственную оценку различным событиям, которые связаны с деятельностью службы, акцентируют внимание на личном опыте работы в ИГС. Неопубликованные автобиографии представляют собой коллекцию из изданий «Британская библиотека: азиатские и африканские исследования» («British Library: Asian and African Studies») (European Manuscripts, Fund 180) [32–60, 97], и «Кембриджский южноазиатский архив» («The Cambridge South Asian Archive») [4, 35, 52]. Следует указать, что написание автобиографий являлось традиционной деятельностью и практиковалось офицерами ИГС после выхода в отставку. Данный вид источников позволяет подробно изучить значительный объем процессов и явлений, которые входили в сферу компетенции офицеров службы на всех уровнях администрирования. Автобиографии предоставляют информацию об условиях работы, внутреннем распорядке, взаимоотношениях между чиновниками, быте, досуге деятелей индийской колониальной администрации в 1919–1939 гг.

Таким образом, представленная источниковая база дает возможность осуществить комплексный анализ функционирования Индийской гражданской службы, проследить и объяснить динамику ее развития, сформировать целостную картину происходящих процессов и показать роль ИГС в истории Индии в 1919–1939 гг.

Научная новизна работы состоит в том, что на основе оригинальных источников (законодательных актов, документов по личному составу колониальной администрации, материалов мемуарного характера) проведен комплексный анализ роли Индийской гражданской службы в истории Индии в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) как целостной самостоятельной организации, так и в рамках исторических событий указанного периода. В ходе изучения особенностей функционирования ИГС проведено разделение ее деятельности на два основных этапа (после принятия Конституций 1919 и 1935 гг.), что является новым подходом к изучению проблем деятельности

службы. В каждом из этапов уточнены и проанализированы особенности функционирования ИГС, ее влияние на устойчивость колониального аппарата Индии во время кризиса Британской империи 1919–1939 гг.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов заключается в создании целостной картины, характеризующей роль ИГС в управлении Британской Индией. Результаты настоящего исследования будут полезны для академических институтов и научных центров при проведении исследований по истории Британской империи, колониальной Индии, истории чиновничьей бюрократии Индии, Пакистана и Бангладеш. Результаты работы могут быть использованы в деятельности государственных структур, общественных и международных организаций с целью выявления особенностей функционирования бюрократических институтов стран, которые ранее находились в составе Британской империи. Положения диссертации могут быть применены в учебном процессе в высших учебных заведениях для преподавания нормативных и специальных курсов по всеобщей истории, новейшей истории стран Азии и Африки, истории Индии.

Методологическая основа исследования. В исследовании используется системный подход, который дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности и помогает выявлению закономерностей функционирования государственной колониальной администрации Британской Индии, определения в ней места и роли Индийской гражданской службы.

Из конкретных методов исторической науки в работе использован историко-генетический метод, который посредством последовательного раскрытия свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического развития позволяет в настоящем исследовании выявить преемственность и изменчивость деятельности Индийской гражданской службы в период межвоенного колониального кризиса.

В исследовании применяется также историко-сравнительный метод, который дает возможность раскрыть сущность изучаемых явлений по сходству и различию присущих им свойств. В данной работе историко-сравнительный метод

позволяет выделить сходства и различия в содержательности влияния политической обстановки на особенности работы ИГС в различные периоды, что способствует анализу качественных изменений в деятельности службы на территории Индийских провинций.

Историко-типологический метод занимает важное место в проведении исследования деятельности ИГС в 1919–1939 гг. Основа историко-типологического метода заключается в том, что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее. Одной из главных задач в исследовании функционирования ИГС в рамках колониальной администрации Британской Индии является выявление особенностей работы на центральном, провинциальном и дистрикт-уровнях администраций, что представляет интерес для данной работы. Типологизация структуры ИГС, а также последующий ее анализ способствует выявлению значимости тех или иных уровней администрации, входивших в структуру службы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период с 1919 по 1939 гг. ИГС занимала центральное положение в управлении государственным аппаратом Британской Индии. На протяжении указанного периода служба обладала значительной автономией от метрополии. Сотрудники ИГС занимали наиболее важные посты по всей вертикали власти. Таким образом, служба обеспечивала британские интересы в стране.

2. В основе функционирования ИГС лежал принцип ротаций и гибкая система назначений. Тем самым поддерживалась малочисленность службы, что существенно снижало проблему финансирования, а также ликвидировались пробелы в подготовке и некомпетентности кадров.

3. «Кадровый голод» в годы кризиса Британской колониальной империи (1919–1939) внес существенные изменения в особенности рекрутирования офицеров службы. Преодоления последствий осуществлялись путем упрощения системы отбора и подготовки, а также постепенной заменой европейцев представителями местного населения, что получило наименование «индианизация».

4. Выявлена структура работы ИГС в 1919–1939 гг. ИГС осуществляла свою деятельность по основным вертикалям власти (центр, провинция, дистрикт). На центральном уровне офицеры службы контролировали функционирование законодательной, исполнительной и судебной власти. Представители провинциального уровня осуществляли непосредственный контроль субъектных единиц. Дистрикт-администрация являлась низшим уровнем британского влияния в Индии. Таким образом, британский колониальный аппарат осуществлял прямое воздействие на страну и удерживал наиболее важные отрасли управления.

5. На протяжении всей истории Британской Индии офицеры ИГС занимали наиболее привилегированное положение в индийском обществе. Викторианские традиции и особенности функционирования бюрократического аппарата Индии привели к созданию закрытого элитарного общества, которое имело инородный характер и абстрагировалось от остального населения страны.

6. Глубокий кризис колониальной системы, а также возрастающая роль национального движения существенно влияли на ситуацию в стране. Однако политическая система Индии в рамках действия Конституции 1919 г. находилась под непосредственным воздействием офицеров ИГС. Конституция 1935 г. ликвидировала монополию ИГС на управление страной. В период с 1937 по 1939 гг. служба перешла от противостояния к сотрудничеству с деятелями национального движения, что позволяло косвенно влиять на социально-политическую ситуацию в Индии.

Апробация результатов исследования осуществлялась посредством докладов на 9 международных, всероссийских и региональных научных конференциях: III научно-практической конференции памяти профессора М. Ф. Слинкина «Слинкинские чтения» (г. Симферополь, 19 февраля 2015 г.); XLVI, XLII Международных научных чтениях «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней» (г. Симферополь, 19–20 апреля 2017, 17–18 апреля 2019 гг.); международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в науке в современных условиях» (г. Новосибирск, 30 марта 2018 г.); научная конференция «Экономические, социально-политические и

этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки» (г. Москва, ИВ РАН, 16–18 марта 2020 г.); Всероссийская научная конференция «Гражданская война в России и русский исход 1920 г.: история, идеология, культурология и геополитика» (г. Севастополь, 20 марта 2020); Международный молодежный научный форум «Ломоносов 2020» (г. Москва, МГУ им. Н. В. Ломоносова, 13–17 апреля 2020 г.); круглый стол «Основные тенденции трансформации международных отношений и интересы России: вчера, сегодня и завтра» (г. Симферополь, 24 апреля 2019); международная научная конференция «Республика Индия – 70: теория и практика конституционного развития» (г. Москва, Центр индийских исследований ИВ РАН, 21–22 октября 2020 г.). Основные результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях в журналах, которые включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, а также изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. В частности, были опубликованы следующие статьи: «Структура дистрикт-администрации в Британской Индии 1919–1939 гг.», «Особенности профессиональной подготовки европейских офицеров Индийской гражданской службы», «Проблема реформирования административного управления Северо-Западной пограничной провинции Индии в 20-е гг. XX в.», «Особенности кризиса Индийской гражданской службы 1919–1939 гг.», «Особенности деятельности Индийской гражданской службы в Британской Бирме (1921–1937 гг.)», «Особенности административного управления островными территориями Британской Индии в конце XIX – первой половине XX вв.». Кроме того, одна публикация издана в журнале, индексируемом в базе данных Web of Science и Scopus: «"Большая игра" в Туркестане в первой половине XIX века: геополитические интересы сторон» (в соавторстве).

Структура диссертационного исследования включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы, приложение.

ГЛАВА 1. Индийская гражданская служба в административной структуре Британской Индии

1.1. Основные принципы функционирования Индийской колониальной системы

Британская империя – крупнейшее из когда-либо существовавших в мире колониальных образований. Британская Индия (British Raj) являлась наиболее значимой частью имперских колониальных владений. В 1858 г. власть в Индии переходит от Ост-Индийской компании под непосредственное руководство британской короны. В 1878 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии [113, с. 66]. Являясь наиболее крупным рынком сбыта промышленных товаров из метрополии, индийские владения позволяли получать сверхдоходы [132, с. 103]. Важность данных территорий подчеркивалась в выражении: «Индия – жемчужина британской короны».

Могущество Британской империи напрямую зависело от эффективного управления Индией. В 1919 г. население Индии составляло 238 млн. человек [68, р. 204]. На протяжении длительного периода британского присутствия в регионе была разработана сложная административно-территориальная система. Приблизительно две пятых от всей территории Индии [102, с. 308] занимали 583 княжества [270, р. 15], значительная часть которых управлялись собственным чиновничьим аппаратом [212, р. 7]. Часть земель принадлежала к племенным агентствам. Остальная территория делилась на 11 провинций (до 1935 г. к ним относилась Бирма) [8, р. 8]. В 1911 г. столица Британской Индии была перенесена из Калькутты в Нью-Дели [6, р. 7]. Верховная власть в Индии принадлежала императору, а также британскому правительству. Политическое руководство осуществлял Государственный секретарь по делам Индии (Secretary of State for India), который возглавлял Индийский офис (India office) [81, р. 1]. До 1937 г. в сферу влияния данного учреждения также входили Бирма и Аденская провинция (до 1932 г. – Aden settlement – *С.Н.*) [72, р. 131, 250]. Пост генерального секретаря

был введен в 1858 г. Деятельность Индийского офиса обеспечивала политические и экономические интересы империи, при этом реальные потребности страны игнорировались [164, с. 5]. Изолированность Индии в международном плане позволяла британской политической верхушке иметь монопольное право на управление страной. Центральное место в системе гражданского администрирования колонией занимала Индийская гражданская служба (Indian Civil Service) (ИГС) [156, с. 203]. Данная структура, созданная в 1858 г. была призвана контролировать все жизненно важные отрасли власти в Индии [223, р. 1]. Значительная удаленность колониальных владений от метрополии обуславливала определенную автономию гражданских администраторов. По словам премьер-министра Великобритании Д. Ллойд-Джорджа, офицеры ИГС являлись «стальным каркасом» («steel frame») Британской Индии [173, р. 1]. Следует отметить, что за период 1858–1947 гг. не была выработана полноценная концепция, мотивировавшая причины британского пребывания в Индии. В межвоенный период постепенная дезинтеграция колониальных властей усиливала рост национального движения [169, с. 16].

На протяжении всего существования ИГС ее офицеры должны были обеспечивать узкие связующие механизмы между Дели и Лондоном. Данная система получила название «Имперской приверженности Индии». В задачи чиновников входило обеспечение экономических интересов империи [127, с. 23], а именно – поддержание монопольного рынка британских товаров, ввиду чего поставки продукции и другие расходы Лондона создавали постоянный стерлинговый долг, который оплачивался с процентами [346, р. 134]. В то же время на сотрудников ИГС было возложено развитие потенциала индийских владений [121, с. 48]. Другой не менее важной функцией «Имперской приверженности» было обеспечение расквартирования и финансирования британских войск. Следует отметить, что содержание многомиллионной Индийской армии являлось частью стратегии британской обороны [101, с. 183]. В кризисные периоды военные подразделения, состоявшие из местного населения, выступали в качестве «имперской пожарной бригады» [267, р. 302]. Межвоенная

имперская доктрина предполагала максимальное использование ресурсного потенциала страны в военных целях [134, с. 23]. При этом в период 1919–1939 гг. отсутствовал «кризисный план» по увеличению численности вооруженных лиц на случай чрезвычайной ситуации [135, с. 245]. Таким образом, британские колониальные чиновники в Индии должны были обеспечивать своеобразные обязательства перед метрополией. Подобная система имела двойную основу, одновременно поддерживались интересы правящих политических кругов метрополии, а также сфера крупного бизнеса [147, с. 16]. Долговые обязательства Индии существенно сокращали бюджет страны [325, р. 280]. Большая часть населения находилась за чертой бедности. Поток британских промышленных товаров препятствовал развитию местного производства [312, р. 11]. Колониальная политика обуславливала сырьевой характер экономики Индии [232, р. 462]. Финансовые проблемы Лондонского правительства в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. привели к фактическому отказу от обязательств метрополии по обороне колоний. Послевоенный экономический и политический кризис в Великобритании привел к введению защитных мер для «домашнего рынка» [99, с. 51]. В последующие годы Индийское руководство находилось в постоянной конкуренции между следованием интересам короны и внутренними проблемами [221, р. 44]. Таким образом, в индийских владениях сосредотачивались огромные ресурсы, которые обеспечивали функционирование имперского центра [264, р. 520].

Британская колониальная администрация имела три основных уровня власти: центральный, провинциальный, окружной (дистрикт). Во главе центральной администрации стоял вице-король (генерал-губернатор), который назначался решением государственного секретаря по делам Индии при содействии Британского правительства. Данная должность считалась политической, назначение того или иного кандидата зависело от предпочтений правящих политических кругов. С 1858 г. вице-король являлся официальным представителем британской короны в Индии. Срок пребывания в должности не превышал пять–шесть лет. В руках вице-короля сосредотачивалась

исполнительная и законодательная власть. Главе колониальной администрации также передавалось исключительное право по решению наиболее важных политических вопросов страны [246, р. 5].

Верховным органом законодательной власти являлся Имперский Законодательный совет (Imperial Legislative Council). Учреждение имело двухпалатную структуру и состояло из Центральной Законодательной Ассамблеи (Central Legislative Assembly) и Государственного совета (Council of State). Государственный совет являлся верхней палатой индийского парламента, в его функции входило рассмотрение и принятие законодательных проектов, рассматриваемых Законодательной Ассамблеей. Оба учреждения состояли из выборных и назначаемых представителей, а также определенного числа колониальных чиновников, назначаемых на специально зарезервированные места. Количество членов индийского парламента определялось различными правительственными актами [82, р. 1–9].

Центральная исполнительная власть в Индии принадлежала правительству, состоящему из тридцати департаментов. После принятия Конституции 1919 г. (Government India Act) местные политические лидеры сформировали несколько министерств. При вице-короле находился совещательный орган – Исполнительный совет (Executive Council), в который входили представители наиболее важных департаментов [82, р. 1–9].

В 1939 г. в Британской Индии насчитывалось десять провинций, которые находились под прямым контролем ИГС. Наиболее значимыми из них являлись так называемые «старые президентства»: Бенгалия, Бомбей, Мадрас. Вышеперечисленные административные единицы были созданы в период правления Ост-Индской компании [292, р. 12]. К более молодым провинциям относились: Пенджаб (Punjab), Соединенные провинции (United Provinces), Ассам (Assam), Бихар и Орисса (Bihar and Orissa), которая была разделена на две провинции в 1936 г., Центральные провинции (Central Provinces) и выделенный из состава Бомбея в 1936 г. Синд (Sind) [72, р. 95, 192]. Исключением являлась лишь Северо-Западная Пограничная провинция (North-West Frontier Province), имевшая

собственную административно-территориальную структуру и особое законодательство. Данная территория находилась под управлением Индийской политической службы (ИПС) (Indian Political Service) [19, р. 58–61]. В обязанности этой организации входило политическое присутствие и обеспечение интересов короны в «зоне племен» индийского пограничья (агенция Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция) [1, р. 4], княжествах, а также управление мандатными территориями на Ближнем Востоке [162, с. 21]. Кроме того, следует указать на особую островную территорию Андаманских и Никобарских островов, руководство которыми осуществлялось напрямую из Дели [83, р. 14, 47].

«Особые территории» – нестандартные административные образования в составе Британской Индии, которые располагались в труднодоступной местности или на значительном удалении от крупных административных центров и имели особый статус и упрощенную форму управления. К «особым территориям» относились племенные, островные, горные, речные и пограничные территориальные единицы (или агенции – *С. Н.*). При центральном правительстве был создан целый ряд профильных вспомогательных служб, которые имели собственные департаменты на провинциальном и районном уровнях администрации. К Общеиндийским службам (All-India Services) относились: Индийская полицейская служба (Indian Police Service), Индийская медицинская служба (Indian Medical Service), Индийская лесная служба (Indian Forest Service), Индийская образовательная служба (Indian Educational Service) и др. [242, р. 221]. Персонал данных структур набирался представителями специальной комиссии при центральном правительстве [94, р. 308, 327, 332].

Провинциальный уровень колониальной администрации Индии состоял из собственного правительства и законодательных органов. Во главе провинции стоял губернатор. Законодательная власть в индийских провинциях принадлежала – Законодательным советам (Legislative Council). Часть мест в провинциальных парламентах была зарезервирована для местных чиновников. Некоторое число депутатов назначалось по сословно-представительскому признаку, остальные

избирались из числа местных политических партий. При губернаторе располагался секретариат, который ведал политическими вопросами, финансовым контролем, правилами административных процедур, а также курировал департаменты и министерства. Провинциальное правительство состояло из следующих департаментов: административный (General Administration department), земельных сборов (Land Revenue department), общественных инструкций (Public Instructions department), судебного, полицейского, лесного, общественных работ, общественного здравоохранения, тюремного, акцизного, регистрационного, сельскохозяйственного, промышленного, кооперативного, налогового (подходный налог), гражданской ветеринарии, археологических исследований. Некоторое отличие в структуре имели правительства неуставных провинций. Так, примером может служить Синд, где значительную административную роль играли военные [94, р. 94–102]. При крупных департаментах располагались профильные секретариаты, которые осуществляли посредничество между избираемыми политическими деятелями и руководством провинции.

К среднему звену административной надстройки колониальной Индии относился дистрикт. Дистрикт – основная административно-территориальная единица в составе провинций, охватывающая несколько городов, с прилегающей к ним сельской местностью. Размеры дистрикта колебались в зависимости от провинции. Обширность территорий, многообразие климатических зон, а также различная плотность населения влияли на специфику построения данных административно-территориальных единиц [140, с. 108]. Так, на территории Соединенных провинций, в северных районах Кумман (Kumman), население дистриктов насчитывало до трехсот тысяч человек [20, р. 6–7]. В то время как на юге провинции в дистрикте Горакхпур (Gorakhpur) население составляло до 3 млн. человек [18, р. 13]. На 1939 г. в Британской Индии насчитывалось 230 дистриктов [339, р. 108]. Общее руководство данными территориальными единицами осуществляли дистрикт-офицеры. Дистрикт администрация имела следующие уровни: субдивизия (subdivision), талук или таксил (taluk, tahsil),

деревня. Для более эффективного управления в составе дистриктов выделялись субдивизии. Данная административная единица охватывала один или два небольших города и несколько сотен деревень. Так, в наиболее густонаселенных дистриктах Соединенных провинций могло насчитываться от четырех до шести субдивизий [140, с. 109]. Данным типом администраций руководили субдивизионные офицеры [13, р. 319]. В большинстве случаев субдивизионная администрация была идентична дистриктам, однако численность чиновников была значительно меньше. В некоторых провинциях руководители субдивизий получали статус резидентов и не входили в структуру дистрикт-администрации.

В состав субдивизии входили один или два тексила (tahsil), талука (taluk) или мандала (mandal). Название данных административных единиц варьировались в зависимости от той или иной провинции. В такие подразделения входило до полутора сотен деревень [140, с. 109]. Руководство подобными администрациями осуществлялось таксильдарами, тулукдарами и мамлатдарами. Данные чиновники относились к поселковым администрациям. Полномочия местных администраторов были аналогичны дистрикт-офицерам, однако ограничивались территорией талуков. Необходимо также указать на руководство небольших городов и поселков (township), которые могли входить в состав талуков [246, 85–89].

Для обслуживания провинциального и дистрикт-уровней колониальной администрации в каждой провинции была создана собственная Индийская провинциальная служба (Indian Province Service). Данная структура набиралась исключительно из местного населения. Однако ее сотрудники не могли назначаться на целый ряд руководящих должностей, которые были зарезервированы для ИГС [100, с. 33]. Таким образом, члены Индийских провинциальных служб выполняли роль вспомогательного офисного персонала, образуя целую армию чиновников и клерков. На 1921 г. их численность равнялась 1 млн. человек [200, р.15].

Исключением из общепринятой административной системы составляли так называемые постоянно-оседлые территории (permanently settled territory). К ним

относились три провинции, а именно Бенгалия, Бихар и Орисса (до 1936 г. являлись одной провинцией. – *С.Н.*). В данных провинциях отсутствовала система талуков, ввиду чего система субдивизий напрямую соприкасалась с сельской администрацией. Различия в административной структуре были вызваны применением в Британской Индии трех видов земельного законодательства. На территориях Бенгалии, Бихара и Ориссы была распространена система заминдари (*zamindari*), которая функционировала на основании Закона об оседлом устройстве от 1793 г. (*Permanent Settlement Act*). Согласно данному законодательному акту заминдарами (помещикам – *С.Н.*) предоставлялись полномочия по сбору земельного налога с крестьян (*Land Revenue*) их собственных районов. С 1793 г. все земли Бенгальского президентства переходили в собственность британской короны [69, р. 1–4]. Колониальные власти предоставляли местным дворянам особые обязательства, тем самым создавая лояльную категорию населения. При этом заминдари могли содержать собственные земельные наделы и получать определенную часть от сборов земельного налога. Причина создания подобной системы состояла в том, что правительство Бенгалии испытывало нехватку ресурсов для создания местной бюрократии [216, р. 31]. При этом система заминдари позволяла отказаться от создания целого ряда административных учреждений. В отличие от Северо-Восточной Индии, в Мадрасе, Бомбее, Синде в сельской местности преобладали фермерские поселения. Так как в данных провинциях практически отсутствовали помещичьи землевладения, система заминдари не могла быть применена на данных территориях. Новый тип налогообложения на полуострове Декан получил свое название от крестьян-раятов (*ryots*), ввиду чего была запущена система райатвари (*Ryotwary System*), согласно которой взимание земельного налога с крестьян-общинников производилось без посредников [27, р. 4–8]. Для территорий Пенджаба, Объединенных провинций и Центральных провинций была создана отдельная система – махалвари (*Mahalwari system*), включавшая в себя элементы заминдари и райатвари.

Сельская администрация находилась на низшем уровне местного самоуправления [343, р. 10]. Основной структурной единицей являлись деревни, которые возглавлялись старостами, названия должностей которых различались в зависимости от провинции (lambardars, chanduri, patels). При каждом старосте находился бухгалтер, который также мог исполнять обязанности письмоводителя – патвари или карнам (patwaris, karnams). Данная часть чиновников являлась наиболее многочисленной в Британской Индии. Так, в субдивизии Касур (Kasur), относящейся к дистрикту Лахор (Lahore) в Пенджабе, в каждом из двух тексилов насчитывалось по сто сельских старост и по сто карнамов [218, р. 209–211].

Отдельно необходимо выделить представителей Индийской судебной администрации. Британская Индия, разделенная на множество провинций и княжеств, не имела единой судебной администрации. В каждой провинции располагался собственный Верховный суд (High Court), являвшийся высшей судебной инстанцией на указанной территории. В системе провинциальных верховных судов традиционно главенствующую роль занимал Верховный суд Бенгалии. Помимо центральных провинциальных судебных инстанций при каждой дистрикт администрации функционировали местные уголовные и гражданские суды. Низшей судебной инстанцией являлись дистрикт-магистраты, а также действующие по их принципу суды талуков или таксилы. Все судьи были разделены на четыре класса. Первые три класса охватывали юристов, имевших академическую квалификацию в области права, а также судебскую лицензию. К первому относились судьи (вакилы) Вурховного суда (High vakils Court), которые могли осуществлять практику в любых судах провинции. Второй класс – барристеры (адвокаты высшей категории), имевшие аналогичные первому классу права. Третий класс охватывал судей первого ранга (First Grade Pleaders), для которых практика была разрешена только в судах дистриктов. Четвертый класс (Second Grade Pleaders) охватывал чиновников, не имеющих академической квалификации. Данный класс относился к подчиненным дистрикт-судам. К нему относились суды магистрата и функционировавшие по аналогии с ними суды в таксилах и талуках [245, р. 3–5].

Основополагающими законодательными документами колониальной Индии были правительственные акты (Government Act), принимаемые британским парламентом. Данные документы носили конституционный характер и разрабатывались специальными правительственными комиссиями. Согласно реформам Морли – Минто 1909 г. (Government Councils Act 1909) законодательная власть в Индии переходила к Законодательному совету. Вице-король имел право законодательной инициативы, а также мог налагать вето на законопроекты, принимаемые в совете [78, р. 176–177]. Законодательный совет был полностью подчинен вице-королю, его члены проходили тщательный отбор. Большое значение среди парламентариев играли действующие колониальные чиновники. Реформы Морли – Минто носили формалистский характер. Британское правительство пыталось создать видимость присутствия местного населения в органах законодательной власти. Закон о государственном совете являлся основным законодательным актом Индии до 1921 г.

В 1919 г. была принята Конституция (Government India Act 1919). Данный законодательный акт был разработан Государственным секретарем по делам Индии Э. Монтегрю (E. Montagu) и вице-королем лордом Ф. Челмсфордом (F. Chelmsford). Новая Конституция была призвана наделить большими полномочиями провинциальные правительства, а также расширить влияние местных законодательных советов [105, с. 270]. По мнению авторов реформ финансовая и политическая децентрализация позволяли индийским провинциям выйти из затяжного послевоенного кризиса [142, с. 665]. Однако, несмотря на увеличение влияния индийского парламентаризма, британские администраторы сохраняли монополию на управление жизненно важными отраслями власти. Юстиция, охрана правопорядка, сбор налогов и акцизных пошлин оставались прерогативой губернаторской власти. Главы провинций и их исполнительные советы не были подотчетны местным парламентам. Индийские политики получали контроль лишь над сельским хозяйством, здравоохранением и образованием [174, р. 913]. Новообразованные министерства имели в собственной структуре профильные секретариаты, состоящие из сотрудников ИГС [12, р. 31].

Конституция 1919 г. вошла в силу в конце 1920 г., ознаменовав начало периода «дуархии», особенность которого заключалось во внутреннем противостоянии губернаторской власти и местных индийских парламентариев.

Конституция 1935 г. (Government Act 1935) вошла в силу в 1937 г. Согласно данному законодательному акту существенно увеличивалось общественное участие в центральном и провинциальных правительствах. Центральная Законодательная ассамблея была расширена в два раза. Количество граждан, получивших избирательные права, увеличилось в пять раз. Контроль над всеми сферами власти был передан советам министров, которые были ответственны перед Законодательной ассамблеей. Профильные секретариаты находились под полным контролем министерств [11, р. 29]. Однако основные вопросы управления страной решались в секретариатах. Вице-король являлся арбитром в разрешении споров между секретариатами и министерствами. Аналогичная картина наблюдалась и на провинциальном уровне. Так, показателен пример Мадрасского правительства, которое возглавил Раджагопалахари (Rajagopalachari). Ввиду неопытности «новоиспеченных» министров возникала значительная неразбериха. Конкуренция между министерствами и секретариатами, сотрудники которых имели значительный опыт работы, имела характер настоящего противостояния. Решающую роль играл голос главы правительства, который, несмотря на свою принадлежность к индийскому национальному движению, полагался на мнение секретариатов. Наиболее сложная ситуация была в министерстве по делам доходов, где министр Пракасам часто не соглашался с профильным секретарем Узиэли (Uzielli). Когда Раджагопалахари соглашался с секретарем, спор решался в сторону Узиэли. Конституция 1935 г. являлась значительной уступкой в сторону индийского национального движения, которое получило значительную власть в Индии. Данное нововведение относилось к общеимперской политике и было направлено на умиротворение колониальных владений и стабилизацию экономики [98, с. 14]. Однако, несмотря на изменения в стране, британские власти до начала Второй мировой войны не планировали свертывание собственного колониального присутствия [309, р. 48].

Таким образом, Британская Индия представляла собой сложную федеративную систему, имевшую несколько уровней власти. Период с 1919 по 1939 гг. был обусловлен проведением значительных реформ в области государственного устройства. Большая часть изменений была направлена на децентрализацию и увеличение значения провинциальных правительств [336, р. 157]. Привлечение к управлению страной местных политических партий являлось попыткой стабилизировать антибританские настроения в Индии. Однако данные реформы не предусматривали явного отхода от существующих колониальных порядков. Британские власти предпочитали идти на незначительные уступки национальному движению, сохраняя за собой основную роль в управлении Индией.

1.2. Особенности структуры и деятельности Индийской гражданской службы

Главное место в управлении колониальной Индией занимала ИГС. Данное учреждение имело сложный разветвленный административный аппарат, который был призван обеспечивать интересы Британской империи в регионе. На 1919 г. ИГС насчитывала всего 1318 человек, а в 1938 г. – 1237 членов [309, р. 22]. Столь низкая численность личного состава колониальной службы была характерна для аналогичных структур империи. Специфика обуславливалась тем, что с периода Ост-Индской кампании британцы имели крайне ограниченные человеческие ресурсы. Подобная нехватка повлияла на формирование административной структуры колониального аппарата. В 1919–1939 гг. кадровый голод стал одной из причин отхода британцев от единоличного управления. В последующий период нехватка персонала стала одной из причин ухода Великобритании из Индии и провозглашения ее независимости.

Офицеры ИГС присутствовали на исполнительном, законодательном и судебном уровнях государственного аппарата Индии. Вся структура данного учреждения была распределена согласно уровням административного деления.

Так, выделяются: центральный либо правительственный уровень (Central or Government of India level), провинциальный уровень (Provincial level), дистрикт уровень (District level). Отдельно следует выделить судебный уровень власти, который имел собственную структуру. Судебные работники, являвшиеся офицерами ИГС присутствовали на дистрикт уровне, а также в провинциальных верховных судах (Provincial High Court). Также некоторая часть старших офицеров (senior officer) находилась на руководящих постах в различных профильных службах, таких как Индийская почтово-телеграфная служба (Indian Posts and Telegraph Service), Имперская таможенная служба (Imperial Customs Service), Индийская служба учета и аудита (Indian Audit and Accounts Service). Лучшие офицеры могли быть отобраны в Индийскую политическую службу (ИПС) для осуществления политического присутствия в княжеских владениях, а также для руководства племенными территориями [246, p. 25]. Так, в 1919 г. в ИПС находился 101 офицер ИГС, в 1938 г. – 43 офицера [73, p. 249–654]. Несмотря на переводы в другие структуры, во всей делопроизводственной документации, справочной литературе упоминалась принадлежность чиновника к службе. Аббревиатура – «ICS» (Indian Civil Service) указывалась после перечня званий и наград при упоминании об офицерах службы во всех официальных печатных изданиях Индии и Великобритании. До 1937 г. в состав ИГС входили офицеры, проходившие службу в Бирме [137, с. 86]. Таким образом, немногочисленная ИГС охватывала все наиболее важные уровни управления в стране.

Каждый офицер ИГС в период прохождения подготовки в Великобритании приписывался к той или иной провинции Индии. Провинциальная принадлежность обуславливала специфику подготовки новобранцев. В большинстве случаев офицеры находились в своих провинциях до выхода на пенсию либо увольнения. Исключение составляли переводы в Центральное правительство, а также командировки на другие территории. Так, Н. К. Патерсон (N. K. Paterson) из Центральные провинций в 1930-е гг. получил назначение на Андаманские острова (Andaman islands) в качестве заместителя комиссара (Deputy

Commissioner) [46, p. 7]. Также изменение провинциальной принадлежности офицеров осуществлялось в результате разделения провинций (Бихар и Орисса, 1936 г. – *С.Н.*), либо выведения из их состава новых самостоятельных субъектов. Примером может служить Д. Саймингтон (D. Symington), служивший в Бомбее и оказавшийся после 1936 г. на некоторое время в администрации Синда [55, p. 6]. В качестве особого прецедента можно указать случай перевода С. Джонстона (C. Johnston) из Соединенных провинций. Офицер получил предложение перейти в Бенгалию. Данный случай произошел на волне общего кадрового кризиса ИГС, а также постоянных террористических актов в Бенгалии. В целом, Бенгалия являлась одной из наименее привлекательных провинций, в том числе из-за особенностей административного устройства, отмечалась большая загруженность чиновников [215, p. 161]. Ввиду указанных причин провинция испытывала острый недостаток офицеров. В результате руководство провинции вынуждено было привлекать добровольцев из других провинций, предлагая офицерам льготные условия службы и более высокие оклады. Так, офицер С. Джонстон был одним из двух откликнувшихся офицеров. В обмен на обязательство о прохождении пятилетней службы в Бенгалии С. Джонстон потребовал годичное назначение на должность коллектора в высокогорный дистрикт Горхвал (Gorhwal) в Соединенных провинциях. Несмотря на то, что данная должность была крайне престижной ввиду сезонной миграции семей колониальных чиновников в высокогорье, правительство Бенгалии удовлетворило прошение офицера [84, p. 31].

Управление огромными территориями путем привлечения крайне ограниченного количества административных кадров обуславливало создание уникальной системы назначений на должности. В результате нехватка кадров компенсировалась постоянным перемещением чиновников по стране и объединением в одних руках нескольких должностей. На примере биографии сэра Дж. Л. Корбетта (J. L. Corbett), проходившего службу в Соединенных провинциях, прослеживается так называемая концепция «Дислокации и перемещения» (Location and movement). Вступивший в 1905 г. в ИГС офицер имел типичную для

своего времени биографию, которая подтверждает указанную концепцию. С 1905 г. по 1915 г. Дж. Л. Корбетт находился на посту ассистента коллектора (Assistant Collector) в пяти различных дистриктах своей провинции. При этом офицер одновременно занимал должности заместителя руководителя администрации, магистрата, коллектора по сборам земельного налога, политического агента по организации поддержки колониального правительства, пресс-офицера, противодействовал продаже опиума и исполнял обязанности офицера по земельному урегулированию (Settlement officer). Очередное назначение на должность проходило ежегодно (от 9 до 12 месяцев. – *С.Н.*). В течение шести лет, с 1909 по 1915 гг., офицер ежегодно получал назначение в дистрикт Саугор (Saugor). С 1915 по 1917 гг. Дж. Л. Корбетт был прикомандирован к комиссии по земельному урегулированию, после чего в течение полугода шесть раз назначался на различные должности в дистриктах Чиндвара и Нагпур (Chhindwara and Nagpur). В 1919 г. офицер был прикомандирован в качестве заместителя секретаря (Deputy Secretaty) в департамент по делам коммерции и промышленности (Commerce and Industry Department) Центрального правительства Индии (Government of India), при этом получив должность дистрикт коллектора (district collector). В 1921 г. был делегирован в департамент земельных сборов и сельского хозяйства (Department of Revenue and Agriculture). В 1922 г. находился в правительственной командировке на архипелаге Фиджи. В 1923 г. назначен на должность дистрикт коллектора и директора по делам кооперативной организации и промышленности в дистрикт Нагпур. В том же году был перемещен на должность секретаря в департамент по делам коммерции и промышленности центрального правительства Индии, в котором находился до 1927 г. В общей сложности Дж. Л. Корбетт с 1905 по 1927 гг. получил 45 различных назначений, пройдя путь от младшего дистрикт-офицера до секретаря департамента центрального правительства. При этом Дж. Л. Корбетт в среднем находился на каждой из должностей от месяца до года (мог назначаться повторно на одну и ту же должность – *С.Н.*) [18, р. 36–38].

Концепция «Дислокации и перемещения» позволяла оперировать небольшим количеством офицеров, которые одновременно объединяли целый ряд должностей в различных административных единицах Индии. Сравнительно небольшой срок пребывания на посту позволял исправить недочеты администрирования, а также возможный непрофессионализм руководящих офицеров. Коррупция в среде должностных лиц была распространена в Индии повсеместно. Так, дивизионный комиссар из Соединенных провинций (Division Commissioner) А. П. Хьюм (A. P. Hume) указывает, что его подчиненный офицер Л. Дж. Луд (L. G. Lyde) довел до кризисного состояния дистрикт Бенарас (Benaras) и был впоследствии уволен из службы за участие в коррупционных схемах. Офицер А. Р. Вестлейк (A. R. Westlake) из Мадраса был недоволен своим назначением в дистрикт Рамнад (Ramnad) и перемещен в провинциальный совет по сбору земельного налога. Однако за данным чиновником закрепилась репутация уклониста, повлиявшая на его карьеру. По мнению руководства Индии, подобная система препятствовала застаиванию бюрократического аппарата и наполняла «свежей кровью» те или иные проблемные дистрикты. Так, С. Х. Раза (S. H. Raza), служивший в Бомбее и Синде, в своих воспоминаниях указывал, что наиболее проблемным местом в провинции являлся дистрикт Ларкхана (Larkhana). В нем на должности коллектора побывала половина провинциальных офицеров [51, р. 16; 309 р. 30]. Непродолжительные сроки пребывания на должности объяснялись также и политическими причинами. Британская колониальная администрация в 1919–1939 гг. находилась под постоянным давлением индийских национальных сил. Несмотря на то, что большинство сотрудников ИГС были преданы интересам короны, все молодые офицеры находились под пристальным надзором своих непосредственных начальников. Дистрикт коллекторы и дивизионные комиссары в конфиденциальном порядке направляли в свои провинциальные правительства доклады о деятельности молодых подчиненных. В письменных рапортах давалась подробная оценка их способностям, манерам, а также политическим взглядам. На основе данной

информации могла решаться будущая карьера новобранцев. Подобная практика распространялась на офицеров европейского и индийского происхождения.

Другой не менее важной причиной постоянных кадровых перемещений был уход сотрудников в оплачиваемые отпуска с выездом на родину. Подобная практика была обязательной для всех сотрудников. Офицерам ИГС каждые три-семь лет полагался отпуск, который мог длиться от одного до семи месяцев. Практиковались и краткосрочные отлучки по состоянию здоровья, либо по семейным обстоятельствам [71, р. 998–1001]. Решение о предоставлении отпуска предоставлялось Центральным правительством Индии. Так, С. Ватерсон (S. Waterson) из Центральных провинций, прибыл в Индию в 1905 г. и свой первый отпуск сроком на два месяца получил в 1912 г. В следующий отпуск офицер был направлен лишь в 1919 г. сроком на семь месяцев и двадцать дней. В 1925 г. офицер был отправлен в отпуск на восемь месяцев, с сохранением жалования на три месяца [18, р. 35–36]. Большой временной разрыв между предоставлением отдыха мог зависеть от занимаемых должностей, а также от различных событий, происходящих в стране. Ежегодно в отпуск на родину выезжало около 20% всех офицеров. Значительное количество отпускников приходилось на период «жаркого сезона» (конец весны – середина осени. – С.Н.), ввиду резкого повышения температуры и опасности заражения инфекционными заболеваниями. Следует отметить, что после возвращения из отпуска на прежних должностях оставался лишь небольшой процент офицеров. Образовавшийся вакуум должен был компенсировать ежегодный прием новобранцев. В случае освобождения поста коллектора в крупном и стратегически важном дистрикте, производилось двойная передача (double transfer). Данная практика подразумевала назначение на должность офицера из менее крупного дистрикта или субдивизии, а на его место назначался молодой офицер, проходивший стажировку (Assistant Collector). При этом оба чиновника получали статус временно исполняющих обязанности глав администраций. Так, дополнительный магистрат (Additional Magistrate) или заместители коллектора (Deputy Collector) могли занимать должность дистрикт-коллектора. Впоследствии был возможен целый ряд

перестановок, после которых чиновники возвращались на соответствующие своему званию должности, с которых они были временно переведены на период «жаркого сезона» [309, р. 34].

В период образования новых провинций, таких как Синд и Орисса, создавалось большое количество новых постов в секретариатах, ввиду чего происходила целая череда назначений и переводов для заполнения вакуума новых административных единиц в администрации. Кроме того, причинами быстрой смены кадров были болезни или травмы. Так, офицер В. Л. Скотт (W. L. Scott) из Ассама вынужден был отказаться от должности заместителя секретаря в провинциальном правительстве по причине тяжелого заболевания жены. Наиболее необычный случай произошел в 1932 г. с коллектором дистрикта Годавари (Godavari), который страдал лунатизмом и выпал во время сна из веранды. В результате им были получены тяжелые травмы, в связи с чем офицер не мог продолжать службу. Нередкими были и летальные случаи. Так, В. Джордженсон (W. W. Georgenson) из Мадраса, поступивший на службу в 1930 г., досрочно получил должность дистрикт коллектора из-за внезапной смерти целого ряда предшественников и их семей от малярии. Коллектор Дж. С. Болтон (J. C. Bolton) утонул во время поездки в Кашмир вместе с семьей. Коллектор Т. А. Шарп (T. A. Sharp) из Ассама был обезглавлен. В дистрикте Миднапур (Midnapur) в Бенгалии в 1930-е годы террористами было убито три коллектора: Пидди (Piddie), Дугласа (Douglas), Бурса (Burse) [309, р. 34].

В каждой провинции были свои «призовые» должности, часто получаемые в качестве поощрения. Большинство офицеров стремилось быть назначенными на данные посты. Например, большой популярностью пользовалась служба в горных станциях, которые во время «жаркого сезона» становились объектом настоящего паломничества семей чиновников и военных, становясь центром сезонного перемещения. Наиболее известной горной станцией была г. Симла (Simla), которая ежегодно становилась столицей Индии на весенне-летний период. В г. Симлу переезжало Центральное правительство во главе с вице-королем, а также все провинциальное руководство Пенджаба. В каждой

провинции были собственные высокогорные курорты. В Бенгалии это был дистрикт Дарджелинг (Darjeling). П. Мэсон (P. Mason) из Соединенных провинций в своих воспоминаниях указывал, что многие чиновники лоббировали свое назначение в дистрикт Гарвхал (Garnwhal). М. Х. Хуссейн (M. H. Husain) указывал, что «призовым» местом в Пенджабе была субдивизия Кулу (Kulu). Должность коллектора г. Бомбей называли «зачным местом». Руководство многомиллионным городом, подразумевало значительное повышение оклада, прекрасные условия жизни в собственной резиденции Malabar Hills, часто называемой чиновниками Букингемским дворцом. Г. Твинам (H. Twynam) из Бенгалии в 1927 г. получил пост коллектора по земельным сборам в «Калькутта Импроvement Трест» (Calcutta Improvement Trust), считавшимся огромным предприятием, работа на котором подразумевала операции с большими суммами денег. В противопоставление «призовым» в каждой провинции был целый ряд «неблагоприятных» должностей. Крайне неблагоприятными считались назначения в отдаленные дистрикты Бенгалии, где действовали партизанские отряды. Крайне непопулярными были дистрикты, находившиеся в зоне рискованного земледелия, где в любой момент мог начаться голод. Большие проблемы доставляли дистрикты, в которых проходили столкновения на религиозной почве. Многие офицеры получали подобные назначения в качестве взысканий. Другой проблемой являлась угроза инфекционных заболеваний. Так, М. Стюарт (M. Stuart), служивший в Бенгалии в качестве наказания был отправлен руководить дистриктом Кришнагар (Krishnagar), во время службы в котором большинство его предшественников умерло от малярии [309, p. 34].

Продвижение по карьерной лестнице в ИГС проходило в порядке старшинства. Каждый новобранец начинал службу в должности ассистента коллектора (Assistant Collector) и по истечению определенного срока становился коллектором в дистрикте или субдивизии (Colltctor). В каждой из провинций новобранцы, поступившие на службу в один и тот же год, разделялись на группы по пять-шесть человек. Наиболее успешный офицер мог получить повышение не ранее чем через три-четыре года. Однако в большинстве случаев повышение

производилось одновременно для всей группы каждые пять-семь лет. При этом не менее одного раза в год офицеры перемещались на различные посты в рамках своей провинции, в том числе могли временно находиться на более высоких должностях. Постоянные кадровые перестановки и гарантии карьерного продвижения являлись характерной особенностью ИГС. Большинство сотрудников вспомогательных провинциальных служб (Indian Province Service) практически не имели никакого карьерного роста. Следует указать, что весь колониальный аппарат был разделен на руководящий состав (officer), к которому относились все представители ИГС и вспомогательный персонал (office) [100, p. 74].

В качестве повышения за определенные заслуги офицеры получали руководящие должности в секретариатах, например – секретарь (Secretary), шеф-секретарь (Chief Secretary). Особо почетной считалось должность губернатора провинции (кроме Бомбея, Мадраса, Бенгалии. – *С.Н.*), на которые назначались ветераны ИГС, прослужившие в Индии не менее двадцати лет. Многие губернаторы получали свои назначения после выхода на пенсию, по истечению их двадцатипятилетнего контракта. Максимальный срок службы в Индии составлял тридцать пять лет [91, p. 249].

Быстрое продвижение офицеров ИГС по карьерной лестнице не являлось преднамеренной политикой. Старшие офицеры (senior officer) предпочитали продлить свое пребывание на престижных постах в административных центрах страны. Однако руководство Индийского офиса (Indian office) официально не рекомендовало длительное (более трех лет. – *С.Н.*) пребывание в одном и том же дистрикте и настаивало на постоянных кадровых перестановках [222, p. 195]. Таким образом, ИГС имела сложную систему функционирования, которая была сформирована на основе длительного опыта работы в Британской Индии. Структура службы имела четкую иерархию. Единая система должностей компенсировала отсутствие персональных званий. Выслуга лет могла оказывать непосредственное влияние на служебное положение.

1.3. Центральный и провинциальный уровни власти в Британской Индии

Служба в центральном правительстве Индии являлась вершиной карьеры для офицеров ИГС. Лишь небольшая часть чиновников направлялась в г. Дели из своих профильных провинций. Для большинства офицеров срок пребывания на руководящих должностях был строго регламентирован. Исключение составляли наиболее заслуженные и авторитетные чиновники. Количество представителей службы на данном уровне власти не превышала 11% (Приложение 3–4). Получение назначения либо командировки в Центральное правительство являлись крайне престижным этапом службы. Длительное пребывание на различных постах г. Дели указывало на привилегированное положение чиновника. В среде офицеров система заполнения высших руководящих должностей получила негласное название «система владения» («tenure system»). Следует отметить, что наиболее важные должности в правительстве резервировались только для представителей ИГС.

Официальным представителем британской короны в Индии являлся вице-король или генерал-губернатор. Данная должность являлась политической и большинство руководителей правительства Индии назначались из числа видных лондонских парламентариев. При вице-короле находился огромный административный аппарат. Назначения на высшие посты могли зависеть от личных предпочтений руководителя страны. Следовательно, после ухода в отставку вице-короля могли производиться значительные кадровые перестановки. Наиболее приближенными к вице-королю были члены его личного штаба (Personal Staff the Viceroy and Governor-General). В ближайшее окружение генерал-губернатора входили: секретари по различным вопросам, не менее семи адъютантов (Aide-de-camp), личный врач, охрана и клерк-регистратор. Для представителей ИГС была традиционно зарезервирована должность личного секретаря (Private Secretary) и его ассистента (Assistant Private Secretary). Лишь некоторые вице-короли в качестве исключения назначали частных секретарей из числа своих приближенных из Англии. Так, В. А. Дж. Хоуп (V. A. J. Hope)

вызвал из метрополии своего приближенного Дж. Г. Лайтваита (J. G. Laithwaite). При этом в штабе была создана должность заместителя личного секретаря (Deputy Private Secretary), который вместе с ассистентом был офицером ИГС [94, р. 29]. Таким образом подчеркивался порядок, по которому обеспечивалось обязательное присутствие офицеров службы на резервированных должностях.

Следующей административной единицей являлся Верховный Совет (Supreme Council, Executive Council), возглавляемый вице-королем. Данная организация осуществляла контроль над исполнительной властью Британской Индии. В различные годы в него входило от пяти до девяти постоянных членов, которые назначались вице-королем [301, р. 3173]. Обязательным условием легитимного функционирования Верховного совета, являлось присутствие в нем не менее троих человек, имевших более чем десятилетний опыт имперской службы в Индии. Данное условие фактически резервировало должности для сотрудников ИГС. Некоторые офицеры находились в совете на протяжении достаточно длительного времени, несмотря на отставки нескольких вице-королей. Так, с 1919 по 1925 гг. членом Верховного Совета был В. М. Хайли (W. H. Hailey), руководивший Домашним Департаментом (Home Department) [85, р. 29]. В Верховном Совете присутствовали руководители наиболее крупных департаментов центрального правительства, а также командующий Индийской армией.

Согласно реформам 1919 г. основная законодательная власть в Индии была передана двухпалатному парламенту. Государственный Совет (Council of State) являлся верхней палатой индийского парламента. В его функции входило утверждение законопроектов, предлагаемых нижней палатой – Законодательной ассамблеей (Legislative Assembly). Вице-король имел право наложить вето на решения парламента. Представители обеих палат законодательных органов были разделены на три категории: назначаемые вице-королем чиновники из центрального и провинциальных правительств; назначаемые лица, не имеющие должностей; избираемые лица, не имеющие должностей. Фактически назначаемые члены составляли консервативную часть парламента. По замыслу

колониального правительства чиновники совместно с назначаемыми крупными землевладельцами должны были составлять парламентскую коалицию совместно с выборными представителями лояльных к британцам политических партий. Тем самым колониальные власти обеспечивали постоянный контроль над выборными законодательными органами. Значительную роль в индийском парламенте играли представители ИГС. Так, в 1930 г. из пятнадцати правительственных чиновников Государственного Совета, восемь были офицерами службы. В Законодательной ассамблее из двадцати шести – тринадцать [89, р. 31]. Согласно Конституции 1935 г. индийский парламент становился однопалатным, при этом роль назначаемых в него правительственных чиновников была существенно снижена.

Исполнительная власть в Центральном правительстве Индии была разделена между тридцатью департаментами. Наиболее важные учреждения возглавлялись сотрудниками ИГС. Для офицеров ИГС были постоянно зарезервированы следующие должности: президент совета экзаменаторов (President of the Board of Examiners); генеральный контролер и аудитор финансового департамента (Controller and Auditor General of Finance Department); генеральный директор почты и телеграфа (Director General of the Posts and Telegraphs); генеральный директор по делам коммерции (Director General of Commercial Intelligence); генеральный директор по уголовным делам (Director of Criminal Intelligence) [309, р. 26]. Для эффективного управления и координирования действий департаментов при центральном правительстве функционировал секретариат. На данное учреждение возлагались контрольные и руководящие функции в отношении отраслевых департаментов. Центральный секретариат занимался обработкой информации, предоставляемой профильными провинциальными учреждениями с целью оптимизации общего управления страной. Всего насчитывалось девять профильных секретариатских отделов: финансовый (разделен на общий и военный); внутренних дел (Secretariat of Home Department); внешних и политических дел (Foreign and Political Secretariat); образования, здравоохранения и земельных дел (Education, Health and Lands); законодательный (Legislative Secretariat); армейский (Army Secretariat);

коммерческий (Commerce Secretariat); железнодорожный (Railway Board); промышленности и труда (Industries and Labour Secretariat) совместно с филиалом общественных работ (Public Works Branch). Во второй половине 1930-х гг. были выделены следующие самостоятельные отделы: полицейский, по делам реформирования (Reforms Office) [93, р. 59]. После вхождения в силу Конституции 1935 г. происходит создание целого ряда новых департаментов, при которых находились профильные секретари и офисы. Так, в 1937 г. выделяются следующие структурные подразделения Центрального правительства: департамент внешних связей (External Affairs Department); разведывательное бюро (Intelligence Bureau); бюро общественной информации (Bureau of Public Infimation); офис по делам реформирования (Reform Office); департамент обороны (Defense Department) и другие [73, р. 4–10]. Во всех вышеперечисленных департаментах и секретариатах большинство должностей занимали сотрудники ИГС. В 1930 г. из девяти департаментских секретариатов семь возглавлялись офицерами службы, находящимися в должности секретаря (Secretary) [89, р. 34–35]. В период с 1919 по 1939 гг. большинство секретариатов (за исключением технических и специальных агентств и департаментов: инженерных, общественных работ, геологического, археологического. – *С.Н.*) на 80% были укомплектованы офицерами ИГС. Следует выделить центральный секретариат, функционировавший при вице-короле. Основными функциями учреждения являлось решение политических вопросов. Данный секретариат состоял из двенадцати секретарей, десять из которых были сотрудниками ИГС [73, р. 5].

К отдельной инстанции Центрального правительства Индии относился юридический департамент (Law Department). Данное учреждение имело собственную уникальную структуру и функционировало на Общеиндийском уровне до 1937 г. Юридический департамент был разделен на три структурных подразделения и располагался в г. Калькутта с 1862 г. Главным учреждением являлся Суд Верховной Юрисдикции (High Court of Judicature), имевший верховные судебные полномочия по отношению к провинциальным высшим судам (Province High Court). В его штат входило пятнадцать человек во главе с

шефом юстиции (Chief of Justice), который имел звание барристера (адвокат высшего суда Британской Империи). Из четырнадцати штатных судей (Puisne Judges) пять являлись офицерами ИГС с более чем пятнадцатилетним стажем работы в провинциальных судах [89, 1930 р. 15]. Так, судья Дж. Ф. Грахам (J. F. Graham), вступивший в ИГС в 1896 г., начал свою судебную практику в 1906 г. и лишь с 1919 г. неоднократно получал должность в Суде Верховной Юрисдикции г. Калькутты. Присутствие высокопоставленных офицеров в крупнейших судебных инстанциях Британской Индии подчеркивало высокий статус службы [84, р. 579].

Сотрудники ИГС находились на всех наиболее важных постах Центрального правительства. Таким путем обеспечивалось соблюдение имперских интересов в Индии. Офицеры службы сосредотачивали в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть, несмотря на изменения конституционного строя, повлекшие за собой увеличение влияния национальных политических сил. Практика резервирования руководящих должностей в различных сферах администрирования, позволяла обеспечить необходимую степень контроля над страной.

Провинциальные правительства Британской Индии обладали значительной автономностью от Центрального аппарата страны. Согласно Конституциям 1919 г. и 1935 г. провинции обладали собственными двухпалатными законодательными (Province Legislative Council and Legislative Assembly), судебными (Province High Court) и исполнительными органами (министерства, секретариаты, департаменты). Общий курс по децентрализации налогообложения в Индии позволил провинциальным правительствам самостоятельно осуществлять сбор налогов, наиболее значимым из которых являлся земельный сбор (Land Revenue) [109, с. 137]. Таким образом, для осуществления возложенных обязанностей провинциальные правительства должны были обладать обширным и крайне разветвленным административным аппаратом. Центральные руководящие функции на данном уровне власти традиционно занимали представители ИГС, обеспечивая «Имперскую приверженность Индии».

В период с 1921 по 1939 гг. от 21 до 24 % всех сотрудников ИГС находились на различных руководящих постах в провинциальных правительствах (Приложения 3-4). Колониальные администрации провинций возглавлялись губернаторами. С середины XIX в. сложилась особая традиция назначений на данную должность, которая функционировала вплоть до 1947 г. Кандидатуры руководителей провинций подбирались по рекомендации вице-короля и утверждались Государственным секретарем по делам Индии в Лондоне. Большинство губернаторов являлись ветеранами ИГС, прослужившими более двадцати пяти лет. Часто губернаторы назначались из числа офицеров, вышедших в отставку. Классическим примером может служить биография сэра М. Ф. О'Дваера (M. F. O'Dwyer), который вступил в ИГС в 1882 г. и в 1913 г. был назначен на пост губернатора Пенджаба, на котором пробыл до 1919 г. [30, р. 3]. При этом средний срок нахождения в должности не превышал трех-четырёх лет. Однако в некоторых случаях смена руководителей провинций производилась менее чем через год. Так, сэр Дж. Ф. Монтморенси (G. F. Montmorency) пробыл в качестве губернатора Пенджаба всего семь месяцев, после чего был отправлен в отставку [90, р. 74]. С 1919 по 1939 гг. в семи из одиннадцати провинций Индии (без учета Бирмы – *С.Н.*) губернаторами являлись офицеры ИГС. К исключениям относился порядок назначений руководителей «старых президентств» – Бенгалия, Мадрас, Бомбей. В данных провинциях прерогатива отдавалась представителям политических элит Великобритании. Губернаторы трех наиболее важных административных единиц Индии утверждались согласно пожеланиям формирующих правительство партийных кругов. Часто избираемые политическим большинством кандидаты не имели опыта службы в Индии. Так, с 1927 по 1932 гг. губернатором Бенгалии был известный игрок в крикет и член парламента С. Джексон (S. Jackson). Обычной практикой являлось пребывание в данных должностях военных, в частности, высшего генералитета (Дж. Стенли в Мадрасе, Ф. Сайкс в Бомбее и др. – *С.Н.*) [341, р. 70, 82]. Следует отметить, что в 1938–1939 гг. в Бенгалии обязанности губернатора временно исполняли два старших офицера ИГС: сэр Р. Н. Реид (R. N. Reid) и сэр Дж. А. Вудхед

(J. A. Woodhead) [72, p. 188; 73, p. 196]. Данный факт подтверждает значимость и влияние вышеуказанной службы.

Структура провинциальных администраций была во многом идентична Центральному правительству. При каждом губернаторе находился его личный штаб (Personal Staff of Governor), который состоял из 12–20 человек в «старых президентствах» и от 3 до 8 человек в остальных провинциях (без учета Бирмы и Северо-Западной Пограничной провинции. – *С.Н.*). В Центральных провинциях штаб состоял из личного и военного секретаря и адъютанта (Aide-de-camp), в то время как в Мадрасе численность данного учреждения насчитывала не менее 14 человек [77, p. 35, 37]. Наиболее приближенным к губернатору лицом являлся его личный секретарь (Secretary to Governor). Данная должность всегда резервировалась для офицеров ИГС. Остальные должности распределялись между военнослужащими Индийской армии и полиции, также была предусмотрена должность личного врача (Surgeon). Персональный штаб находился в постоянном распоряжении руководителя провинции и был призван выполнять исходящие поручения. Подбор кандидатур осуществлялся исходя из личных предпочтений руководителя. После ухода губернатора в отставку штаб подлежал роспуску. Наличие большого количества военных адъютантов являлось традицией и не имело конкретных практических причин. В то время как присутствие офицеров ИГС в аппарате губернатора, как и принадлежность губернатора к службе, диктовалось необходимостью поддержания стабильной ситуации в Индии.

Губернаторы провинции назначали исполнительный совет (Executive Council of Province). Структура объединяла исполнительные и совещательные функции и находилась на вершине иерархии провинциальной администрации. В учреждение входили опытные чиновники. К ним относились руководители совета по земельным сборам (Board of Land Revenue) и финансового департамента, при этом они обязательно являлись членами Законодательного совета. Сроки пребывания в совете не были регламентированы. Однако стандартной практикой после отставки того или иного губернатора являлась замена членов совета. В Центральных провинциях сэр А. И. Нельсон (A. E. Nelson) с 1927 по 1932 гг.

входил в учреждение при губернаторе сэре М. С. Д. Батлере (M. S. D. Butler) [90, р. 100]. После назначения в 1932 г. нового губернатора, чиновник был снят с должности. Количество постоянных членов в различные годы колебалось от размера и значимости провинции. В большинстве случаев в совете заседали от 2 до 4 человек. При этом 2 или 3 члена имели обязательную принадлежность к ИГС. Отсутствие исполнительных советов в некоторых провинциях было связано с тем, что окончательное выделение в качестве самостоятельных субъектов не было завершено. Так, Ассам, номинально имевший статус провинции с 1874 г., до 1921 г. управлялся Главным комиссаром (Chief Commissar) [94, р. 56, 139], при котором располагался единый административный секретариат, на 80 % состоявший из сотрудников ИГС. Однако административная структура Ассама копировала самостоятельные индийские департаменты и советы, в том числе функционировала собственная Законодательная ассамблея [82, р. 41–44]. С 1922 г. количество членов исполнительных советов колебалось, в зависимости от потребностей губернатора. В 1930 г. в Пенджабе, Бихаре и Ориссе совет состоял всего из 2 членов [89, р. 89, 68] из которых один обязательно являлся индийцем, а второй членом ИГС. С вхождением в силу Конституции 1935 г. в 1937 г. исполнительный совет при губернаторе был ликвидирован. При губернаторе был создан Совет Министров, состоявший из избираемых представителей индийских политических партий. Данный факт указывает на существенное перераспределение полномочий и изменение баланса сил в пользу индийского национального движения. Постепенный отход британцев от единоличного управления страной существенно отразился на полномочиях офицеров ИГС, которые стали подотчетны индийским министрам.

В каждой провинции функционировал собственный двухпалатный парламент [259, с. 619]. Учреждение состояло из избираемых и назначаемых губернатором членов (чиновники и не чиновники), количество которых колебалось в зависимости от провинции. Так, в Бенгалии на 1936 г. законодательный орган состоял из 140 членов, из которых 114 избирались на выборах, 26 назначались губернатором. В Пенджабе из 94 депутатов назначалось

23 [100, р. 54, 106]. Губернатор имел право наложить запрет на решения законодателей. Совет управлялся президентом и вице-президентом из числа представителей индийских политических кругов. До 1937 г. британские провинциальные власти практиковали назначение на руководящие должности лояльных к колониальному правительству политиков. Необходимый баланс в законодательных органах поддерживался при помощи назначаемых в качестве депутатов чиновников. Должность секретаря президиума, а также до половины назначаемых депутатских кресел резервировались для офицеров ИГС. Данный факт прослеживается в официальных индийских документах и ежегодных справочниках вплоть до 1937 гг. После чего провинциальные законодательные органы стали полностью контролировать деятельность правительства и губернаторов. Следует отметить, что с 1921 г. при колониальном правительстве начали функционировать провинциальные министерства, которые курировали образование, здравоохранение и сельское хозяйство. Образованные в результате реформ Монтегрю–Челмсфорда 1919 г. учреждения изображали видимость привлечения местных политиков к управлению провинцией. Реально же для индийцев были выделены наименее значимые для британцев отрасли управления. Функционирование политических министерств привело к периоду двоевластия.

Как и в Центральном правительстве, на провинциальном уровне функционировал секретариат. Данная структура осуществляла контроль правительственных учреждений и являлась официальным связующим звеном между провинцией и дистрикт администрацией. Представители секретариата курировали политическую работу; занимались финансовым контролем; вырабатывали правила и принципы административных процедур; ведали статистикой и т. д. Секретариат был отделен от собственных профильных департаментов, при этом руководил их работой. В период с 1919 по 1939 гг. учреждение контролировало следующие профильные направления: юридическое (Judicial); налоговые сборы (Revenue) ирригационное (Irrigation); местное самоуправление (Local self-government); финансы (Finance,); коммерцию (Commerce); морские дела (Marine); сельское хозяйство (Agricultural),

промышленность (Industries); общественные работы (Public works); законодательный отдел (Legislative); образование (Education); политические дела (Political) [81, p. 32]; лесные дела (Forest); общественное здравоохранение (Public Health); кооперативное кредитования (Cooperative credit) [73, p. 23] и др. В различные годы один или два офицера могли курировать целый ряд направлений. Например, в Бенгалии в 1930–1931 гг. секретарь Г. П. Хогг (Secretary G. P. Hogg) занимался одновременно сельским хозяйством, промышленностью и общественными работами. При этом в 1920-е гг. данное направление курировало два офицера [85, p. 21]. Подобная практика зависела от наличия профильных специалистов, нехватка которых приводила к объединению секретариатов.

Все наиболее значимые должности в провинциальных секретариатах занимали сотрудники ИГС. На 1931 г. из пятнадцати офицеров секретариата Бенгалии, четырнадцать были членами службы. Во главе всей структуры находился главный секретарь (Chief Secretary), назначаемый губернатором. Профильными отделами руководили офицеры, находящиеся в должности секретаря (Secretary) либо временно исполняющие его обязанности. Более узкие направления курировались дополнительными секретарями (Joint Secretary). Интересно отметить, что различие между этими двумя должностями было лишь формальным. Секретари и дополнительные секретари находились на одном уровне и относились к старшему (senior) звену службы. Незначительное различие заключалось лишь в заработной плате. Низшие офицерские должности занимали заместители секретарей (Deputy Secretary) или младшие секретари (Under Secretary). В крупных отделах, например политическом или финансов и коммерции традиционно создавались должности, на которые назначались офицеры младшего и среднего звена ИГС [210, p. 121]. Так, в Бенгалии в первой половине 1930-х гг. в секретариате насчитывалось: один Главный Секретарь, семь секретарей (разделение на Secretary и Joint Secretary не указано. – *С.Н.*), пять заместителей секретаря, два младших секретаря [90, p. 32]. В Бихаре в 1938 г. секретариат состоял из двенадцати офицеров: один главный секретарь, шесть секретарей, три заместителя секретаря, два младших секретаря [94, p. 108]. Для

достижения контроля за выполнением постановлений секретариата на территории провинции в структуре находились «специальные офицеры» (Special Duty Officer), относившиеся к ИГС. Так в Бихаре на 1938 г. их насчитывалось восемнадцать человек [72, р. 93–100]. Следует отметить, что в секретариатах и департаментах трудился огромный штат вспомогательного персонала. К нему относились суперинтенданты, клерки, стенографисты, машинисты и многие другие. Большинство из этих служащих относились Индийской провинциальной службе.

Крупные департаменты, имевшие стратегическое значение для короны, возглавлялись и комплектовались сотрудниками ИГС. Исключение могли быть лишь в случае нехватки офицеров, либо при привлечении некоторого числа профильных специалистов. Так, сотрудники службы могли возглавлять следующие департаменты: таможенный (Custom Department); соляной (Salt Department); департамент земельных записей (Department of Land Records); департамент кооперативных обществ (Department of Cooperative Societies); департамент исследований (Survey Department); акцизный (Excise Department); департамент промышленности (Industries Department); департамент регистрации (Registration Department) и др. Одними из важнейших учреждений на данном уровне власти являлись провинциальные Советы по доходам. Данная структура занималась взиманием Земельного сбора (Land Revenue). Согласно Конституции 1919 г. провинциальные правительства получили возможность самостоятельного собирать поземельную подать с крестьян собственных провинций. Ввиду того, что значительная часть местного населения Индии была занята в сельском хозяйстве, налог представлял стратегическое значение для пополнения доходов Британской Индии. Совет по доходам практически полностью состоял из офицеров ИГС. Через систему комиссаров, которые руководили дивизиями, учреждение контролировало сбор налогов в дистриктах. На местах сбором налогов управляли дистрикт-офицеры, находившихся на должности коллекторов. В Совет входили несколько членов, которые осуществляли руководство учреждением. Наибольшее число в Мадрасе – три человека. В Бенгалии и Бомбее

– один человек. В некоторых провинциях, таких как Ассам или Пенджаб, советом руководил комиссар [90, р. 35, 44, 56, 77, 108]. При руководстве совета находились секретарь, регистратор земельных записей, а также огромный штат вспомогательного персонала.

В отдельных провинциях функционировали специализированные департаменты. В Пенджабе был создан департамент оседлых территорий и колонизации (Settlements and Colonization Department). Учреждение занималось заселением полупустынных земель провинции и способствовало улучшению качества сельского хозяйства и ирригации в регионе. Большое внимание уделялось процессу оседания кочевых племен. Департамент имел некоторое количество агентов, которые исполняли свои обязанности в дистриктах. Другим специализированным учреждением являлся Опиумный департамент, который функционировал в Соединенных провинциях. Свободное производство и продажа опиума в Индии была запрещена. Для осуществления данной деятельности была необходима лицензия. Департамент осуществлял выдачу лицензий и пресекал незаконную продажу опиума в провинции. Кроме департаментов офицеры ИГС могли возглавлять или занимать руководящие должности на крупных государственных концернах и предприятиях, расположенных в их провинциях [338, р. 16].

После вхождения в силу Конституции 1935 г. большинство департаментов было ликвидировано, их функции стали исполнять политические министерства. Секретариаты были полностью подчинены новообразованным органам и стали выполнять консультативные и совещательные функции при них. Интересно отметить, что многие пришедшие к власти министры имели явное недоверие к собственным секретариатам, ввиду чего могли возникать конфликты. Штат секретариатов в значительной степени был расширен.

Необходимо отдельно выделить провинциальные судебные администрации. В каждой провинции (кроме Северо-Западной пограничной провинции. – *С.Н.*) функционировал собственный судебный департамент. При департаменте располагался Верховный суд провинции (High Court), который являлся высшей

судебной инстанцией. Учреждение занималось наиболее сложными уголовными прецедентами, а также принимало апелляции по пересмотру решений дистрикт-судей, в том числе утверждало решение о смертных приговорах. Помимо осуществления правосудия Верховный суд ведал деятельностью всей судебной администрацией провинции. К этому можно отнести самостоятельную финансовую деятельность судов, а также контроль за выполнением принудительных общественных работ. Старший судья был ответственен за назначение на более высокие должности всех старших офицеров судебной юрисдикции (первые три класса. – *C.H.*). Верховный суд был полностью самостоятелен в кадровых перестановках, связанных с постоянным перемещением офицеров ИГС, а также других старших юридических чиновников. В компетенцию данных учреждений входило рассмотрение предлагаемых провинциальными ассамблеями законопроектов, предложение собственных инициатив. Провинциальные верховные суды комплектовались наиболее квалифицированными судьями или вакилами, которые имели более чем двадцатилетний стаж работы. Традиционно одна треть судей относилась к ИГС, одна треть к индийским юристам, одна треть к назначенным правительством представителям местных элит. Так власти пытались представить в суде опытных офицеров колониальной службы, индийских профессиональных юристов и влиятельные слои провинциального общества, прекрасно осведомленных в области местных традиций и обычаев [245, р. 4–8]. Однако следует уточнить, что многие британские и индийские юристы являлись членами ИГС, что создавало в Верховных судах необходимый для поддержания колониальной системы баланс. Верховный суд возглавлялся главным судьей (*Chief of Justice*). В штат обязательно входили регистраторы, стенографисты (*remembrancer*), адвокаты – юридические офицеры (*Low Officers*). Количество штатных судей колебалось в зависимости от провинции. Наибольшее количество мест было в Президенциях. Например, в Верховном суде Бомбея помимо председателя, насчитывалось около тринадцати штатных судей. В то время как в Бихаре (до 1936 г. Бихар и Орисса) их было всего шесть [94, р. 83]. Значительная разница в количестве судей в этих

провинциях заключается в том, что власть Верховных судов «старых президентств» в различные годы могла распространяться на некоторые выделенные из их состава провинции. Так, например, Верховному суду Бомбея были подчинены судебные инстанции Синда, Бенгалия традиционно курировала Ассам. Судебный департамент Ассама в 1930 г. состоял из дистрикт и сессионных судей, которые чаще всего назначались из Бенгалии. В некоторых регионах, например, в Центральных провинциях во главе судебного департамента находился судебный комиссар (Judicial Commissioner). В Бихаре и Ориссе судебный департамент имел штатную структуру и возглавлялся шефом юстиции [89, p. 102, 117, 125].

Суды общей юрисдикции располагались в дистриктах, однако были подчинены провинциальной судебной администрации. Часто полномочия судей распространялись одновременно на несколько дистриктов. Суды общей юрисдикции были разбиты на два самостоятельных субъекта – гражданские и уголовные (сессионные) суды. Дистрикт-судьи осуществляли правосудие, основываясь на гражданском кодексе. Сессионные судьи (Session Judge) рассматривали уголовные правонарушения. Часто, при наличии академической квалификации, один офицер мог занимать одновременно посты дистрикт и сессионного судьи. Данная практика была обыденной в указываемый в работе период, для которого была характерна нехватка квалифицированных кадров. В случае большой загруженности в судебном штате предполагалось наличие дополнительных (штатных) судей (Additional Judges) [64, p. 2]. Следует подчеркнуть, что судьи из учреждений общей юрисдикции были неподконтрольны дистрикт-администрации [63, p. 4].

Практически в каждом дистрикте руководящие посты в судах занимали представители ИГС. 12 % или сто сорок человек от общего количества членов службы были заняты в данной сфере (Приложения 3–5). Основной причиной перехода офицеров являлось назначение либо официальный перевод по собственному желанию, который утверждался Провинциальной комиссией по назначениям и Верховным судом провинции. Обязательным условием для

перехода в судебные инстанции являлось обязательное прохождение судебной стажировки (judicial training). При этом кандидат должен был иметь опыт службы не менее пяти–семи лет. Это говорило о том, что чиновник проходил полный курс стажировки в качестве младшего дистрикт-офицера и имел значительный опыт работы в качестве магистрата и коллектора. Следует отметить, что далеко не все кандидаты имели профильное юридическое образование. При том, что все новобранцы ИГС в течение года (для индийцев – два года. – *С.Н.*) профильного обучения на «индийских курсах» в колледжах Великобритании были обязаны изучить законодательство профильной провинции. Ввиду этого качество подготовки молодых судей могло быть весьма посредственным. Некоторые судьи не могли сравниться в квалификации с местными профессиональными юристами [200, р.26–27]. В случае успешного окончания судебной стажировки Верховный суд провинции производил назначение кандидата на должность дополнительного (штатного) судьи. В данной должности офицер находился не менее трех лет, после чего производилось назначение на должность дистрикт или сессионного судьи (иногда одновременно. – *С.Н.*). За это время чиновник мог неоднократно перемещается в различные дистрикты в рамках провинции. Следует отметить, что работа судей была крайне сложной. Учреждения были перегружены работой и часто не успевали вовремя рассматривать дела. В судебный штат входило большое количество вспомогательного персонала. Основными помощниками судей являлись мунсифы (munsifs) из числа местных индийцев, которые были заняты подготовкой делопроизводственной документации, в том числе и на официальном языке провинции. После 20 лет безупречной службы, наиболее успешные судьи могли получить назначение в Верховный суд провинции, а также руководящие должности в Центральном правительстве Индии [245, р. 7–11]. При этом стоит указать, что большинство судей продолжали службу в судах общей юрисдикции вплоть до выхода на пенсию по истечению двадцатипятилетнего контракта.

Наиболее показательным примером судебной работы офицеров ИГС является биография барристера Л. Хорвилла (L. Horwill), который сделал

блестящую карьеру в Мадрасе. Л. Хорвилл прибыл в Индию в 1915 г. в качестве ассистента коллектора. С 1916 по 1920 гг. находился в Индийской Армии, после чего пребывал на должности субдивизионного офицера в ряде дистриктов провинции. В 1925 г. успешно окончил судебную стажировку и был сразу назначен на должность дистрикт и сессионного судьи в дистриктах Анантхапурам (Ananthapuram) и Мадурай (Madurai). В 1935 г. Л. Хорвилл был командирован в Хайдарабадское княжество в качестве дополнительного судьи-резидента. После офицер продолжил службу дистрикте Читтур (Chittoor). В 1940 г., на двадцать первом году службы, Л. Хорвилл получил назначение в качестве судьи Верховного суда Мадраса [74, р. 774–775]. Известно, что чиновник пребывал на данном посту до 1950 г. и являлся последним судьей-британцем в независимой Индии, после чего выехал в Австралию.

Таким образом, структура центральных и провинциальных органов власти выстраивалась на основе практической необходимости. ИГС контролировала наиболее важные области государственного управления. Данные административные надстройки позволяли британским властям осуществлять непосредственное руководство исполнительными, законодательными и судебными учреждениями Британской Индии.

1.4. Специфика дистрикт-администрации в Британской Индии

В общественном мнении британцев первой половины XX в. сложился крайне оптимистичный портрет индийского колониального офицера. Официальная пропаганда Великобритании возлагала на чиновников не только функции по поддержанию благосостояния и целостности империи, но и приписывала им своеобразную мессианскую идею. Концепция была призвана обеспечивать права на управление страной [209, р. 21]. Колониальные администраторы были обязаны привнести в Индию цивилизацию и прогресс [298, р. 54]. В обязанности чиновников входила «Передача устойчивых моральных ценностей людям, которые находились в неблагоприятных условиях» [234, р.

645], что должно было оправдывать британское присутствие в Индии и других колониях империи. Наиболее популярной по количеству освещения в прессе и литературе была работа в отдаленных дистриктах. Классической картиной является изображение дистрикт-офицера во время инспекций в отдаленные деревни района [138, с. 137]. Чиновник представал верхом на лошади во время движения по освященным солнцем полям Северной Индии, в холодную бодрящую погоду. В сопровождении свиты чиновников коллектор был окружен послушными и дружелюбными крестьянами [236, р. 286–289]. Однако данный романтический образ являлся крайне противоречивым и часто искажал реалии деятельности офицеров ИГС.

Большинство офицеров ИГС проходили службу в дистриктах и субдивизиях. Данный уровень являлся крайней точкой проникновения гражданской колониальной администрации в провинциях Британской Индии. К 1939 г. в стране насчитывалось около 230 дистриктов, 95% из них возглавлялись сотрудниками службы [68, р. 108]. На 1919 г. в дистриктах числилось 497 офицеров или 44 % от всей численности организации (данные без учета Бирмы – *С.Н.*). В 1938 г. – 545 офицеров или 50 % (Приложения 3–4). Деятельность дистрикт-офицеров была многопрофильна и обширна. Однако ввиду крайней малочисленности, британские колониальные администраторы на местах придерживались строго регламентированной модели управления. Дистрикт-офицеры не выходили за рамки зарезервированных обязанностей. Иными словами, администраторы исполняли свои функции без необходимости осознания и понимания реальной ситуации, которая происходила во вверенных им районах. За пределами административных центров дистрикта, вся полнота власти находилась в руках местной индийской администрации. Чиновники из таксилы и сельских общин предпочитали не информировать начальство о конкретных проблемах, предоставляя стандартные бюрократические отчеты. Таким образом, политика краткого пребывания дистрикт-офицеров в должности не имела значительных последствий. Дистрикт и субдивизионные офицеры исполняли следующие основные функции: глава магистратского суда и руководитель

местной полиции, коллектор по сбору земельного налога, общие административные полномочия [261, р. 12]. Следует отметить, что в большинстве случаев все эти должности занимал лишь один офицер.

В каждом дистрикте была предусмотрена штатная должность коллектора (collector). В круг его обязанностей входили: организация и контроль над сбором перечня налогов и акцизов, обеспечение арбитража в земельных тяжбах, инспектирование местных администраций и проверка ведения документации в таксилах и деревнях [332, р. 167]. В каждой провинции Британской Индии (кроме Северо-Западной пограничной провинции. – *С.Н.*) существовало несколько общеобязательных сборов: подоходный налог, налог с продаж, акцизы и марки. Однако наиболее значимым являлся земельный сбор или земельный налог (Land Revenue) с индивидуальных земельных участков, который ежегодно давал основные финансовые поступления в казну страны [322, р. 1]. На 1936 г. общеиндийские сборы (land revenue) составили 25 млн. фунтов стерлингов (все операции осуществлялись в индийских рупиях – *С.Н.*). Следует отметить, что в наиболее богатой провинции – Мадрас, средняя налоговая нагрузка на каждого плательщика в этот год составляла всего около 27 пенсов [246, р. 47]. Таким образом, поступления в бюджет станы были основаны на сравнительно низких налоговых ставках, которые компенсировались за счет многомиллионного населения, большая часть которого была занята в сельском хозяйстве.

Работа коллектора представляла собой сложную многоступенчатую систему. Вся деятельность была сопряжена с проведением постоянных инспекций (туров – *С.Н.*) в различные населенные пункты дистрикта. Суб-коллектор (sub-collector) Н. Б. Бонарджи (N. B. Bonarjee) из Соединенных провинций вспоминал: «во время туров по дистрикту коллектор получал информацию о местном населении и системе ведения сельского хозяйства» [3, р. 58]. Создание эффективной системы налогообложения напрямую зависело от познаний о регионе, его обществе и природно-климатических условиях. В каждой провинции могли встречаться разнообразные типы ведения хозяйства и формы собственности. Большое значение играл конфессиональный вопрос [15, р. 326].

Оценка и сбор земельных доходов являлись основными целями коллекторов. Однако помимо фискальных функций дистрикт-офицеры решали большое количество административных задач. Коллекторы осуществляли контроль над следующими операциями: регистрация и ведение учета частных земельных участков, охрана государственных земель, купля-продажа участков, регулирование отношений между помещиками и арендаторами [246, р. 41–57].

Каждые 30 лет в дистриктах постоянно оседлой зоны (то есть кроме Бомбея и Мадраса – *С.Н.*) производилась масштабная проверка земельных участков «от поля к полю». Чиновники производили уточнение прав собственности на землю, классификацию почв с целью переоценки и изменения суммы земельного налога в каждой провинции. В среднем дебет колебался от 25 до 40%. Данная компания называлась – работа по урегулированию (*Settlement work*), которая основывалась на регулировании 1783 г. (*Settlement Regulation*) [2, р. 10]. Работу выполняли наиболее опытные коллекторы, которые исполняли обязанности специальных офицеров по урегулированию (*settlement officer*). Дистрикт-офицер из Пенджаба В. Ф. Ли Бейли (*W. F. Le Bailly*) указывает, что переоценка традиционной государственной доли производилось один раз в 5 лет, основываясь на результатах последнего регулирования. В каждой деревне дистрикта офицеры производили индивидуальный расчет ренты, основываясь на записях о результатах сбора урожая прошедших лет. В случае стихийных бедствий предоставлялась отсрочка ремиссии [97, р. 88]. В отличие от Бенгалии, Бихара и Ориссы, в Пенджабе урегулирование производилось не с конкретными владельцами участков, а с деревенской общиной, которая выступала в качестве держателя земли.

Детальное описание кампании по урегулированию указано в воспоминаниях Х. Т. Лана (*H. T. Lane*) из Соединенных провинций. Х. Т. Лан занимал пост ассистента офицера по урегулированию в дистрикте Биджнор (*Assistant to the Settlement Officer in Bijnor district*). Кампания осуществлялась в каждом из четырех таксиллов дистрикта и в среднем занимала около трех лет. При помощи таксильдаров, сельских старост (аминов) и счетоводов (карнамов) производился

ряд последовательных мероприятий, а именно: инспекция полей, сопоставление со схемами и единым кадастром; классификация почв с их последующей оценкой; расчет и фиксация текущей арендной платы для каждого типа почвы; расчет суммы земельного сбора, который заминдар будет обязан выплатить государству; ознакомление землевладельцев с результатами кампании [42, р. 3]. Ф. О. Белл (F. O. Bell) из Бенгалии указывал, что для составления графиков и схем земельных участков, которые назывались кханапури (khanapuri), использовалась аэрофотосъемка. После окончания работ офицер предоставлял в секретариат развернутый доклад о состоянии дистрикта за последние 40 лет. В отчете указывалась масса дополнительной информации, собранной во время работы, например: оценка благосостояния населения, санитарная обстановка, типы построек, виды культивации и др. [47, р. 11].

Согласно правилам урегулирования, после окончания кампании в силу вступало «право на аренду» (occupancy rights) по которому государство обеспечивало крестьянам-арендаторам свободное культивирование, занятой ими земли сроком на 5 лет (до следующего переоценки) с правом наследования. Суммы арендной платы фиксировались в специальных книгах, учет которых вели сельские старосты. Задолженность по арендной плате должна быть доказана в судебном порядке. Сельская администрация была обязана вести книги регистрации арендаторов и в случае необходимости предоставлять их начальству. Таким образом, дистрикт-коллекторы являлись гарантами соблюдения закона о сдаче в аренду и препятствовали незаконным выселениям. Урегулирование диспутов относилось к «квази-судебной работе», которая имела место во всех провинциях Индии (в том числе и зоне райятвари – *С.Н.*). Основной организацией в разрешении конфликтов выступала налоговая агенция во главе с финансовым комиссаром. Наиболее сложные случаи передавались в Верховный суд провинции [62, р. 32]. Однако в действительности чиновники (сельские старосты, таксильдары, дистрикт-офицеры) не желали вникать в двусторонние отношения помещиков и арендаторов [186, р. 68]. Коллекторы ИГС, по словам Х. Т. Лана, «...не были склонны к ссоре...» [42, р. 9]. Более того, заминдары из постоянно

оседлых провинций создавали буфер между государством и арендатором, чем существенно упрощали сбор налогов с огромного количества крестьян. Помещики имели большое влияние в дистриктах и прибегали к не контролируемым злоупотреблениям [103, с. 431]. Во время сбора налогов заминдары часто использовали посредников [129, с. 11] и практически не несли ответственности за провал кампании [3, р. 39–42].

На территории райятвари (Мадрас, Бомбей, Ассам. – *С.Н.*) [91, р. 481] не было больших помещичьих землевладений и офицерам приходилось работать с большим количеством индивидуальных фермерских хозяйств [296, р. 7]. Оценка полей производилась ежегодно при помощи земельных кадастров и граффиков. Данный процесс назывался – джамабанди (Jamabandi). Каждое поле оценивалось индивидуально, в том числе и земли, находящиеся на паровании (временный отдых). Исходя из собранной информации формировалась сумма налога, которая утверждалась профильным департаментом. Книги, в которые заносились суммы земельного сбора, назывались – кхеват (khewat), в северных провинциях – кхасра (khasra). С. В. Данлоп (S. W. Dunlop) из Мадраса, будучи ассистентом коллектора во время дистрикт стажировки, подробно описал джамабанди в дистрикте Комбатор (Combatore). За два месяца была выполнена работа по оценке земель в двух талуках дистрикта. С. В. Данлоп указывал, что процесс был крайне утомительным. В его обязанности входила проверка сельских кадастров и бухгалтерских книг по уплате налогов и тарифов на воду, получение петиций. Также офицер предоставлял крестьянам право шави (shavi), которое освобождало от уплаты земельного сбора в случае неурожая. Следует указать, что чиновник постоянно находился в штаб-квартирах талуков Мадурантакам и Конжееверам (Madurantakam and Conjeeveram taluks), непосредственно не выезжая в сельскую местность. Однако, по словам С. В. Данлопа, рабочий день в сезон джамабанди в среднем длился 17 часов. Во дворе штаб-квартиры талука был натянут тент, где чиновник в окружении клерков принимал крестьян и сельских старост в порядке живой очереди. «...Вокруг потливая зловонная толпа, напиральная со всех сторон...», – вспоминал С. В. Данлоп. В вечернее время офицеры были заняты

написанием обширных отчетов о проделанной работе, продолжали проверку записей деревенских старост, разбирали текущую корреспонденцию, принимали посетителей по различным вопросам [246, p. 51–52].

Непосредственный сбор земельного налога (Land Revenue) осуществляли главы деревень, руководители таксилов и талуков, заминдары и другие посредники. В большинстве провинций коллектор был обязан контролировать данный процесс. Исключения составлял Пенджаб, где офицеры лично привлекались к данной работе. Подобную практику описывает и Р. С. Свонн (R. S. Swann) из Ориссы, который также участвовал в сборе налога по поручению комиссии (Land Revenue Commission of Orissa) [50, p. 6].

Поддержание правопорядка в индийских дистриктах являлось крайне сложной задачей. Данные обязанности были возложены на дистрикт-офицеров. Помимо коллекторской и административной деятельности чиновники одновременно руководили магистратским судом. Таким образом, большинство районных администраторов находились в должности дистрикт-магистрата (District Magistrate). В их полномочия также входило: контроль деятельности местных станций Индийской полиции (Indian Police Service), инспекции нижестоящих судебных учреждений и следственных тюрем дистрикта, обеспечение исполнения судебных приговоров [202, p. 37–39]. Другой немаловажной функцией дистрикт-магистрата была организация следствия, взятие показаний и подготовка уголовных и гражданских дел для передачи в суды общей юрисдикции [274, p. 24]. В некоторых крупных городах страны была предусмотрена штатная должность городского магистрата (City Magistrate) [291, p. 89]. Система магистратских учреждений была разделена на три уровня: дистрикт-магистрат, магистрат талука или таксила, тренировочный. Руководители данных учреждений являлись магистратами 1-го, 2-го и 3-го классов соответственно [21, p. 52–57]. Дистрикт-магистрат имел право выносить судебные приговоры сроком до 2 лет или взимать штраф в размере до 1000 рупий. В его компетенцию входило рассмотрение большей части преступлений, предусмотренных Индийским уголовным кодексом. Исключения могли

составлять лишь убийства, крупные хищения и некоторые гражданские дела, которые передавались в суды общей юрисдикции. Однако дистрикт-магистрат был обязан руководить всеми следственными мероприятиями до передачи дела в дистрикт и сессионным судьям. Объем работ мог варьироваться в зависимости от индивидуальных работ каждого дистрикта. В большинстве случаев это была крайне хлопотная работа, усугубленная бесконечной чередой процессов, а также большим количеством делопроизводственной документации. Офицер был обязан лично писать официальные заключения (с предоставлением доказательств о виновности) о вынесении приговора по каждому из рассмотренных дел. Данная работа выполнялась 5 дней в неделю, в среднем по 5 часов в день [355, р. 26–27]. В отличие от судей, магистрат осуществлял постоянные туры и инспекции по дистрикт или субдивизии, однако судебная и следственная работа продолжала выполняться заочно или с помощью помощников. От работы магистрата напрямую зависела ситуация в дистрикте. М. А. Хусейн (M. A. Hussain) из Пенджаба указывал, что должен был придерживаться принципа «золотой середины». В случае если полиция пользовалась слишком большими преимуществами у магистрата, то ее сотрудники могли притеснять общественность в своих целях. Нередко полиция фальсифицировала доказательства, запугивала и подкупала свидетелей и защиту. С другой стороны, при усилении влияния общественности, существовал риск подрыва авторитета администрации. Оба варианта могли привести к крайне тяжелым последствиям. Сложность заключалась в том, что полиция являлась главной опорой магистрата в чрезвычайной ситуации и конструктивные отношения с ней были крайне важны. М. А. Хусейн описывал собственную судебную практику как противостояние между защитой и обвинением. С обеих сторон была распространена дача ложных показаний и коррупция. В зависимости от статуса обвиняемого, могло варьироваться количество лжесвидетельств. Офицер также скептически относился к индийским адвокатам [45, р. 39]. В то время как индийский исследователь А. Бурра (A. Burra) придерживается противоположного мнения о британских судьях, традиционно сложившегося в среде индийского

национального движения. Ученый указывал, что на должности судей и магистратов назначались чиновники, которые плохо проявили себя на административной работе. А. Бурра указывал, что непрофессиональные кадры не могли конкурировать с хорошо подготовленными индийскими адвокатами и часто выносили неправомерные решения [200, р. 26]. Следует указать, что оба автора в некоторой степени правы, однако представляют разные стороны видения проблемы.

Особая форма отношений между дистрикт-офицерами и полицией была четко регламентирована. Так, по В. Х. Кристи (W. H. Christie) по прибытию в Бенгалию в 1929 г. было выдано специальное наставление «Записки о функциях дистрикт-офицера» («Note of functions of the district officer»). В данном сборнике указывалась руководящая роль офицера ИГС над сотрудниками местной полиции. Дистрикт-офицер нес ответственность по контролю за криминогенной обстановкой в округе (criminal administration). Магистрат мог использовать полицию по собственному усмотрению в целях поддержания законности и порядка. Суперинтенданту полиции предписывалось работать в постоянной связи с дистрикт-офицером. В компетенции суперинтенданта входила деятельность по сохранению внутренней организации и дисциплины на полицейской станции. В случае серьезных беспорядков окружной представитель ИГС возлагал на себя руководящие функции по стабилизации ситуации [58, р. 21]. Следует отметить, что Индийская полиция (Indian Police Service) не относилась к провинциальным службам и имела особый статус. По словам офицера Дж. А. Хейга (G. A. Haig) из Соединенных Провинций, дистрикт-офицер являлся первым среди равных в отношениях с Индийской полицией» [54, р. 36].

Р. Х. Белхер (R. H. Belcher) в конце 1930-х в субдивизии Кашур в Пенджабе совместно с суперинтендантом полиции Р. Адамом (R. Adam) вынужден был противостоять произволу местной элиты. Аристократия дистрикта использовала привилегированное положение для собственного обогащения. Представители дистрикт-администрации местными дворянами игнорировались. Коррупцированные чиновники закрывали глаза на хищения. Путем дачи взяток

дворяне добивались признания со стороны правительства. Некоторые получали звание почетного магистрата, что давало им возможность оставаться безнаказанными. При помощи коллектора Лахора – К. Х. Хендерсона (K. H. Henderson) была установлена жесткая форма администрирования, усилен авторитет дистрикта. Были прекращены рейдерские захваты недвижимости и земельных участков. Прекратилось запугивание потерпевших, осуществили дачу показаний. Однако существенно усилившаяся полиция начала злоупотреблять своей властью. Применялись ненадлежащие методы в расследованиях преступлений. Признательные показания часто добывались при помощи допроса с пристрастием. Ощущался явный недостаток профессиональных полицейских кадров. Низкая оплата и тяжелые условия работы делали Индийскую полицию непопулярной среди потенциальных рекрутов. Основной ее проблемой являлась высокая степень коррумпированности [185, р. 43]. Низший состав комплектовался из бывших крестьян, которые пытались улучшить свое материальное положение путем злоупотребления обязанностями. Так, офицер Т. С. С. Хейли (T. S. S. Hayley) из Ассама указывал, что его посыльный – чапрасси (chaprassi) намеревался получить должность деревенского констебля и окупить ее за счет взяток. Однако чапрасси так и не смог получить данную должность по причине того, что местный суперинтендант полиции затребовал слишком много бутылок виски в качестве взятки [60, р. 68].

П. Д. Мартин (P. D. Martin) из субдивизии Динапур (Dinapur) в Бихаре, высказывался скептически об эффективности британского правосудия в Индии. Офицер указывал, что в некоторых дистриктах была широко распространена организованная преступность. Небольшие полицейские станции были перегружены работой. Один субинспектор (sub-inspector) полиции во главе дюжины констеблей отвечал за район размером более 100 квадратных миль. В субдивизии П. Д. Мартина обыденными являлись грабежи и нападения банд, население было слишком запугано и отказывалось от сотрудничества с полицией. Большинство преступлений совершалось в ночное время, и стороне обвинения было сложно получить необходимые доказательства виновности подозреваемых.

Полиция использовала различные методы для осуждения тех или иных лиц, часто прибегая к фальсификациям и сокрытию фактов в борьбе за результативность. Другой проблемой являлись родственные связи местных чиновников с подозреваемыми. В результате многие преступления были скрыты. Таким образом, магистрат был вынужден передавать тщательно подготовленные дела в сессионный суд. В итоге гражданские процессы являлись средством злоупотребления и махинаций. В конце 1930-х годов на постоянно оседлых территориях не проводилась компания по земельному урегулированию. Поэтому в Бихаре не было точных сведений о законных собственниках тех или иных земельных участков. Многие крестьяне принимали участие в судебных разбирательствах, пытаясь доказать свое право на аренду или владение земельными наделами. Местные чиновники активно продвигали интересы своих родственников, подделывая документы и интерпретируя свидетельства в свою пользу. Гражданские суды не справлялись с потоком обращений. Местные крестьяне прибегали к силовым вариантам разрешения проблем. Множество конфликтов перерастали в уголовные дела, после того как представители той или иной семьи наносили тяжкие телесные повреждения своим противникам. Нередкими были и летальные случаи. Принимая участие в разрешении тяжб, магистрат был вынужден обращаться к большому пласту документации, часто 20-ти летней давности. Наибольшую сложность представляли диара-лэнд (diara land), которые занимали значительную часть субдивизии Динапур. Данные земли находились на месте слияния рек Сон и Ганг и ежегодно затапливались в результате наводнений, вызванных сезоном муссонов (август–октябрь). После отступления воды образовывался плодородный слой, в котором сеяли кукурузу, после чего собирался богатый урожай. Ежегодно с началом спада наводнений, П. Д. Мартин был занят разбором огромного количества дел крестьян, которые пытались установить границы культивируемых ими участков. Магистрат был вынужден проводить целые инспекции для разрешения земельных разбирательств. По словам чиновника, местные жители прибегали к пересаживанию пальмовых деревьев, которые служили ориентиром и

разграничивали земельные участки [48, р. 8]. Работа по разрешению земельных споров являлась неотъемлемой частью обязанностей магистрата [290, р. 199].

Работа магистрата имела интенсивный характер. Офицеры принимали участие в расследовании убийств, бандитских налетов. Сложная общественно-политическая ситуация, напряженные межэтнические и межконфессиональные отношения внутри страны могли привести к массовым беспорядкам. Е. А. Мидглей (E. A. Midgley) из субдивизии Сахаранпур (Saharanpur) в Соединенных провинциях описывал инцидент во время праздника в честь индуистской богини Шакамбари (Shakambari). Ежегодно в октябре на данное мероприятие стекалось около 20 тыс. паломников в изолированной джунглями местности Сивалик Хиллс (Siwalik Hills). Прибывшие разбивали лагерь у подножья горы, где располагался храм, который охраняли добровольцы из индуистских организаций. В назначенный день в 2 часа ночи паломники начинали восхождение к храму, куда каждому было необходимо принести подношение. Полиция и дистрикт-магистрат, которые отвечали за соблюдение порядка, были извещены о невозможности получения подкрепления. Небольшой отряд был частично вооружен карабинами. По негласному соглашению со служителями культа, волонтеры не допускались внутрь храма по причине частого воровства серебряных подношений. В результате возмущенные волонтеры начали выкрикивать лозунги о британской тирании и их негативном влиянии на религию. Протестующие выдвинули ультиматум, по которому они требовали свободный проход в храм, в противном случае планировали напасть на магистрата. Ультиматум был отвергнут, к утру силы правопорядка уже не могли контролировать ситуацию. Религиозные волонтеры требовали открыть ворота храма. Агитаторы выкрикивали в толпу, что магистрат носит ботинки из коровьей кожи и тем самым оскверняет богиню. Доносились выкрики с требованиями убить чиновника. Развязка ситуации была крайне неожиданной. В наиболее напряженный момент, когда молодой Е. А. Мидглей был готов отдать команду на открытие огня, в дело вмешался заместитель суперинтенданта полиции. Полицейский предложил офицеру открыть ворота храма и удалится в безопасное

место, чтобы выпить бутылку лимонада. Е. А. Мидглей согласился. После открытия ворот, толпа паломников снесла протестующих и смогла возложить дары [37, р. 16].

А. Дж. Платт (A. J. Platt) из субдивизии Малапуррам в Мадрасе во время пребывания в должности дополнительного магистрата, часто сталкивался с бракоразводными процессами [33, р. 13].

Следует также отдельно остановиться на описании общих административных полномочий дистрикт-офицера. Престиж и влияние дистрикт-офицера строился на официальном и неофициальном уровнях. Прочный контроль над сетью подчиненных чиновников формировал официальную структуру управления. Неофициальное влияние зависело от тех слоев населения, в чьи интересы входило наличие централизованной и стабильной власти. В официальные обязанности дистрикт-офицера входила руководящая роль над профильными департаментами [354, р. 163]. В каждом дистрикте располагались представительства провинциальных учреждений: Лесного департамента (Forest Department); Департамента общественных работ (Public Works Department); Сельскохозяйственный департамент (Agricultural department); Тюремный департамент (Prisons department); Департамент образования и здравоохранения; Департамент кооперации (Cooperative department). В случае необходимости дистрикт-офицер был обязан направлять и консультировать деятельность департаментов [70, р. 9]. Представители профильных структур были обязаны обращаться за поддержкой к окружной администрации [243, р. 80].

Департамент общественных работ (PWD) был разделен на два отделения: ирригации и дорожных работ, в некоторых случаях присутствовал третий отдел – ответственный за электрификацию (electrical brunch), который занимался выдачей лицензий на поставку электроэнергии [249, р. 368]. Местным департаментом руководил исполнительный инженер (executive engineer), который контролировал деятельность надзирающего инженера (superintending engineer) и главного инженера (chief engineer). В их обязанности входило ведение ирригационных работ и ремонт каналов, поддержка состояния дорожного полотна. В тоже время

департамент был напрямую зависим от дистрикт-офицера, в прямом подчинении которого находилась налоговая администрация (revenue administration). Налоговые чиновники устанавливали время, в которое шлюзы каналов могли быть открыты и подсчитывали количество воды, необходимой для орошения. В случае чрезвычайной ситуации (голод, наводнение, эпидемии и тд.) предусматривались совместные действия дистрикт-администрации и представителей департамента общественных работ по ликвидации последствий. Также коллектор ведал выделением средств на ремонт и строительство оросительных каналов и транспортных коммуникаций дистрикта. Традиционно часть суммы выделялась из муниципального фонда, другую половину перечислял провинциальный совет по доходам (Revenue Board) [66, 238–253].

В обязанности дистрикт-офицера входила опека над лесным фондом округа, охрану и обслуживание которого осуществлял Лесной департамент (Forest Department). Защита лесной зоны от незаконной вырубki с целью добычи древесины и расширения сельскохозяйственных посевов являлась большой проблемой в большинстве индийских провинций. Так, И. С. Хьюд (E. S. Hude) из Центральных провинций указывал, что в Бераре (Berar) увеличение посевов хлопка приводили к разрушению лесной зоны. Для выхода из ситуации офицер прибегнул к запрету на вырубку определенных пород деревьев. Также была поддержана деятельность офицеров лесного департамента по созданию «резервных лесов» («reserve forest») – сохранение и посадка плантаций. По словам офицера, местные жители активно протестовали против запрета на вырубку, при этом часто использовались лозунги ИНК [7, р. 8]. Н. Б. Бонарджи из Соединенных Провинций указывал, что к нему часто обращался Главный лесной смотритель (Chief-conservator of forest) с просьбами оказать помощь по предотвращению выпаса скота в заповедном лесу [3, р. 93].

Надзорные функции осуществлялись дистрикт-офицером по отношению к учебным заведениям, которые входили в Департамент образования и здравоохранения. Так, А. Дж. В. Артур (A. J. V. Arthur) из дистрикта Мури (Murree district) в Пенджабе осуществлял инспектирование 8 из 9 старших школ

(upper middle schools), 13 средних школ (lover middle schools) и 35 начальных школ (primary schools). В обязанности чиновника также входило постоянное инспектирование мест лишения свободы, относящихся к Тюремному департаменту (Prisons department). Кооперативный департамент дистрикта Мури должен был регламентировать торговую деятельность. А. Дж. В. Артур был главой центрального кооперативного банка в своем дистрикте, что позволяло осуществлять контроль над 144 кооперативными обществами дистрикта [34, р. 19].

Влияние на общественность могла осуществляться через органы местного самоуправления. Важное место в данной структуре занимали Совет дистрикта (District Board) и Сельский совет (Village Union Board) [63, р. 47]. Согласно законодательству 1919 и 1935 гг. окружные офицеры осуществляли лишь номинальное присутствие в органах местного самоуправления [66, р. 274–278].

Особенности служебных отношений дистрикт-офицеров с вышестоящим начальством ИГС имели особый характер. Деятельность окружных офицеров курировалась комиссарами (Commissioner). До 1936 г. индийские дистрикты объединялись в дивизии (division), в которые входило несколько дистриктов. Ввиду неэффективности, а также большой самостоятельности дистрикт-администратий система дивизий была ликвидирована. Однако институт комиссаров продолжал существовать. По устоявшемуся в среде офицеров ИГС мнению комиссары являлись «пятым колесом в автомобиле» [66, р. 354]. Так, П. Д. Мартин (P. D. Martyn) из Бенгалии указывал, что за весь период службы в дистриктах не наблюдал сколько-нибудь серьезной помощи от вышестоящего начальства, тем более их роли в качестве инициаторов или координаторов в важных процессах. Офицер указывал, что комиссары могли предоставлять лишь моральную поддержку для своих подчиненных. Роль комиссаров в провинциальной администрации была сведена к контрольно-ревизионным функциям [48, р. 31]. Более серьезные проблемы наблюдались в отношениях между дистрикт-офицерами и представителями секретариатов. В данном случае оба уровня администрации были напрямую связаны друг с другом.

Бюрократическая волокита, несвоевременное поступление инструкций и необходимой информации создавали напряженную ситуацию. Часто противоречия возникали на фоне различий в заработной плате и образе жизни. В большинстве случаев дистрикт-офицеры вели активную работу, которая была связана с многочисленными передвижениями и нахождением в походных условиях. Окружные администраторы активно соприкасались с местным населением. В то время как офицеры из секретариатов проживали в столичных городах и вели достаточно комфортный образ жизни в замкнутом обществе [222, р. 135–135]. В этой связи происходили серьезные расхождения во мнениях и видениях решения проблем. Многофункциональность и перегруженность окружных офицеров осложняла поиск компромиссов с узкопрофильным специалистами из секретариатов.

Таким образом, полномочия сотрудников ИГС на различных уровнях администрации представляли обширный круг обязанностей. Деятельность службы часто выходила за круг четко прописанных установок, а ее эффективность могла зависеть как от личных качеств офицеров, так и от эффективной командной работы. На основе полуторавекового опыта британского присутствия в Индии были выработаны особые механизмы работы ИГС. Четкое следование установленным нормам, консерватизм в работе и система резервирования государственных постов позволяли организовать эффективную бюрократическую систему. Разветвленная структура ИГС отличалась устойчивостью и конкурентоспособностью. Служба занимала центральное место в управлении Индией и обеспечивала интересы британской короны в стране.

ГЛАВА 2. Особенности рекрутирования и подготовки офицеров Индийской гражданской службы

2.1 Принципы рекрутирования и образование кадров для Индийской гражданской службы

Ежегодная компания по рекрутированию новых сотрудников ИГС являлась ответственной задачей. Прием новобранцев позволял обеспечивать непрерывное функционирование службы. Период с 1919–1939 гг. был ознаменован серьезным кадровым кризисом. Проблемы межвоенного периода были обусловлены целым рядом факторов. Недостаток администраторов был связан с общим колониальным кризисом Британской империи. На волне роста национального сопротивления и острых социально-экономических проблем был начат процесс трансформирования колониальной системы [164, с. 5]. Изменение структуры управления и постепенный отток европейских офицеров с ключевых постов были явными признаками постепенного свертывания британского правления. Данная проблема стала очевидной в 1940-е гг., однако глубинные процессы начали проявляться еще после Первой мировой войны. В 1920–1930-е гг. об уходе из Индии еще никто не думал, однако престиж ИГС был существенно снижен [257, р. 49]. Вынужденные реформы 1919 и 1935 гг. указывали на постепенный отход британцев от единоличного управления страной. Недостаток молодых кадров не позволял заполнить ключевые посты в индийской администрации. Детальное изучение системы рекрутирования новобранцев ИГС подтверждает вышеуказанные тезисы о кризисе британского колониализма.

До 1914 г. рекрутирование новобранцев в ИГС производилось на основе ежегодных экзаменов в Лондоне, которые проходили в августе [335, р. 342]. С 1902 г. в Берлингтон-хаус (Burlington House) располагалась штаб-квартира комиссии по отбору на государственную гражданскую службу (Civil Service Commission) [56, р. 2]. После успешного прохождения общей экзаменационной программы кандидаты могли выбрать службу, в которую они желали вступить.

Наиболее популярным выбором являлась Домашняя гражданская служба (Home Civil Service) [313, p. 15], аналогичный набор велся и для Ирландии (после 1921 г. в Northern Ireland Civil Service – *С.Н.*) [49, p. 1]. Перспектива службы на Родине привлекала большое количество кандидатов, что обеспечивало высокий проходной балл. Менее удачливые кандидаты должны были вынуждены отправляться за пределы европейской части империи. ИГС традиционно имела самостоятельный статус (до 1936 г.) и руководилась Индийским Офисом (Indian Office), в то время как остальные колонии возглавлялись единым Колониальным Офисом (Colonial Office) [222, p. 98, 116]. До начала Первой мировой войны служба в Индии была престижной и хорошо оплачиваемой. Ввиду этого многие кандидаты, чьи балы были недостаточными для Домашней службы, могли попытаться счастья на индийском поприще [246, p. 3]. Оставшиеся желающие пополняли африканские и азиатские колониальные структуры [187, p. 238], например Угандийскую гражданскую службу (Uganda Civil Service) или восточные колониальные службы (Eastern Cadetships) в Малайе, на Цейлоне, в Гонконге или Сингапуре [196, p. 7].

В период с 1904 по 1913 гг. в ИГС поступили 538 человек, из которых всего лишь 37 человек (5%) были индийцами. Провал компании по приему новобранцев был ознаменован началом Первой мировой войны. Многие поступившие на службу кандидаты были мобилизованы. Для сохранения кадров Индийский Офис рекомендовал направлять прошедших конкурс новобранцев в Индийскую Армию. Для того, чтобы перекрыть недостачу офицеров, руководство службы начало прибегать к дополнительным наборам. С 1919 г. отборочной комиссии был разрешен прием кандидатов без экзамена, путем назначения по результатам собеседования. Причиной этому послужило отсутствие европейских кандидатов на экзаменах в 1918 и 1919 гг. (в 1916 г. принято 4 человека, в 1917 г. – 2). В 1919 г. было назначено 62 европейца, в 1920 г. – 44. В практику так же вошла система приема на службу представителей индийских провинциальных служб (Indian Province Services), которые получали повышение за определенные заслуги. Так, в 1919 г. было повышено 34 провинциальных офицера. В этой связи Лондон

перестал быть основным местом рекрутирования. В 1920-е гг. перешедшие из подчиненных служб индийцы ежегодно составляли около 24% от всего набора. В 1922 г. была открыта экзаменационная комиссия в г. Аллахабад (с 1928 г. перенесена в Нью-Дели). С 1922 по 1924 гг. в Аллахабаде было набрано 23 человека. С 1915 по 1924 гг. прием индийцев в состав ИГС входит в ежегодный государственный заказ. Следует отметить, что экзамены в Аллахабаде стартовали в январе и были призваны компенсировать постоянный недобор летних экзаменов в метрополии. Таким образом, ежегодный набор в официальных документах имел двойную дату, например – 1930/31. Другой причиной разрыва между индийскими и британскими экзаменами было предпочтение кандидатам европейского происхождения. Британцы всячески сдерживали наплыв индийцев, желавших поступить на службу. Более того, отмечалось скептическое отношение ветеранов ИГС к офицерам индийского происхождения [254, р. 261]. В результате в состав службы принималось большинство европейских кандидатов, которые смогли набрать достаточное количество баллов, а также подавшие заявки на вступление до войны. Большая компания по рекламе службы была развернута в наиболее престижных британских колледжах. Однако данная политика существенно снизила качество подготовки офицеров [192, р. 49–56].

В 1919 г. была утверждена система по расчету необходимого количества новобранцев для каждой из провинций – «Recruitment Rate for the Indian Civil Service». Ее автором стал Х. Г. Микл (H. G. Meikle). Количество старших (senior) постов в каждой провинции умножалось на 7.7 и делилось на 100 [309, р. 88]. Данные расчеты позволяли регулировать численность службы, однако блокировали движение офицеров по карьерной лестнице. После окончания Первой мировой войны наполнение службы индийцами было неизбежно. В западной историографии данный процесс получил название «индианизация». Еще в 1918 г. в докладе Монтегрю–Челмсфорда предлагалось назначить индийцев на треть государственных постов. Однако данная рекомендация вызвала протесты со стороны руководства ИГС. Принято считать, что начало частичной «индианизации» было положено в результате проведения комиссии Ли в 1923–

1924 г. Данный орган был создан при правительстве Великобритании для изучения национальных проблем в среде индийской колониальной бюрократии. В состав комиссии вошли британские и индийские чиновники (в т.ч. и индийского происхождения. – *С. Н.*). Председателем был назначен лорд Ли Фарехам (Lord Lee of Fareham). По результатам итогового доклада комиссии установлены ежегодные процентные квоты на прием новобранцев. Предполагалось набирать 40% европейцев, 40% индийцев и 20% отводилось в качестве поощрения индийцев из провинциальных служб. «Индианизация» и реформы Монтегрю–Челмсфорда были крайне непопулярны в среде старых колониальных чиновников. Н. Б. Бонарджи, в начале 1920-х годов обучавшийся в Англии, указывал, что многие консервативно настроенные британцы не желали, чтобы их сыновьями руководили индийцы [3, р. 64]. Комиссия Ли была также призвана объяснить причины оттока европейцев. Данным вопросом занимался комитет Макдональда. После изучения вопроса было выявлено, что британцы не хотели служить в Индии из-за отсутствия гарантий безопасности. После войны Индию захлестнул жесткий экономический кризис, по всей стране вспыхивали массовые беспорядки [164, с. 5]. Национальное движение проводило кампанию Несотрудничества. Также комитет указывал на необходимость совершенствования системы перемещений и создания условий для продвижения по карьерной лестнице молодых офицеров. Однако главной проблемой являлся финансовый вопрос. Послевоенный период был ознаменован сильнейшей инфляцией рупии по отношению к фунту стерлинга [344, р. 358]. В результате считавшаяся до войны высокой заработная плата офицеров службы стала крайне непривлекательной. Исходя из доклада данного комитета, комиссия Ли выдвинула следующие рекомендации для поднятия престижа службы: повышение заработной платы с конвертированием в фунт стерлинга, выплата отпускных пособий для офицеров европейского происхождения и членов их семей, создание резервных денежных фондов для членов службы и их семей, повышение пенсий, обеспечение доступного медицинского обслуживания европейскими специалистами. Данные рекомендации были выполнены. Ежегодная сумма затрат на них составляла около

125 млн. рупий [333, 24]. Ситуация с набором европейцев начала изменяться. Если в 1924/1925 гг. количество поступивших было 4 человека, то в 1927/1928 гг. – 37 человек [310, р. 54].

Для того, чтобы препятствовать образованию единой культурной идентичности среди офицеров ИГС индийского происхождения был принят ряд мер. Большое значение уделялось составлению обязательных квот на прием этнических и религиозных меньшинств. Ежегодно планировалось набирать мусульман, сикхов, парсов и представителей касты неприкасаемых (независимо от экзаменационных показателей. – *С.Н.*). В марте 1925 г. в Государственном Совете (Council of State) сэр А. Муддимэн (A. Muddiman) высказался о необходимости предоставления гарантий меньшинствам Индии. Заявление вошло в историю как «Призыв Муддимэна» [220, 266–268]. Согласно принятой программе давались гарантии о резервировании мест в ИГС для мусульман и бирманцев [8, р. 21]. Так, из 87 мусульман, которые стали офицерами службы в 1922–1943 гг. 58 прошли по установленной квоте. В период с 1925 по 1935 гг. было набрано 566 человек. Из них 255 были европейцами, 311 – индийцами (177 – Лондон, 72 – Аллахабад / Нью-Дели, 62 назначено. – *С.Н.*). Для того, чтобы поддерживать паритет между индийцами и европейцами Индийский Офис следовал четко установленным квотам на прием новобранцев. Так, в сентябре 1928 г. после проведения экзаменов в Лондоне, Домашний департамент (Home Department) выступил за уменьшение количества индийских рекрутов на экзамене в Нью-Дели. Индийская администрация при поддержке вице-короля стремилась принять большее количество европейцев. Однако Госсекретарь не одобрил данные изменения, сославшись на рекомендации комиссии Ли. Однако уже в 1930 г. результаты лондонского экзамена стерли все установленные шаблоны. Было принято 25 европейцев и 24 индийца. Госсекретарь телеграфировал в Нью-Дели и сообщил о невозможности удержания необходимого баланса (50 % на 50%). В противном случае на индийских экзаменах могли принять только 1 новобранца. Домашний департамент высказался в пользу установленного паритета и порекомендовал придерживаться системы Муддимэна по привлечению

индийских меньшинств. Однако индийское правительство высказалось против отмены экзаменов в Нью-Дели, опасаясь критики и скандалов. Существенный недобор привел бы к большому количеству незаполненных должностей в провинциях. В результате на местных экзаменах был принят еще 21 рекрут. Таким образом, в 1930/1931 гг. был осуществлен отход от принципов равновесия в приеме на службу европейцев и индийцев. Одной из главных причин данных изменений было обострение финансового положения на волне Великой депрессии [268, р. 259]. Содержание европейских офицеров обходилось правительству в несколько раз дороже индийских. Другой, не менее важной причиной являлась политическая ситуация в Индии. Британцы предпочитали не нагнетать обстановку во время Кампании гражданского неповиновения. Беспорядки в стране привели к сложностям в обеспечении безопасности офицеров. Подобные события существенно повлияли на отток европейских кандидатов [227, р. 36]. В 1932 г. было принято только 14 европейцев, при установленной квоте в 31. В 1935 г. в ИГС пожелало вступить только 5 европейцев. Нехватка британских кандидатов, приводила к искусственному уменьшению индийских наборов. Существенно снизилось и качество подготовки кандидатов. Британцы решительно отказывались служить в колониях. Провал лондонских экзаменов 1935 г. привел к возмущению в среде ветеранов ИГС. 10 января 1936 г. в газете «Таймс» («The Times») была опубликована гневная статья. В ней указывалось, что большинство наиболее успешных на экзаменах кандидатов предпочли остаться на службе в Великобритании. В то время как в ИГС прошли люди, которых не приняли в Британскую гражданскую службу (Home Civil Service). Таким образом, нехватка европейцев коренным образом влияла на индийские наборы. В результате в Индии постепенно нарастал кадровый голод. Руководство ИГС вынуждено было перекрывать освободившиеся посты представителями провинциальных служб. С другой стороны, сказывалась невозможность получения необходимого количества кандидатов ввиду тяжелого экономического и финансового кризиса. В 1932–1935 гг. заработная плата офицеров была уменьшена на 15%, при подоходном налоге в 25%. Фунт

стерлинга и индийская рупия существенно обесценились. В несколько раз вырос таможенный сбор [192, р. 58]. Большое недовольство в среде европейцев вызывало принятие Конституции 1935 г. [347, р. 121].

Большой наплыв индийских кандидатов на лондонские экзамены привел к попыткам Индийского Офиса провести территориальные разграничения по приему индийцев и европейцев. Предполагалось, что основным местом для набора индийцев станет Нью-Дели (с 1936 по 1938 гг. принято только 14 человек). В Лондоне были установлены четкие квоты на прием индийских кандидатов: в 1937 г. – 12 человек (принято 13); 1938 – 10 (принято 11); 1939 – 8. Был также увеличен возрастной ценз для новобранцев. Для того, чтоб увеличить число европейцев в составе службы в мае 1936 г. Индийский Офис одобрил прием британцев по результатам собеседования, без сдачи экзаменов. В итоге с 1936 по 1938 гг. было принято 95 европейцев, из которых 50 были отобраны в результате собеседования, в противовес 77 индийским новобранцам, из которых только 17 были переведены из нижестоящих служб. Данные нововведения вызвали бурю недовольств в Центральной Законодательной Ассамблее. В 1936 г. индийские парламентарии высказывались о неравенстве между индийскими и британскими кандидатами, о более высокой подготовке индийцев, которые вынуждены за огромные деньги выезжать в Лондон и соревноваться с некомпетентными англичанами. В ответ на данные обвинения выступил член Домашнего департамента сэр Х. Крейк (H. Craik). Чиновник констатировал провал действующей системы рекрутирования. Также были аргументированы причины изменений в приеме новобранцев. Офицер указал, что за последние 5 лет дефицит офицеров ИГС составил 96 европейцев и 13 индийцев. Х. Крейк опроверг тезис о более высоком уровне подготовки индийских кандидатов. Однако дебаты в среде индийских депутатов были продолжены и не привели к каким-либо результатам. Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война привела к полному отказу от системы экзаменации кандидатов в 1940 г. В 1943 г. колониальные власти полностью отказались от приема новобранцев в ИГС. Данные действия указывали на начало

постепенного свертывания британской колониальной администрации в Индии [309, р. 89–100].

Процесс отбора кандидатов представлял из себя многоступенчатую процедуру. Все желающие вступить в ИГС были обязаны окончить британские или индийские колледжи и обладать дипломом не ниже 2 степени (second graduate level). Возраст кандидатов не должен был превышать 21–23 года (с 1936 г. – 24 года). Другими условиям также являлись физическая пригодность и определенные особенности характера. Участие в экзаменах для поступления на гражданскую службу (Civil Service) регистрировалось после подачи специальной заявки на имя комиссии (Civil Service Commission). Заявка представляла собой анкету с личными данными. В документе указывалось название одной или нескольких служб, в которые желал поступить кандидат [94, р. 377; 83, р. 285]. Следует отметить, что каждая из служб желала привлечь как можно большее количество кандидатов. ИГС активно проводила рекламные кампании среди студентов [351, р. 221]. Для данной роли привлекались ветераны в отставке, а также офицеры, находящиеся в отпуске. В каждом учебном заведении функционировал Университетский совет по трудоустройству (University Appointments Board). Данные учреждения активно сотрудничали с Индийским Офисом и направляли «мысли» выпускников в сторону Индии. По окончании периода подачи заявок представители колледжей сообщали в Индийский Офис предварительное число кандидатов [246, р. 4].

На 1921 г. экзамены состояли из трех обязательных этапов, по результатам которых кандидаты могли получить до 1900 очков. Письменные экзамены: эссе (на английском); краткое изложение текста (конспект); общие науки (general knowledge) – история, география, экономика и др.; повседневные науки (everyday science) – биология, химия, физика; один из европейских иностранных языков (чаще всего французский или немецкий). Второй этап включал в себя экзамен по факультативным предметам (optional science), которые зависели от специальностей кандидатов (часто британская и зарубежная литература, искусствоведение, зоология) [284, р. 231]. Для подготовки к письменным

экзаменам многие поступающие пользовались услугами репетиторов [53, р. 3]. Третий этап состоял из устного экзамена, который проходил в форме собеседования. Подобная форма являлась новшеством и была введена в 1921 г. Данный этап был решающим во всей экзаменационной кампании и проводился через месяц после письменной части. Наиболее успешные кандидаты могли получить за него 300 очков [85, р. 232]. На данном экзамене комиссия оценивала умение вести разговор, спорить и рассуждать, проверялась способность к быстрому принятию решений. После окончания экзаменов комиссия составляла рейтинговый список кандидатов. Государственный секретарь консультировался с правительством Индии и выносил предварительное решение по количеству кандидатов, отобранных в результате экзаменов. После обнародования первичного списка отобранные кандидаты могли отказаться или перейти в другую службу [309, р. 92]. В результате формировался вторичный список, освободившиеся места занимали новобранцы с более низкими балами [89, р. 915]. По результатам лондонского экзамена Индийский Офис телеграфировал в Нью-Дели, где принимали решение о количестве мест отведенных для индийского экзамена. Следует отметить, что многие кандидаты отсеивались в процессе длительного ожидания результатов. Громоздкий процесс переговоров и оценка личных данных рекрутов затягивался до конца осени. В это время аналогичные гражданские службы уже принимали решение о приеме прошедших экзамен кандидатов [309, р. 92]. Для людей с неоднозначным количеством баллов отсутствовали гарантии поступления в ИГС. Многие британцы не желали рисковать и принимали предложения других структур. Таким образом, ИГС в межвоенный период (1919–1939 гг.) сталкивалась с серьезными кадровыми проблемами.

Офицеры ИГС входили в высший-средний класс (upper-middle class) [219, р. 12]. К нему также можно отнести: офицеров Британской Армии и Флота, сотрудников Домашней гражданской службы (Home Civil Service), врачей, священнослужителей, юристов, университетских академиков, представителей среднего бизнеса (включая финансистов и владельцев издательств) [321, р. 149].

Однако почти все колониальные офицеры происходили из более низших сословий. В период с 1919 по 1939 гг. около 60% сотрудников ИГС являлись потомками разбогатевших торговцев, мелких государственных служащих, богатых фермеров, учителей и так далее [284, р. 10]. Исследователи К. Реннер (K. Renner) и Дж. Голдроп (J. Goldrop) выделили британских чиновников в отдельный класс государственных служащих или «service class». К данному сословию можно отнести профессиональных управленцев, администраторов, которые нанимались для руководящей работы в государственных учреждениях. Особенностью «service class» являлось отсутствие связей с представителями других сословий. Данный тезис подтверждается отсутствием земельной собственности и капитала у наемных администраторов. Для офицеров ИГС было также характерно отсутствие собственной недвижимости в Индии. Чиновники имели значительную автономию от центра, ввиду отдаленности от метрополии. Высокая заработная плата, карьерный рост и достойная пенсия выгодно отличали службу от других учреждений в Великобритании. При этом сотрудники имели тесную связь и принадлежали к идеологии своих работодателей (король, Индийский Офис, правительство. – *С. Н.*) и были зависимы от ее изменений. Все это обеспечивало гарантии консервативной позиции индийских колониальных офицеров [309, р. 59].

Большинство европейских офицеров ИГС были родом из Великобритании. Вопрос национальной принадлежности наиболее тщательно раскрыт в работе Д. Поттера. Исследователь осветил проблему через детальный анализ средних учебных заведений Великобритании, выпускниками которых являлись офицеры службы. Так, на 1939 г. из 688 европейских офицеров 564 окончило средние школы в Англии и Уэльсе, 84 в Шотландии, 37 в Ирландии (без указания разделений на Ольсер и Ирландскую Республику – *С.Н.*). Однако данные цифры могут быть не точны, так как многие шотландцы и ирландцы получали среднее образование в Англии. Также сложно выделить количество офицеров валлийского происхождения, ввиду полного отсутствия данных. В качестве исключения можно привести лишь А. Галетти (A. Galetti), который имел итальянское происхождение.

А. Галетти был подданным британской короны и получил классическое образование в Оксфорде [309, р. 59]. Отдельно следует указать на особенности, связанные с офицерами ирландского происхождения. Небольшое количество ирландцев связано с относительной бедностью и вытекающими из этого сложностями в получении дорогостоящего образования. С другой стороны, возникала проблема неоднозначных отношений ирландцев и англичан. В британских консервативных кругах представителей данного народа считали «непригодными к управлению». Однако нехватка новобранцев позволяла ирландцам поступать на службу в колонии. Проблемой являлась негативное отношение большинства англичан к католицизму, которое исповедовала часть населения страны. Данные стереотипы часто затрагивали и протестантов из Ольстера. С 1922 г. большая часть Ирландии была объявлена независимым государством, в связи с чем некоторые офицеры ирландского происхождения пожелали освободить свои посты и выехать в Ирландию. Некоторые офицеры-ирландцы поощряли деятельность Индийского национального конгресса (ИНК) – крупнейшей политической партии Британской Индии, которая выступала с резкой критикой колониальных властей и претендовала на руководящую роль в национальном движении [330, р. 31]. Например, М. МакГилан (M. MacGillan). Однако до 1937 г. выпускникам Тринити Колледжа в Дублине было позволено сдавать вступительные экзамены в колониальные службы. К наиболее выдающимся ирландским офицерам можно отнести М. О'Дваера (M. O'Dwyer), который закончил свою карьеру в Индии в качестве губернатора Пенджаба [211, р. 528].

Образование будущих колониальных чиновников делилось на две ступени. К первой относились частные средние школы, второй являлись высшие учебные заведения. Известно, что 80% офицеров европейского происхождения, которые вступили в ИГС с 1915 по 1941 гг. окончили английские элитные средние школы – «public schools». В данные учреждения принимались мальчики в возрасте 11 лет. Большинство подобных школ имело многовековую историю. Изначально они выступали в качестве благотворительных учреждений для бедняков (Narrow

School 1572; Rugby School 1567) или были призваны подготовить молодежь для поступления в колледж (Eton College 1440) [171, р. 5]. Впоследствии в данных школах воспитывались дети британской аристократии [318, р. 119]. Однако во второй половине XIX в. большинство «public schools» предназначались для детей из среднего класса [284, р. 71]. Учреждения находились в частном владении. «Public schools» были дорогостоящими заведениями пансионного типа. В них предоставлялось классическое английское среднее образование, основной целью которого было воспитание будущих британских джентльменов [306, р. 124]. Наиболее популярными в среде будущих офицеров были следующие школы: Регби (Rugby); Винчестер (Winchester); Веллингтон (Wellington); Чартерхаус (Charterhouse); Мальборо (Malborough); Кристис Хоспитал (Christis Hospital) и др. Шотландские и Ирландские учебные заведения подобного уровня пытались всячески подражать английским «public schools». Многие состоятельные родители предпочитали отправлять своих детей на обучение в Англию. По словам Дж. Оруэлла (Э. А. Блэр), «Общепризнано, как само собой разумеющееся <...>, что если вы не ходили в хорошую public school, то вы загубили свою жизнь» [222, р. 43].

«Public schools» имели специфическую программу подготовки учащихся, которая сложилась в викторианскую эпоху. Особое внимание уделялось воспитанию характера, лидерских качеств, уверенности в себе [226, р. 116]. В школах царила жесткая дисциплина, телесные наказания, аскетичный образ жизни. Характерной чертой «public school» были плохо отапливаемые помещения. Конкуренция среди учеников поощрялась преподавателями [341, р. 28]. Классовое общество Великобритании диктовало необходимость формирования особой культурно-поведенческой модели элит. Правящий класс был обязан показывать свое превосходство во всем [107, с. 49]. В школах изучали древние языки, английскую литературу и историю. Также было предусмотрено большое количество дисциплин по выбору. Меньше внимания уделялось естественным и точным наукам. Изучение древних текстов было предпочтительней, чем математика. Знание основ греческого и латинского языков считалось явным

признаком джентльмена [138, с. 138]. Основной упор в данных учреждениях был сделан на подготовку будущих кадров для государственной службы (в том числе и в колониях. – *С.Н.*) [340, р. 206]. Для выработки корпоративного духа и физического развития практиковались командные виды спорта. Тренировки проводились при любой погоде. В подобных мероприятиях подавлялась индивидуальность, учащиеся стремились к слаженной работе в коллективе (гребля, крикет, плавание и др.). Некоторые виды спорта были травмоопасны (например, регби, бокс). Большой акцент в командной игре делался на жертвенность ради коллектива [138, с. 139]. Классическим идеалом того времени можно считать кавалера Креста Виктории (Victoria Cross) капитана Л. Э. Г. Отса (L. E. G. Oats). Герой англо-бурской войны принял участие в антарктической экспедиции. В критической ситуации Л. Э. Г. Отс пожертвовал своей жизнью ради спасения товарищей [309, р. 74]. Следует подчеркнуть, что спортивные занятия осуществлялись на любительском уровне. Профессиональная подготовка по конкретным направлениям противоречила идеалам того времени. Согласно распространенному в середине XIX в. мнению спорт способствовал формированию и развитию особых качеств, необходимых для колониальных офицеров [198, р. 127].

После получения элитного школьного образования представители среднего класса поступали в высшие учебные заведения. В период с 1915 по 1941 гг. наибольшее количество новобранцев ИГС окончили Оксфорд и Кембридж (более 70%). Остальные позиции были разделены между высшими учебными заведениями Шотландии и Ирландии [309, р. 71]. Некоторое количество рекрутов приходилось на Лондонский университет. Университетская программа продолжала развивать в учениках данные, заложенные в «public schools». В этом плане особенно выделялись заведения Оксфорда и Кембриджа. На протяжении своей длительной истории в данных университетах складывались собственные нормы и ценности, которые передавались из поколения в поколение. Данные традиции переходили вместе с выпускниками в систему ИГС. Идеальным студентом данных заведений был джентльмен, который обладал обширными

знаниями в различных областях [331, р. 93]. Интеллектуальные способности ценились ниже моральных принципов и джентльменского поведения [340 р. 206]. В студентах воспитывалось чувство принадлежности к империи. Содержание огромных колониальных владений мотивировалось «мессианским предназначением» Британии [286, р. 71]. Студентам предоставлялись аргументы в пользу превосходства британцев над другими народами [138, с. 139]. К примеру доказывалось, что индийцы слишком женственны для того, чтобы самостоятельно собой управлять [213, р. 79]. С другой стороны указывалось, что местные народы «грубы и подвержены чрезмерным страстям» [159, с. 361]. Подобные принципы были крайне актуальны для колониальных служб. Универсальные эрудиты должны были иметь представления во многих спектрах деятельности. Таким образом, аматоры были призваны управлять квалифицированными специалистами [190, р. 10]. Например, Д. Саймингтон (D. Symington) из Бомбея был назначен на пост муниципального контролера противовоздушной обороны (Municipal Controller ARP) в Синде. Офицер указывал, что не имел представления о данной деятельности, однако смог быстро понять свои функции [55, р. 34]. К негативным факторам аматорского подхода в образовании можно отнести дилетантизм и некомпетентность будущих администраторов. Отсутствие специализированной подготовки сказывалось на эффективности работы учреждений. Изучение британской литературы и истории преподносилось выше бухгалтерского учета [138, с. 139]. Так, М. Рай (M. Rai) из Пенджаба застал своего Шефа Секретаря (Chief Secretary) на рабочем месте за чтением Диккенса. Начальник указал, что чтение хорошей литературы крайне полезно в рабочее время [278, р. 92]. Таким образом, офицер предпочитал расширять свой кругозор, не вникая в особенности своей работы. Чувства элитарности и превосходства часто приводили к пренебрежительному отношению к подчиненным и коренному населению [114, с. 131]. Нередкими были случаи расизма. Так, А. П. Хьюм (A. P. Hume) указывал, что один из его коллекторов ненавидел индийцев и считал их неполноценными [35, р. 8]. Подобное отношение со стороны европейских офицеров убеждало индийцев в необходимости борьбы за независимость.

Члены комиссии по отбору на гражданскую службу (Civil Service Commission) предпочитали выпускников классических университетов, которые окончили «public schools». Следует отметить, что большинство из вербовщиков колониальных служб также заканчивали эти учебные заведения. Так, член комиссии Х. Вишер считал, что «Public schools – идеал античного образования, в котором основной акцент сделан на характере, мудрости, спорте и целостности». Другой колониальный вербовщик – Р. Фьюрс высказывался более грубо. Чиновник также считал, что классические английские учебные заведения предоставляют особый тип людей для работы в колониях. В качестве определяющего фактора Р. Фьюрс видел характер. Р. Фьюрс писал что «Люди с мозгами должны быть рабами людей с сильным характером. Система отбора должна быть похожа на выбор породистой лошади <...>» [222, р. 33] Таким образом, вербовщики колониальных служб предпочитали волевых, уверенных в себе и физически подготовленных людей, основным достоинством которых было умение руководить [283, р. 31]. Интеллектуальные способности отходили на второй план и заменялись джентльменским поведением (для создания положительного впечатления о себе. – *С.Н.*) и универсальным набором знаний. Причиной такой политики являлась потребность в людях, которые могли самостоятельно действовать в отдаленных дистриктах в окружении туземного населения [175, р. 124]. Считалось, что слабость характера офицера могла стать причиной ослабления авторитета администрации, что влекло за собой тяжелые последствия. Следует указать, что явное преувеличение значения моральных ценностей офицеров ИГС присутствует в воспоминаниях многих чиновников британского происхождения. Например, воспоминания П. Вудрофф (P. Woodruff) [281, р. 31].

Получив образование, многие выпускники стремились сдать экзамены на гражданскую службу. Каждый из кандидатов имел различные причины вступления в ряды ИГС. Со времен Ост-Индийской компании значительной привилегией для кандидатов являлась принадлежность к семьям колониальных чиновников или военных [293, р. 252–254]. Считалось, что такие люди были более

мотивированы и воспитывались под влиянием корпоративных ценностей. Вербовщики также указывали, что кандидаты, продолжавшие семейные традиции, не имели финансовых мотивов и были преданы идеалам служения короне. Выходцы из среды имперских чиновников соответствовали всем устоявшимся представлениям и стереотипам имперского общества [239, р. 11]. Так, идеальным кандидатом для поступления в ИГС стал Дж. А. Хейг (G. A. Haig). Будущий офицер имел сильные «индийские корни». Его отец был губернатором Соединенных провинций, дядя служил в Индийской Армии, тетка была женой одного из епископов Англиканской церкви в Индии, дед служил судебным комиссаром. Он родился в Индии, однако детство провел, обучаясь в Винчестере, и затем закончил Оксфорд [54, р. 3]. Выбор профессии для выпускника был очевиден.

Однако большинство европейских кандидатов имели более простое происхождение. Р. Ф. Муди (R. F. Mudie) после окончания Кембриджа несколько лет работал учителем. По настоянию отца будущий офицер изучил рекламную компанию колониальных служб и решил попытаться сдать экзамены в ИГС [53, р. 3]. Ист. Р. Х. Белхер (R. H.), окончивший колледж Иисуса (Jesus College) в Кембридже, никогда не интересовался Индией. Будущий офицер планировал поступить в Гражданскую службу Северной Ирландии (Northern Ireland Civil Service) или стать инспектором налоговой службы (English Revenue Service). Выбор ИГС являлся только запасным вариантом для кандидата, которым он впоследствии воспользовался [49, р. 1]. Ф. О. Белл (F. O. Bell) поступил в ИГС по рекомендации кембриджского Университетского совета по трудоустройству (University Appointment Board) [47, р. 1]. Е. А. Мидгли (E. A. Midgley) увлекся Индией после прочтения книг Р. Киплинга [37, р. 2]. Литература того времени была насыщена романтизированными историями из жизни колониальных чиновников.

В рамках ИГС был сформирован особый тип администраторов, находящийся на стыке западного протестантского общества и индийской традиционной культуры. В отличие от европейских офицеров, многие индийцы

происходили из местного «service class», который был сформирован на основе местного среднего класса во второй половине XIX в. [315, р. 1034]. Также следует отметить тенденцию к постепенному увеличению количества новобранцев из семей индийских чиновников [204, р. 687]. К примеру, в 1928 г. в результате экзамена в Нью-Дели было принято 20 индийцев [88, р. 892–893]. Из этого количества 8 происходили из семей правительственных чиновников, 4 – из сферы образования, 2 – медицинское обслуживание, 2 – юстиция, 2 – землевладельцы, 2 – сфера бизнеса [309, р. 116]. В то же время на 1941 г. $\frac{3}{4}$ принятых индийцев происходили из «service class» [3, р. 152]. Интересно отметить, что будущие офицеры-индийцы происходили из индийского среднего класса, который составлял основу национального движения [294, р. 96]. Большинство из новобранцев получили британское образование в индийских англоязычных школах и университетах [197, р. 121]. Наиболее зажиточные родители отправляли своих детей для обучения в Англию [288, р. 117]. Так, Н. Б. Бонарджи получил среднее образование в Дулвич Колледже (Dulwich College) в Лондоне, а затем поступил в Оксфорд [3, р. 290]. В период с 1919 по 1939 гг. индийские рекруты окончили следующие высшие учебные заведения: Мадрасский университет – 22%; Аллахабадский, Бомбейский и Пенджабский университеты – 14%; Калькутский университет – 12%; Британский университеты – 12 %; другие учебные заведения Индии – 12% [309, р. 116].

Каждое провинциальное правительство утверждало собственный список кандидатов, которым разрешалось участвовать в конкурсе. Данная процедура производилась для отсеивания нежелательных элементов до момента сдачи экзаменов. Подобная политика начала проводится в 1923–1924 гг. Домашний департамент в Нью-Дели всерьез опасался проникновения в состав службы лояльных к оппозиции кругов. Кандидаты могли быть признаны «не пригодными» при малейшем намеке на связь их родственников с представителями ИНК. Большое значение играл социальный статус кандидатов [228, р. 178]. Положительные рекомендации могли предоставляться детям крупных землевладельцев или государственных чиновников среднего

звена, которые являлись непосредственной опорой британской власти. Однако стоит указать, что, несмотря на проверки, большинство британских чиновников не подозревали о реальной ситуации в Индии. Многие офицеры ИГС были лояльны к национальному движению. Ситуация, сложившаяся перед началом Второй мировой войны, была наиболее показательной. Так, С. В. Нарасимхан (C. V. Narasimhan), который прибыл в 1937 г. в Мадрас в качестве ассистента коллектора, был прекрасно знаком и поддерживал дружеские контакты с премьер-министром С. Раджагопалахари (C. Ragopalachari). Г. Нараин (G. Narain), прибывший в Индию в 1939 г. после двухгодичного курса подготовки офицеров в Англии, был отлично знаком с Дж. Неру. Следует указать, что три близких родственника Дж. Неру сделали отличную карьеру в ИГС [309, p. 128].

У каждого из индийских кандидатов были различные причины для поступления на службу. Одной из главных мотиваций был престиж ИГС и высокая заработная плата. Многие будущие офицеры сдавали экзамены по настоянию родителей. Наиболее курьезный случай поступления в ИГС связан с именем Р. П. Норонха (R. P. Noronha). Будущий офицер из Центральных провинций мечтал быть фотографом, однако прибыл на лондонский экзамен по настоянию матери. Р. П. Норонха писал о том, что не имел намерений поступать на гражданскую службу. Однако по счастливой случайности молодой индеец оказался в числе первых в списке на зачисление. По словам Р. П. Норонхи, после подобного случая он престал верить в экзамены [28, p. 4]. Интересна биография С. С. Венкатахара (C. S. Vencatahar), который был уроженцем индийского княжества Мисор (Mysore State), располагавшегося в 25 милях от Бангалора. Он происходил из рода зажиточных брахманов, которые были освобождены от налогов и обрабатывали землю при условии символической ренты. Его отец был в числе первых членов сельской общины, которые получили британское образование. С. С. Венкатахар обучался в Центральном колледже Бангалора (The Central College of Bangalor), а затем поступил в Президентский колледж Мадраса (The Presidency College of Madras), который окончил по специальности химия. Будущий офицер указывал, что до приезда в Мадрас он не имел представления о

Британской Индии и никогда в ней не бывал. Княжество Мисор было изолировано от президентства. Во время обучения в колледже С. С. Венкатахар заинтересовался карьерой в ИГС и впоследствии отправился на лондонский экзамен [74, р. 626]. М. А. Ферукви (M. A. Feruqui) был сыном офицера Индийской медицинской службы (Indian Medical Service) из Пенджаба. После окончания колледжа в Лахоре он сдал экзамены в Нью-Дели. Несмотря на посредственные результаты, Н. А. Ферукви смог пройти вне конкурса благодаря квоте для мусульман [74, р. 364].

Следует отметить, что учебная программа индийских университетов была аналогичной британской. Однако большинство индийских кандидатов не были знакомы с джентльменскими ценностями и особенностями обучения в «public schools». Для кандидатов, которые поступили на службу через экзамен в Нью-Дели, была предусмотрена двухгодичная подготовка в одном из университетов Англии. Столь длительный срок обучения был обусловлен необходимостью скорейшей «европеизации» будущих офицеров [246, 9]. В начале XX в. в Азии появляется новый культурный тип, который получил название «коричневый сахиб» (Brown Sahib). Данный термин был актуален для образованных индийцев, которые относились к среднему и высшему классам, в том числе он был применим и к некоторым офицерам службы [289, р. 136]. «Коричневый сахиб» представлял собой уроженца Индии, который в постоянном обиходе использовал английский язык (в том числе разговаривал на нем и в домашних условиях. — С.Н.). Такому человеку были близки нормы и ценности, которые закладывались в британских «public school». Его манеры и вкусы соответствовали среднестатистическому поведению образованных британцев [348, р. 3–7]. Стоит указать, что данный культурно-поведенческий тип не являлся массовым явлением в ИГС. Многие индийские офицеры были крайне религиозны и стремились к открытому проявлению собственных культурных и религиозных традиций. Однако и опровергнуть данное явление невозможно. Стоит упомянуть о 12% индийских новобранцев, которые получали высшее образование в Великобритании. При этом около 3–5% из них обучались в платных «public

schools» и, следовательно, провели в Англии значительную часть своего детства и юности. Во время вступительных компаний устанавливались специальные квоты для англо-индийцев и христиан [337, р. 123].

Вопрос вероисповедания и национальности играл большое значение в среде индийских офицеров. На 1933 г. в ИГС насчитывалось 375 индийцев, из которых 72% составляли индусы, 16% – мусульмане, 6% – христиане, 2% – парсы, 2% – сикхи, 2% – англо-индийцы. Среди Индусов традиционно доминировали брахманы [149, с. 251]. Например, в 1928 году в Нью-Дели было принято 14 брахманов, 1 кшатрий, 1 кхастх (khayastha) [309, р. 117]. Следует отметить, что в среде чиновников-индуистов большое значение играла кастовая принадлежность. Некоторые офицеры-брахманы негативно относились к коллегам из низших каст [162, с. 27]. Особенно остро стоял вопрос с набором на службу неприкасаемых. В межвоенный период в конкуренцию с брахманами вступают кхастхи [203, р. 234]. Данная группа являлась неоднородной и принадлежала к различным варнам [250, р. 72–73]. Их социальный статус мог меняться в зависимости от региона. В период империи Великих Моголов кхастхи могли занимать важные административные должности [269, р. 87]. К началу 1940-х гг. кхастхи становятся вторыми по численности среди индуистов, представленных в рамках службы. За время работы многие индийские офицеры впитали в себя нормы и ценности, которые были заложены в системе ИГС [273, р. 4]. Также ими были восприняты механизмы администрирования и британское делопроизводство, которые они привнесли в руководящие службы независимых Индии и Пакистана [287, р. 3]. Кадровый состав ИГС в межвоенный период (1919–1939) не имел однородной структуры. Среди офицеров имелись серьезные противоречия. Однако данная проблема была решена за счет четкого следования нормам бюрократической системы и традициям британского колониального общества. Формализм и жесткая иерархия позволяли исключить возможные конфликтные ситуации между офицерами ИГС.

2.2 Подготовка новобранцев и дистрикт-стажировка офицеров Индийской гражданской службы в Британской Индии

После зачисления в ряды ИГС все новобранцы проходили обязательную подготовку в Великобритании. Для рекрутов, которые были приняты по результатам лондонских экзаменов, срок обучения составлял 1 год. Индийцы и бирманцы, которые зачислены по результатам экзаменов в Нью-Дели или назначены из подчиненных служб, обучались в течение двух лет [137, с. 88]. Причиной различий в сроках была необходимость «европеизации» индийских рекрутов. После 1937 г. в целях экономии средств подготовка индийских офицеров была сокращена до 1 года. Во время обучения все рекруты получали единовременную стипендию. Подготовка осуществлялась по индивидуальному выбору на базе трех британских университетов: Оксфордского, Кембриджского и Лондонского [320, р. 74]. До 1937 г. ирландские новобранцы имели право пройти обучение на базе Тринити Колледжа в Дублине. Последний вариант был наименее популярен среди будущих офицеров [246, 9].

Учебный курс состоял из следующих предметов: индийское законодательство; история Индии; официальный язык провинций, за которыми закреплялись новобранцы; верховая езда. До начала подготовки производилось профильное распределение по провинциям Индии. Формально процесс имел добровольный характер, и каждый рекрут мог заявить о своих предпочтениях. Однако ввиду того, что большинство кадетов предпочитали наиболее благополучные Пенджаб (11–13% от численности всей службы) или Соединенные провинции (19% от численности всей службы), распределение носило принудительный характер (Приложения 1–2). Ежегодно правительство предоставляло квоты на прикрепление новобранцев к различным провинциям. Так, в 1926 г. в Ассам требовалось 5 чел., в Бомбей – 25 чел., в Бенгалию – 33 чел., Бихар и Ориссу – 22 чел., Бирму – 15 чел., Центральные провинции – 12 чел., Мадрас – 33 чел., Пенджаб (в том числе Нью-Дели и Северо-Западную Пограничную провинцию) – 25 чел., Соединенные провинции – 30 чел. [86, р.

283]. В 1937 г. из состава Индии вышла Бирма. Бирманская гражданская служба комплектовалась из рекрутов ИГС [74, р. 191].

Качество обучения существенно варьировалось в зависимости от университета. Многие будущие офицеры давали собственные оценки периоду подготовки перед отправкой в Индию. Так, С. С. Венкатахар проходил двухгодичную подготовку в 1920–1921 гг. в Кембридже. Кадет не смог адаптироваться к британскому образу жизни и писал о длительной изоляции, в которой находились индийские рекруты. С. С. Венкатахар указывал, что учебная программа была скучна и не раскрывала особенностей будущей службы. В рамках подготовки отсутствовали какие-либо идеологические аспекты, которые могли бы стать мотивацией для служения интересам империи. Для большинства студентов – служба в Индии была карьерой, которая хорошо оплачивалась. По словам С. С. Венкатахара, на протяжении всей службы он был вынужден учиться лишь на собственном опыте [31, р. 8]. В отличие от своего коллеги, Х. С. Гупта (H. C. Gupta), который с восторгом описывал время, проведенное в Великобритании. В 1933–1934 гг. он проходил подготовку в Оксфорде. Рекрут быстро влился в студенческое сообщество. Х. С. Гупта активно путешествовал по Европе и смог посетить Египет. Следует отметить, что кадет практически не упоминал в своих воспоминаниях об учебной программе [246, р. 11].

Р. М. К. Слейтер (R. M. K. Slater) окончил Кембриджский университет, однако в качестве места подготовки в 1938 г. избрал Школу Восточных Исследований (School of Orient and African Science) при Лондонском университете. По словам Р. М. К. Слейтера, в Кембридже была слишком слабая база по изучению Индии. В Школе Восточных Исследований кадет познакомился с древней историей Индии, сделал первые шаги к овладению урду [246, р. 12–13]. В. Дж. Ламарк (W. G. Lamarque) также избрал в 1937 г. Школу Восточных Исследований и писал, что для индийцев данный период был потерей времени. Однако для него это было крайне полезный период. По словам В. Дж. Ламарка, он ничего не знал об Индии. В это время он начал изучать тамильский язык. Большое влияние на него оказал отставной офицер из Соединенных провинций С. Весей-

Фитджеральд (S. Vesey-Fitzgerald), который делился своим опытом и был экспертом по исламскому праву. Тамильскому языку его обучал англизированный индеец из Мадраса. В. Дж. Ламарка указывал, что за время подготовки получил ценные знания, которые помогли ему на начальном этапе службы в Индии [57, р. 7].

Дж. И. Вотсон (G. I. Watson) проходил подготовку в 1931 г. в Кембридже. Рекрут указывал, что программа не была направлена на практические нужды. Весь материал черпался из книг. В рамках истории Индии был сделан упор на древность при полном игнорировании нового времени. У студентов полностью отсутствовало понятие о современном индийском обществе. Преподаванием хинди занимался отставной офицер Индийской Армии, который предпочитал учить Дж. И. Вотсона – урду. При этом, по словам преподавателя, хинди и урду мало чем отличались друг от друга. В тоже время курс индийского уголовного права преподавался судьей Верховного Суда Пенджаба, который имел значительный опыт работы и охотно делился им с обучающимися. Как указывал Дж. И. Вотсон упущением стажировки было то, что студенты ничего не узнали об административной системе Британской Индии. Вторым моментом было полное отсутствие сведений о будущей работе в дистрикт-магистрате. Н. К. Патерсон из Кембриджа также упоминал о пробелах в изучении политического устройства и конституции Индии [46, р. 3]. Вторым упущением подготовки было то, что курсант изучал классический (высокий) хинди, однако был направлен в Центральные провинции, где его навыки языка были бесполезны [246, р. 14].

Р. Х. Белхер, который находился в 1938 г. на подготовке в Оксфорде, упоминал, что большую часть времени занимало стандартное изучение основ законодательства и системы администрирования, а также обучение верховой езде. По его мнению, единственным полезным курсом было изучение фонетики, благодаря которому он смог сносно говорить на языке своей провинции и сумел избежать «акцента сахиба». Р. Х. Белхер почерпнул важную информацию о политической ситуации в Индии благодаря общению с индийскими рекрутами. Курсант указал, что существенным пробелом в подготовке было полное

отсутствие информации о будущей работе. Новобранцы не имели малейшего представления о проблемах, которые могли возникнуть перед ними. По словам Р. Х. Белхера, многие рекруты осознавали, что им не удастся полностью отбыть 25-летний контракт [49, р. 5].

Многие курсанты упоминали о сдаче экзамена по верховой езде. Значимость данного предмета для будущих офицеров аргументировалась тем, кони являлись основным средством передвижения в Индии. Для данных целей выпускались различные наставления («Hints of Horsemanship» [14]; «The Horseman. A Work of Horsemanship» [16]), которые не имели практического значения. Каждому молодому чиновнику рекомендовалось приобретать лошадь [14, р. 3]. К началу 1930-х гг. данные моменты являлись пережитком прошлого, так как большинство дистрикт-офицеров могли свободно приобрести личные автомобили, которые давно перестали быть предметом роскоши. Однако экзамены по верховой езде продолжали входить в программу по подготовке новобранцев ИГС вплоть до получения Индией независимости [74, р. 153].

После успешной сдачи экзаменов рекруты подписывали контракт сроком на 25 лет в Индийском Офисе (Whitehall) в Лондоне. Заключение контракта являлось официальной церемонией, на которой присутствовал Государственный секретарь по делам Индии. Через некоторое время новоиспеченным офицерам надлежало незамедлительно отбыть в Индию [87, р. 287]. Наиболее популярным морским перевозчиком являлась «Полуостровная и Восточная пароходная компания» («Peninsular and Oriental Steam Navigation Company», P&O). Огромные океанские лайнеры (например, «Viceroy of India» или «Strathnaver») находились в пути от 17 до 19 дней. Стандартный маршрут следования начинался недалеко от Лондона в порту Тильбюри (Tilbury) на р. Темзе и оканчивался прибытием в Бомбей. Для молодых офицеров традиционно резервировались каюты 1-го класса. Поездка оплачивалась Индийским Офисом [87, р. 287]. Нередкими были случаи, когда на корабле присутствовали высокопоставленные особы. Так, И. Х. Макдональд (I. H. Macdonald) в своих воспоминаниях указывал, что на корабле находился вице-король лорд Линлитгоу (V. A. J. H. Linlithgow). Все пассажиры могли

полюбоваться торжественным парадом в порту Бомбея по случаю его возвращения из отпуска. После прибытия большинство молодых офицеров отправлялись в секретариат Бомбея, где им вручались предписания на отправку в различные дистрикты Индии. Большинство новобранцев, которые ранее не бывали в Индии, могли сталкиваться с первыми затруднениями, которые были вызваны особенностями системы. Все офицеры должны были самостоятельно добираться до места службы, часто в крайне удаленные уголки страны. И. Х. Макдональд получил назначение в дистрикт Гайа (Gaya district) в Бихаре. Офицер попытался уточнить месторасположение дистрикта в секретариате, где ему сообщили о том, что данная информация им неизвестна. И. Х. Макдональд был вынужден отправиться на железнодорожный вокзал, где после долгих поисков ему удалось уточнить свой маршрут [43, р.17]. Бомбейский железнодорожный вокзал являлся отправной точкой сухопутных коммуникаций Британской Индии. Из этого места осуществлялось движение в любую часть страны. По развитой сети железных дорог курсировало большое количество поездов [176, р. 368]. Так, С. Н. Маитра (S. N. Maitra), который был направлен в Верхний Ассам, был вынужден преодолеть более 2 тыс. миль до своего пункта назначения. Для доставки чиновников в отдаленные провинции курсировали специальные экспрессы (например, «Grand Trunk Express» или «Taj Express»). Большинство офицеров предпочитали комфортабельные поездки в 1-м классе (First Class AC). Привилегированные пассажиры были обязаны придерживаться правил, которые были составлены еще в 1851 г. Например, при длительных поездках разрешалось брать с собой пианино, при условии необходимости его использования и отсутствия упаковки. Прибыв в указанный дистрикт большинство молодых офицеров размещались в «инспекционных бунгало» или принимались на постой в домах своих непосредственных начальников. Нередкими были случаи, когда новобранцы некоторое время находились в столицах своих провинций, где происходило знакомство со старшими чиновниками, после чего происходила отправка в назначенный дистрикт [23, р. 87]. Известие о назначении новобранцев на должность ассистента коллектора на стажировке (Assistant collector under

training) публиковалось в официальных сборниках центрального и провинциальных правительств Индии («Government Gazette») [7, р. 1]. С данного момента все новобранцы были обязаны приступить к дистрикт-стажировке.

Дистрикт-стажировка состояла из теоретической и практической частей. Срок прохождения составлял от 1 года до 18 месяцев в зависимости от провинции. По окончании стажировки рекруты были обязаны сдать экзамены по каждой из пройденных дисциплин [17, р. 28–31]. Теоретическая часть состояла из языковой подготовки (официальный язык провинции), при которой основной акцент делался на переводе и выработке правильного произношения. Отдельно изучалось провинциальное законодательство. Несмотря на общность учебной программы для всех провинций случались и исключения из правил. Например, в Мадрасе, который славился своим развитым бюрократическим аппаратом, новобранцы сдавали дополнительные экзамены по различным наставлениям и правилам, которые были характерны для данной провинции [246, р. 38–39].

Экзамены по практическим предметам сдавались в профильных департаментах провинций. На время практики стажеры закреплялись за опытными дистрикт-офицерами. Стажер Д. Вира был направлен в Соединенные провинции и получил следующие наставления от своего руководителя – коллектора дистрикта Алигарх (Aligarh district) П. Марша (P. Mars). Чиновник рекомендовал: «...Принятие решений должно делаться быстро и независимо от того правильно это или нет. Чаше всего вы будете правы... Вы являетесь исполнительным директором. Ввиду чего необходимо держать рот на замке насколько это возможно... Ведение разговоров – задача политиков... вас будут судить исходя из ваших же действий, а не по разговорам...» [96, р. 12–13]. За время обучения молодые офицеры были обязаны ознакомиться с деятельностью чиновников на всех ступенях дистрикт-администрации. Стажировка начиналась с изучения работы сельских старост и бухгалтеров. Новобранцы прикреплялись к определенным деревням и были номинально ответственны за администрирование и ведение счетов в указанных населенных пунктах. Стажеры были обязаны подготовить экономический обзор населенных пунктов, в которых охватывались:

уровень благосостояния, правила и особенности владения землей (с учетом ренты), типологизация ведения посевных работ. Весь период работы в сельской местности занимал около 3 месяцев. Стажеры были обязаны неотлучно находиться в деревнях в течение всего указанного срока [246, р. 39]. Многие офицеры попадали в ранее неизвестную для них среду и часто находились в изоляции. В. В. Джордженсон (W. W. Georgenson), который впервые прибыл в Индию в 1930 г. и был направлен на стажировку в дистрикт Ганжам (Ganjam district) в Мадрасе, указывал, что в среде офицеров ИГС его новая должность негласно называлась «изучающий мальчик». Молодой офицер достаточно подробно описывал особенности стажировки в сельской местности. Первоначально В. В. Джордженсон исполнял обязанности сельского бухгалтера или карнама (karnam). Однако данный вид деятельности носил номинальный характер по причине того, что офицер не имел практики счетоводства. Кроме того В. В. Джордженсон плохо владел дравидским языком, ввиду чего ему пришлось сменить несколько деревень в поисках карнама, который владел английским. В рамках работы сельского старосты практикант ознакомился с особенностями земельных отношений в дистрикте. Большинство сельскохозяйственных угодий дистрикта Ганжам принадлежало крупным землевладельцам и помещикам (заминдарам). Поэтому при составлении схем земельных наделов каждой деревни было необходимо нанести и зарегистрировать данные об аренде. Стандартной практикой являлось дробление наделов на многие части между наследниками арендаторов. Многие владельцы земли могли иметь определенную часть надела в различных частях деревни. Стажер не проживал в деревне, а располагался в палаточном лагере за ее пределами. Его сопровождал личный повар, который ежедневно получал из города продукты питания. Также при В. В. Джордженсоне постоянно находился опытный клерк из штаб-квартиры дистрикта. В палаточный лагерь ежедневно приходил сельский староста и карнам, которые вели обучение стажера. В выходные дни офицер посещал местный клуб в штаб-квартире дистрикта [59, р. 9–16].

По окончании стажировки в деревне следовало знакомство с работой канунго (qanungo). Данный чиновник был ответственен за сбор земельного налога (1 чиновник на 50 деревень. – *С.Н.*). В штаб-квартире талука (taluk) или таксила (tahsil) стажер изучал особенности работы казначейства. Ввиду отсутствия в небольших городах банковских отделений большинство операций осуществлялось путем наличного расчета. Далее следовало обучение работе в магистрате, по окончании которого следовало назначение на должность магистрата 1-го класса. Одновременно с магистратской подготовкой стажеры обучались коллекторской работе. Так, А. Дж. В. Артур (A. J. V. Arthur), который попал по распределению в дистрикт Амритсар (Amritsar district) в Пенджабе, был закреплен за заместителем комиссара И. Джонсом (I. Jones). Молодой офицер указывал, что его начальник в отличие от большинства британских чиновников не приветствовал скептическое и предвзятое отношение к индийцам. В качестве обучения И. Джонс неоднократно приглашал А. Дж. В. Артура для совместного участия в инспекциях по территории дистрикта. Стажер достаточно подробно описал данные мероприятия. Ежедневно чиновники проверяли несколько деревень в сопровождении полицейских суб-инспекторов и деревенской администрации. Объектом проверки было: состояние урожая, налоговая документация, объекты ирригации, дорожное покрытие, школы, колодцы и общее санитарное состояние населенного пункта. После осмотра следовал длительный процесс принятия жалоб и предложений от местных чиновников и населения. После данных мероприятий проверяющие были обязаны выступить перед жителями деревни с лекцией по популяризации новых методов ведения сельского хозяйства. Через некоторое время А. Дж. В. Артур выезжал в самостоятельные туры и смог полностью ознакомиться с будущей деятельностью в качестве дистрикт-офицера [34, p. 12].

В ходе годичного обучения в Великобритании кадеты изучали все процедуры и доктрины, связанные с магистратской деятельностью. Особое внимание уделялось изучению Индийского уголовного кодекса (Indian Penal Code), Индийского закона о доказательствах (India Evidence Act), криминального

процесса, индийского прецедентного права. После прибытия в Индию новобранцам службы (Assistant collector or Commissioner under training) присваивалась должность магистрата 3-го класса, полномочия которой были существенно ограничены. В их компетенцию входил арест сроком до одного месяца или денежный штраф в размере до 50 рупий (4,5 фунта). Передача дел стажеру определялась по усмотрению дистрикт-магистрата. Большинство из прецедентов касались мелких уголовных преступлений (кражи, избиения) [355, р. 24]. Более сложные случаи рассматривались новобранцами только с письменного разрешения начальника, которое часто сопровождалось подробными инструкциями и комментариями. Ко всем молодым офицерам прикреплялся опытный судебный клерк или «reader», который выступал не только в качестве советчика, но и являлся переводчиком с местного языка. Так, Р. Х. Белхер (R. H. Belcher) из Пенджаба на начальном этапе был склонен не доверять своему наставнику индийского происхождения. Однако достаточно быстро офицер осознал необходимость поддержки, так как практически все участники процесса говорили только на урду или пенджаби [49, р. 3]. Плохое знание языка и неопытность приводили к длительным задержкам и делали стажера беспомощным. В. Г. Метьюз (V. G. Matthews) из Центральные провинций вспоминал, что на начальном этапе не имел проблем с доказательствами, однако ему было сложно определяться с вынесением приговоров. При рассмотрении первого уголовного дела – мелкой кражи или «*marpit*», клерк посоветовал офицеру избрать меньшую степень наказания, доказав непредвзятость виновного, который был вынужден пойти на кражу ввиду бедственного положения. Таким образом подсудимый был приговорен к шести ударам палками вместо месяца тюрьмы [56, р. 11]. Следует отметить, что качество осуществления правосудия напрямую зависело от профессиональных и личных качеств магистрата. Большинство офицеров были перегружены работой, часто не могли или не желали вникать в суть судебных разбирательств. Т. С. Хейли (T. S. Heyley) из Ассама указывал, что, несмотря на помощь клерка, ему было проще подкинуть монету для принятия судебного решения. Почти все участники судебного

процесса, в то числе и дистрикт-офицеры, могли использовать криминальный процесс, уголовное и гражданское законодательство с целью удовлетворения собственных потребностей или частных счетов [60, р. 41].

После сдачи промежуточных экзаменов, офицер получал звание магистрата 2-го класса (кроме Бенгалии, Бихара и Ориссы. – *С.Н.*). Помимо молодых членов ИГС основу данного уровня составляли главы талуков и таксилов, которые относились к местным провинциальным службам (Indian Province Services). В компетенцию магистрата 2-го класса входило вынесение приговоров сроком до 6 месяцев или штраф в размере 100 рупий. На данном уровне также рассматривались наиболее незначительные дела [355, р. 25].

С окончанием дистрикт-стажировки и сдачи профильных экзаменов в департаментах офицер назначался на свой первый постоянный пост в дистрикте или субдивизии и получал звание магистрата 1-го класса.

В отличие от большинства провинций, где дистрикт-стажировка проходила индивидуально для каждого новобранца, в Соединенных провинциях существовала система группового обучения. Подобная практика имела временный характер (1920-е гг. – *С.Н.*) и осуществлялась в качестве эксперимента по личному одобрению губернатора провинции. Основной причиной создания Провинциальных тренировочных школ (Province Training school) было резкое увеличение числа новобранцев, вместо 2 стажеров в год – 10 человек. Срок обучения составлял 1 год. Тренировочные школы открывались по мере необходимости и могли располагаться в различных дистриктах провинции. Так, А. Х. Кемп (A. H. Kemp) был назначен на должность руководителя стажировки в дистрикт Гайа (Gaya district), его должность соответствовала заместителю комиссара [246, р. 38–39]. С. С. Венкатахар (C. S. Venkatachar) поступил на стажировку в аналогичную учебную школу в дистрикте Марадабад (Maradabad district). По его воспоминаниям офицеры ИГС проходили стажировку совместно с новобранцами ИПС [31, р. 11]. Еще одним исключением являлась дистрикт-стажировка в Мадрасе, где в обязательную учебную программу было включено изучение деятельности полицейского и лесного департаментов [246, р. 40].

Большинство новобранцев в своих воспоминаниях оставили положительные отзывы о дистрикт-стажировке. Однако некоторые офицеры упоминали о негативном отношении коллекторов, за которыми они были закреплены. С. Р. Кайвар (S. R. Kaiwar), проходивший стажировку в Мадрасе в 1934 г., был вынужден давать объяснения по поводу письменной жалобы, которая была написана на него собственным дистрикт-офицером [309, р. 105]. М. А. Карритт (M. A. Carritt) из Бенгалии за период обучения сменил троих коллекторов. По его словам офицер К. Пидди (K. Peddie) уделял достаточное внимание подготовке стажера. Однако опытного наставника сменил на посту некий коллектор П. С. Дуглас (P. S. Douglas), который предпочитал постоянное употребление алкоголя в рабочее время и был вскоре снят с должности. Сменивший Дугласа коллектор Ф. Френч (F. French) вовсе не занимался делами вверенного ему дистрикта. Ввиду этого М. А. Карритт не смог получить должной подготовки и был вынужден самостоятельно овладевать особенностями будущей работы [5, р. 37]. Подобные явления не были редкостью и указывали на глубокий кризис административной системы Британской Индии. Недостаток кадров и излишняя бюрократизация колониальных властей не позволяли своевременно фиксировать проступки отдельных дистрикт-офицеров.

Некоторые случаи халатности со стороны руководителей дистриктов по отношению к молодым офицерам носили курьезный характер. Стажер К. Менон (K. P. S. Menon) был приставлен к коллектору П. Маквину (P. MacQueen) в дистрикте Трихинополи (Trichinopoly district) в Мадрасе. Офицер П. Маквин полностью игнорировал новобранца и не участвовал в его обучении. Однако коллектор привлекал стажера для переводов малабарских песен и стихов на английский язык. Изучение местного фольклора являлось хобби офицера-наставника. Основам будущей работы К. Менон учился у простого клерка из штаб-квартиры дистрикта [25, р. 69–70]. Другой случай описывал Н. Б. Бонарджи (N. B. Bonarjee). Индийский рекрут был командирован в 1925 г. в дистрикт Хардои (Hardoi district) в Соединенных провинциях. Назначенный для его обучения дистрикт-офицер А. Б. Реид (A. B. Reid) был крайне обеспокоен

прибытием стажера и попытался от него избавиться. Коллектор отправил главному секретарю провинции письмо с заверением в собственной некомпетентности и попросил направить Н. Б. Бонарджи к более опытному дистрикт-офицеру. В ответе главного секретаря Соединенных провинций Г. В. Ламберта (Lambert) офицеру А. Б. Реиду было предложено пройти повторный курс стажировки в собственном дистрикте совместно Н. Б. Бонарджи [3, р. 114].

Таким образом, процесс подготовки новобранцев имел сложную многоуровневую систему, которая основывалась на теоретической и практической фазах обучения. Вышеуказанная программа носила ознакомительный характер. Полученный в ходе стажировки первичный опыт работы не позволял создать полноценную основу знаний, ввиду чего необходимый профессионализм сотрудников ИГС вырабатывался в течение длительного периода службы.

2.3. Повседневность офицеров Индийской гражданской службы в Британской Индии

Одним из главных стимулов для поступления в ИГС была заработная плата. Отправка в Индию в качестве колониального администратора создавала условия для обеспеченной жизни. По словам офицера Р. П. Норонхи (R. P. Noronha), «Помимо заработной платы – есть ли еще что-либо привлекательное в службе?» [28, р. 3]. Офицер В. Г. Метьюз (V. G. Matthews) в своих воспоминаниях не скрывал тот факт, что во время выбора карьеры его привлекла именно высокая заработная плата индийских администраторов [56, р. 2]. После окончания обязательного контракта чиновники могли рассчитывать на достаточно высокую пенсию. С момента окончания отборочной комиссии кандидаты на зачисление в состав ИГС начинали получать первые денежные выплаты. Во время подготовки

в Европе стажерам выдавалась единовременная стипендия. Для европейских новобранцев она равнялась 300-м фунтов, для индийских – 350 фунтов [211, р. 9]. Следует отметить, что для большинства британских студентов годовое содержание на сумму 150 фунтов являлось роскошью. После заключения контракта и отправки в Индию чиновники начинали получать ежемесячную заработную плату в фунтах, которая конвертировалась в индийскую рупию. В официальных правительственных отчетах (Indian Office List, Combined Civil List for India) указывалась ежегодная сумма доходов в индийских рупиях. В то время как расчеты по начислению жалований, пенсий, надбавок за должность и выслугу лет указывались в качестве ежемесячной суммы в рупиях и фунтах стерлингов [85, р. 298]. К 1919 г. ассистент коллектора на стажировке получал до 400 фунтов в год. С момента нахождения на должности коллектора жалование могло достигать до 2000 фунтов в год. Заработная плата офицеров младшего, старшего и высшего звена могла колебаться в зависимости от провинции и дистрикта. Так, на 1920 г. в Бенгалии, Бихаре и Ориссе, Соединенных провинциях, Центральных провинциях, Мадрасе ассистент коллектора или магистрата имел годовое жалование от 4,8 до 6 тыс. рупий в год. В Пенджабе ассистент комиссара получал от 6 до 10 тыс. рупий в год. В Бомбее (включая Синд) от 4 до 14 тыс. рупий в год. В Ассаме 8,4 – 10,8 тыс. рупий в год. Дополнительный магистрат и заместитель коллектора в среднем получал от 8,4 до 10,8 тыс. рупий в год. Дистрикт-магистраты (всех 3-х классов) и коллекторы в среднем получали от 18 до 27 тыс. рупий в год. Дистрикт-судьи и сессионные судьи – от 20 до 36 тыс. рупий в год. Секретари провинциальных секретариатов – от 21,6 тыс. рупий в Пенджабе до 37,5 тыс. рупий в год в Бомбее. Младшие секретари и заместители секретаря: от 10,4 тыс. рупий в год в Центральных провинциях до 18 тыс. рупий в Бомбее. Прикомандированные к провинциальным или центральным секретариатам дистрикт-офицеры получали надбавку [82, р. 209–213]. Так, в Ассаме дистрикт-офицеру на должности секретаря доплачивали 400 рупий ежемесячно [86, р. 235]. После истечения 25-летнего контракта офицеры могли рассчитывать на пенсию в 1000 фунтов в год. После 35 лет службы уход в

отставку становился обязательным. В среднем наибольшее жалование выплачивалось в Бенгалии, Мадрасе, Бомбее и Пенджабе. Следует упомянуть, что в Великобритании средняя годовая заработная плата офицера Домашней гражданской службы (Home Civil Service) редко превышала 400 фунтов, ввиду чего обеспечивался видимый престиж службы в Индии.

Послевоенный экономический кризис, а также массовые беспорядки в Индии оставили существенный отпечаток на кадровом комплектовании ИГС. Молодые выпускники европейского происхождения не желали поступать на службу. Отсутствие гарантий безопасности, особенности климата и проблемы с комфортным обустройством снизили приток молодых рекрутов. Однако главной проблемой являлась инфляция [178, р. 648]. С 1893 г. индийская валюта была законодательно привязана к фунту стерлинга (1 шилинг 4 пенса или 16 пенсов за 1 рупию) [165, с. 73]. Установленный курс начал существенно колебаться в конце Первой мировой войны. С 1917 по 1924 г. в Индии действовал серебряный стандарт, также в колониях была запрещена свободная конвертация фунта в золото. Так, в 1920 г. 1 рупия равнялась 2 шилингам и 8 пенсам. Однако уже в 1924 г. стоимость индийской валюты составляла 1 шиллинг и 6 пенсов (или 18 пенсов – *С. Н.*). Нестабильность курса приводила к тому, что стоимость поездок из Индии в Великобританию становилась крайне высокой. Другой проблемой являлась аренда жилья и содержание семьи. К 1923 г. инфляция отразилась на ранее привлекательной заработной плате. Служба в Индии становилась слишком обременительной. В Индийский офис стали поступать жалобы от офицеров ИГС, которые требовали повышения жалования, создания «удовлетворительных средств защиты». Последний тезис касался необходимости улучшения медицинского обслуживания чиновников и их семей. Квалифицированная медицинская помощь европейских врачей должна была субсидироваться правительством. Также затрагивалась проблема создания льготных условий проезда в Великобританию семей офицеров. Призванная изучить и стабилизировать ситуацию комиссия Ли рекомендовала поднять жалование для офицеров ИГС. С конца 1923 г. рекомендованная заработная плата молодых

офицеров должна была начинаться с 560 фунтов в год. После 5 лет службы она достигала 900 фунтов в год, после 15 лет – 1,8 тыс. фунтов в год. Для некоторых старших должностей и дистрикт-офицеров базовое жалование было повышено до 2,4 тыс. фунтов в год. Отдельную надбавку получали субдивизионные офицеры, которые находились в своих районах на правах резидентов (то есть не подчинялись дистрикт-администрации). Специальную пенсию получали члены семей офицеров в связи со смертью чиновника [85, р.324]. В период с 1923 по 1935 гг. младшие офицеры ИГС начинали службу с оплаты в 450–600 рупий в месяц (без учета надбавок и др. выплат) [75, р. 57–269]. Ежегодно месячное жалование поднималось на 50 рупий. В случае перехода на старшие (senior) должности ежемесячная заработная плата начиналась с 1 тыс. рупий и ежегодно продолжала расти на 50 рупий. В среднем после 20 лет службы оплата дистрикт-офицера около 2,1–2,25 тыс. рупий в месяц (без учета надбавок и др. платежей). Дистрикт и сессионные судьи в провинциях – 3 тыс. рупий [86, р. 324]. Вышеуказанные цифры являются подтверждением доминирующего положения ИГС над другими общеиндийскими службами. При этом для офицеров ИГС резервировалось значительное число высших руководящих постов на центральном и провинциальном уровнях. Подобная политика позволяла офицерам иметь перспективу развития карьеры. Младшие и старшие офицеры других колониальных служб имели следующий эквивалент жалований в месяц: Индийская Полицейская служба – 350 (стартовая) – 1450 рупий (после 22 лет службы); Индийская Лесная Служба – от 325 до 1250 рупий; Индийская Инженерная Служба – от 375 до 1325 рупий [105, р. 318–319]. Во второй половине 1930-х гг. средняя заработная плата офицеров на всех уровнях (младший, старший и высший) ИГС была в среднем поднята на сумму от 300 до 500 рупий ежемесячно [73, р. 66–205]. На фоне огромных заработных плат колониальных офицеров местное население находилось в ужасающем положении. Для сравнения средняя заработная плата в рядового индийского клерка из провинциальной гражданской службы в 1920-е–1930-е гг. составляла лишь 480 рупий в год (36 фунтов). Надбавка по выслуге производилась лишь после 15 лет

службы и составляла всего 50 рупий. Также для провинциальной гражданской службы было характерно отсутствие карьерного роста. На окружном уровне лишь небольшая часть чиновников могла дослужиться до высших должностей – ассистента коллектора или субдивизионного офицера с приблизительным окладом до 500 рупий в месяц. Зарплата деревенского учителя составляла 312 рупий в год, сельские старосты и счетоводы – всего до 240 рупий в год [72, р. 87]. Низкий уровень заработной платы персонала влиял на сильную коррумпированность администрации.

Заработные платы высших чиновников Индии представляли собой отдельную систему. Верховное руководство Индии находилось на пике изобилия и имели фантастические доходы. В 1920-е–1930-е гг. заработная плата вице-короля Индии составляла 256 тыс. рупий в год. Высшие должности в правительстве Индии чаще всего были зарезервированы для офицеров ИГС. Личный секретарь вице-короля получал 27 тыс. рупий в год. Члены совета при вице-короле – 80 тыс. рупий в год. Секретари Центрального правительства Индии от 42 до 48 тыс. рупий в год. Заместители секретарей от 24 до 27 тыс. рупий в год. Главный комиссар г. Нью-Дели – 48 тыс. рупий в год. Губернаторы Мадраса, Бомбея и Бенгалии – от 120 до 128 тыс. рупий в год [86, р. 210]. Губернаторы остальных провинций в среднем 100 до 120 тыс. рупий в год. Исключение составляли только губернаторы Центральных провинций и Ассама – 72 тыс. и 66 тыс. рупий в год [86, р. 211]. Личные секретари губернаторов (Мадраса, Бомбея и Бенгалии) – 18 тыс. рупий в год. Члены провинциальных советов при губернаторе 60–64 тыс. рупий в год. Члены провинциальных советов по доходам (Board of Revenue) – 40–45 тыс. рупий в год (от 3,7 тыс. рупий ежемесячно). Главные Судьи Верховных судов провинций – от 30 до 48 тыс. рупий в год [82, р. 209]. Главные секретари провинций 36–45 тыс. рупий в год. Комиссары дивизий – от 33 до 35 тыс. рупий в год (от 3 тыс. рупий в месяц). Комиссары Бомбея и Пенджаба – 3,5 тыс. рупий в месяц, комиссар Синда – 45 тыс. рупий (до 1936 г.) в год [86, р. 211–286]. Несмотря на фактическое отсутствие изменений в окладах высших офицеров во второй половине 1930-х гг., заработные платы «верхушки» ИГС

было огромными даже по меркам метрополии. Так, член кабинета министров Соединенного Королевства получал ежегодно 66,66 тыс. рупий (сумма указана эквивалентно в рупиях – *С.Н.*), Секретарь Казначейства (Secretary of Treasury UK) 39,9 тыс. рупий ежегодно [309, р. 33].

С момента переезда в Индию большинство молодых офицеров сталкивались с жилищной проблемой. Во время прохождения стажировки многие рекруты принимались в доме непосредственного начальника. Причиной этому был статус прибывших. Новички являлись внештатными чиновниками, ввиду чего для них не предусматривалось отдельное служебное жилье. Условия проживания в доме дистрикт-офицера носили различный характер. Так, Е. А. Мидглей (E. A. Midgley) по прибытию на стажировку был радушно принят в доме заместителя комиссара, который был индусом. Стажер находился в доме начальника на правах гостя и впоследствии поддерживал с офицером дружеские отношения [37, р. 6]. В то время как Д. С. Мюррей (D. S. Murray) во время шестимесячной стажировки вынужден был платить арендную плату за проживание в доме дистрикт-офицера. Р. С. Хоуп (R. C. Hope) в 1938 г. прибыл на стажировку в Мадрас совместно с молодой женой. В течение прохождения практики арендовал отдельный дом, месячная плата за который составляла 500 рупий (37,5 фунтов). Следует указать, что молодой офицер получал правительственную субсидию за съемное жилье, которая составляла 10 фунтов в месяц. К расходам чиновника добавилось приобретение новой мебели для дома, а также покупка подержанного автомобиля «Форд» за 80 фунтов [246, р. 123].

В большинстве случаев молодые офицеры ИГС предпочитали оставаться холостыми в течение первых лет службы. Получение определенного служебного статуса давало гарантии комфортного проживания чиновников и их семей. Назначения на первые постоянные должности могло быть связано с отправкой в отдаленные и изолированные части страны. В. Дж. Ламарк (W. G. Lamarque) был назначен суб-коллектором в субдивизии Сивакаси (Sivakasi subdivision) в Мадрасе. В распоряжение чиновника поступил большой каменный дом в одной миле от города. Однако молодой офицер был фактически изолирован от

общества. Штаб-квартира дистрикта Мадур (Madura-district) находилась в 40 милях от Сивакаси. Ввиду большой загруженности офицер крайне редко мог там бывать. В субдивизии отсутствовало электричество. К немногим развлечениям относился небольшой клуб, который освещался парафиновыми лампами. Единственными европейцами в округе было два сержанта полиции и голландская семейная пара, которая проживала в 15 милях от штаб-квартиры чиновника. В воспоминаниях В. Дж. Ламарка описан обычный рабочий день во время службы в субдивизии дистрикта Агра. Подъем в 6:30 утра; выезд для предсудебного дознания на автомобиле до Саинтхи (Saintha) и затем верхом до Бхилантпура (Bhilatpur). Возвращение в штаб-квартиру к 8:45 утра. С 10:00 до 12:30 дня – инспекция тексила. С 13:00 до 14:00 проверка лицензий на хранение оружия. Работа в магистратском суде – с 14:30 до 17:30 вечера. Слушание петиций с 18:30 до 19:30 вечера. Далее следовала вечерняя пробежка, с 20:30 до 23:00 ночи – работа с документами [57, р. 14–15].

В большинстве случаев компактное проживание колониальных чиновников носило систематизированный характер. Со времен Британской Ост-Индийской кампании в крупных и средних административных центрах страны населенные пункты были разделены на местную (native) и европейскую части (station). Высшие и старшие чины ИГС предпочитали проживать на «станциях», которые находились на расстоянии от городов и деревень. Разделение мотивировалось классовыми различиями, тем самым подчеркивалась разница между управляющими и подчиненными. С другой стороны, европейцы не были привычны к местной санитарно-гигиенической обстановке и предпочитали проживать в отдалении, опасаясь инфекционных заболеваний. Чиновничьи городки проектировались по европейскому образцу и чаще всего представляли собой закрытую общину. Доступ на станции для посторонних был запрещен. Исключение могли представлять состоятельные плантаторы или бизнесмены, местные аристократы, которые проживали за пределами поселка. На станциях находились все необходимые учреждения, такие как больница, школа, клуб, церковь. Классическим местом проживания чиновников являлось бунгало,

которое представляло собой загородный дом в англо-индийском стиле. С 1854 г. служебное жилье для колониальных чиновников было стандартизировано, однако имело ряд функциональных отличий в зависимости от климатических особенностей той или иной провинции. Однако типовая планировка практически не имела различий, стандартизирован был даже цвет внешнего фасада дома [262, р. 42]. Каждое бунгало имело собственный приусадебный участок с газоном и клумбами, а также задний двор. Внешний периметр дома мог быть окружен низким забором или живой изгородью. Жена офицера ИГС миссис П. Хьюд (Patricia Hude) подробно описала указанный тип зданий. Одноэтажное бунгало всегда имело вход с северной стороны, снаружи находились две длинных веранды (передней – хозяйской и задней – для слуг), внутри дома располагался салон (drawing-room), гостиная (sitting-room), столовая, несколько спален, к которым примыкали гардеробные, ваннные комнаты и кабинет. Кухня и жилье для слуг располагались на заднем дворе в отдалении от хозяйской части дома. Следует отметить, что данная типовая конструкция стала настоящим символом европейского культурного и политического присутствия в Индии [191, р. 291]. Расселением чиновников ведало местное представительство Департамента Общественных работ (Public Works Department). Ежемесячная оплата за проживание в государственных бунгало варьировалась в зависимости от провинции. Стоит упомянуть, что сумма часто являлась номинальной. Так, в начале 1920-х гг. она составляла в Бомбее 50 рупий, Мадрасе – 70 рупий; Пенджабе – 60–80 рупий [352, р. 32]. Однако, по воспоминаниям офицера Дж. М. Рэя (G. M. Ray), в момент его прибытия в Бихар условия проживания чиновников были отвратительны. После разделения Бихара и Ориссы в 1936 г. местные правительства испытывали сложности с финансированием. В столице Бихара – Патне отсутствовало централизованное водоснабжение, а государственные бунгало чиновников «...были немногим лучше амбаров...». Дж. М. Рэй вынужден был вынужден вести длительные переговоры с местным Департаментом Общественных работ для того, чтобы выбить для себя бунгало. В целом офицер упоминал о дороговизне жизни: для погашения займов и оплаты

клубных счетов Дж. М. Рэй использовал денежные переводы из Англии. Однако данные воспоминания являются скорее исключением [39, р. 34]. Офицер Е. Х. Иди (E. H. Edey) упоминал, что офицеры из провинциальных секретариатов объединялись в «клики» и пытались как можно дольше удержаться на своих местах и сохранить комфортный образ жизни. [222, р. 195–196]. В крупных городах, таких как Нью-Дели, Калькутта, Мадрас, Бомбей большинство чиновников проживали в отдельных кварталах, которые так же застраивались типовыми домами. В 1920 г. старые одноэтажные дома стали заменяться многоквартирными домами [352, р. 291]. Исключение представляли лишь резиденции высших чиновников и губернаторов провинций, которые представляли собой настоящие дворцовые комплексы (например, «Raj Bhavan» в Калькутте).

Резиденции офицеров ИГС обслуживались при помощи значительного штата вспомогательного персонала и личных слуг. В многочисленных наставлениях по ведению домашнего хозяйства в Индии имелись рекомендации по содержанию прислуги. Так, если в конце XIX в. среднее число слуг могло достигать до 32 человек [307, р. 31–32], то в начале XX в. их количество уменьшается до 6–10 человек. В книге «Советы для первых лет проживания в Индии» (Hints for the First Years of Residence in India) А. Вилсон рекомендовала содержать: старшего слугу или дворецкого (bearer or khitmagar), который мог одновременно исполнять обязанности камердинера; повара или кухарку (cook); водоноса (bhestie); конюха (syce); садовника (grass-cutter); уборщика (sweeper), который также мог исполнять обязанности лакея [352, р.32]. Наставление С. Ланга (C. Lang) более известное как «Chota Mem» 1909 г. также предлагало нанять: горничную для госпожи (ayah), которая кроме того могла выступать в качестве няни для хозяйских детей; помощника кухарки; двоих коридорных мальчиков; двоих человек для работы с опахалом (punkahs), портного [266, р. 61–62]. К наиболее важным слугам относился «bearer» или старший слуга, который чаще всего длительное время работал на одного хозяина. В отличие от остальных слуг – старший слуга перемещался за семьей чиновника по всей территории

Индии. Остальной персонал дома мог быть уволен в связи с переводом офицера на другую должность. Работу старшего слуги часто сравнивают с британскими дворецкими (butler), однако данные слуги были более функциональны чем их коллеги из метрополии. Старший слуга руководил другим домашним персоналом, следил за одеждой хозяина, убирал его комнату, во время поездок и визитов слуга сопровождал своего господина [191, р. 303–304]. Большинство молодых европейских офицеров с момента приезда в Индию были вынуждены нанимать личных слуг ввиду отсутствия знаний о жизни и ведении хозяйства в регионе.

Офицеры ИГС находились на пике иерархии колониального общества. Положение в закрытой касте чиновников строго регламентировалось и зависело от занимаемой должности. В ежеквартальных сборниках («The Combined Civil List») размещались специальные таблицы, в которых в порядке старшинства указывалась гражданские и военные чины. Публикация осуществлялась ежеквартально под эгидой центрального правительства Индии. В сборниках также находилась информация о перемещениях и назначениях чиновников центрального и провинциального уровня. Таким образом, в индийском элитарной среде имелись четкие представления о месте в иерархии того или иного офицера [295, р. 8–9]. Занимаемая должность существенно влияла на общественное мнение, которое складывалось о человеке. Аналогичная система распространялась на членов семей чиновников. Так, на званых обедах рассадка за столом осуществлялась в зависимости от социального положения. Человек, который находился в более высокой должности располагаться по правую руку от хозяина. Старшие офицеры ИГС чаще всего являлись предводителями общества, которое проживало на станциях. Несмотря на иерархию, быт большинства членов службы был наполнен большим количеством формальностей и традиций. В некоторых провинциях разрабатывались специальные наставления для молодых офицеров, в которых настоятельно рекомендовалось поддерживать общение с чиновниками из других Общеиндийских служб (All-India Services) дистрикта. Несмотря на более высокий статус членов ИГС, подобные отношения должны были иметь равный характер. Аналогичные рекомендации давались и женам

офицеров [28, р. 68–69, р. 73]. Любой член ИГС являлся высокопоставленным представителем колониальной власти и вынужден был подчиняться определенным правилам поведения. К примеру, отелльные рекомендации для молодых кадров были посвящены отношениям с представителями местного капитала и заминдарами. В некоторых провинциях дистрикт-офицеры выступали в качестве предводителей местного дворянства. Дж. М. Рэй (G. M. Ray) из Бихара указывал, что достаточно часто ужинал с помещиками. По его словам, в подобном общении присутствовало достаточно много подводных камней [39, р. 20]. Несмотря на гостеприимство, излишняя общительность чиновника могла привести к распространению слухов, которые быстро расходились по округе. Личная репутация играла большую роль в карьере офицера: от отношения в обществе до оценок руководства. В некоторых субдивизиях присутствовали специальные конфиденциальные картотеки, где указывались люди, с которыми рекомендовались пообедать всего один раз [246, р.120]. Р. П. Норонха (R. P. Noronha) из Центральных провинций, привел в своих воспоминаниях несколько цитат из специального наставления. Так, провинциальное правительство рекомендовало: не бродить по офису во время работы; не быть излишне самоуверенным; не бояться принимать решения; не обращать внимание на критику в свою сторону; не говорить слишком много; всегда сохранять чувство юмора; быть бдительным и никому не верить на слово; излагать свои взгляды честно; не бояться быть неправым; не бояться быть нервным и раздраженным; не быть ленивым; быть терпеливым; помнить о том, что любая, даже отлично-сделанная работа, должна быть проверена; вести управление с должной самоотдачей, однако в меру возможностей [28, р. 68–69, р. 73]. Таким образом, наставления были призваны выработать и регламентировать определенные нормы поведения офицера ИГС на службе и в обществе, что подтверждает необходимость сохранения формализма чиновниками во время досуга.

Значительная часть досуга большинства офицеров ИГС проходила внутри клубов. Данные учреждения были распространены во всех колониях Британской империи и являлись аналогом модных джентльменских собраний в метрополии.

Колониальные чиновники позиционировали себя как часть европейского общества [117, с. 58]. Традиционно жесткая система членства позволяла ограничить круг общения и предотвращала контакты с представителями других социальных слоев [116, с. 147]. Таким образом, подчеркивалось превосходство представителей высшего общества над низшим. Типичные для викторианской эпохи классовые разделения были особенно актуальны для консервативного колониального общества. Членство в клубе являлось элитарным и подчеркивало социальный статус. Однако колониальные клубы (кроме крупных административных центров) не имели четкого профиля (политический, спортивный и т.д. [116, с. 148–154]), в отличие от аналогичных собраний в Великобритании. Для многих европейцев подобные учреждения были единственным местом, где они могли поддерживать контакты с земляками. С другой стороны, британцы старались оградить себя от необычной местной культуры и образа жизни. Клубная жизнь была призвана компенсировать отсутствие привычных для европейцев способов проведения досуга [235, р. 174]. Закрытая система также гарантировала безопасность и конфиденциальность. Распространение подобной системы по всей Индии вызвала естественные подражания в среде местных элит. К концу XIX в. создавались условия для вхождения в европейские клубы индийцев. Этому способствовали постепенная «индианизация» административного аппарата [263, р. 88], а также необходимость поддержания отношений с местной аристократией и капиталом. Существование закрытых клубов для высших и средних слоев являлось актуальным даже после обретения Индией независимости [278, р. 112].

Колониальные клубы существовали за счет членских взносов. Учреждения имели собственные земельные участки и помещения, собственный обслуживающий персонал. Вся внутренняя жизнь регламентировалась уставом, во главе находился председатель, который избирался путем голосования. Некоторые клубы имели строго ограниченное число членов. Клубная жизнь состояла из званых обедов, спортивных и азартных игр, просмотра кинолент, театральных постановок, совместных выездов на пикники и охоту (в среде британских колониальных чиновников особо почиталась охота на тигров [233, р.

266] или крокодилов [272, р. 98]) и т.д. Стоит отметить, что в обществе офицеров ИГС были крайне популярны истории об удачной охоте на экзотических животных [297, р. 65–66]. Успех в охоте мог повлиять на будущую карьеру чиновника [195, р. 101]. В здании клубов имелся собственный бар, ресторан, салон с музыкальными инструментами. Гости и члены имели право за определенную плату проживать и питаться на территории учреждения. Крупные клубы могли иметь собственные бассейны, спортивные площадки, парки, нанимать знаменитых поваров или приглашать для выступления известных артистов. Следует отметить, что имелась существенная разница между клубными учреждениями в крупных административных центрах и удаленных дистриктах. Собрания в дистриктах имели упрощенную систему членства и не могли похвалиться разнообразием предлагаемых развлечений. Окружные клубы преимущественно состояли из чиновников, крупных землевладельцев, интеллигенции. Часто в подобных учреждениях могли отсутствовать европейцы. Е. А. Мидглей (E. A. Midgley) указывал, что в клубе дистрикта Сахаранпур (Saharanpur district) из европейцев-чиновников состояли лишь он и суперинтендант полиции. Также в дистрикте присутствовало несколько англичан, которые были заняты в сфере бизнеса и управляли местными фабриками. Остальные члены клуба являлись индийцами, которые восприняли британский образ жизни [37, р. 7]. Е. Ф. Лайдал (E. F. Lydall) из дистрикта Лакхимпур (Lakhimpur district) в Ассаме упоминал что местное общество состояло из плантаторов, чиновников и местной интеллигенции. Вечерняя жизнь клуба не имела большого разнообразия и строилась на игре в бильярд и распития виски. В административных центрах существовали отдельные учреждения для высокопоставленных европейцев (чиновников и военных), которые не принимали в свой состав индийцев. Авторитетный статус ИГС давал достаточные основания для ее членов занимать достойное положение в любых клубах. Однако до середины 1920-х гг. распространенным явлением был отказ в приеме в качестве членов клуба офицеров-индийцев из ИГС. Так, член ИГС из Пенджаба М. А. Хуссейн (M. A. Husain) был приглашен своим начальником на чай в клуб

г. Лахор. В результате офицер не был допущен, ввиду своего индийского происхождения. В Центральных провинциях создавались отдельные клубы для высокопоставленных индийцев, вход в которые был запрещен для европейцев [309, р. 117]. В последующие годы система стала более либеральной, при этом многие индийские офицеры ИГС получали членство без права голоса. Так, в дистрикте Бенарас (Benaras district) Соединенных провинций существовало два клуба. В одном из них присутствовали в основном европейцы и лишь несколько мест было выделялось для индийцев из Общеиндийских служб. Остальные чиновники и представители «более простых профессий» (врачи, адвокаты) объединились в собственный клуб, статус которого был ниже. Особенности службы в ИГС требовали определенного дистанцирования от общества. Клубная система позволяла офицерам преодолевать неизбежную изоляцию, которой они подвергались, следуя всем формальностям и правилам, к которым обязывала их служба. С. Ш. Раза (S. H. Raza) из Бомбея указывал, что в специальном руководстве для молодых ассистентов коллектора подчеркивалась необходимость полноценного участия в жизни местных клубов: «В случае если вы стесняетесь заставить себя общаться с незнакомыми людьми, необходима регулярная практика в клубе... Даже если вы найдете клубное общество скучным, у вас есть возможность внести собственный вклад и заполнить пробелы в общественной жизни и внести разнообразие в жизнь дистрикта... Гольф, теннис, бридж являются хорошей возможностью для знакомства с вашими коллегами». С. Ш. Раза начал карьеру в дистрикте Ахмеднагар (Ahmednagar district), где располагалась крупная база Индийской Армии. Офицер ИГС был принят в местный клуб лишь через некоторое время после назначения. Во главе организации находился бригадный генерал, а его заместителем являлся местный коллектор. По словам С. Ш. Разы, он был единственным мусульманином в клубе [51, р. 14].

В большинстве провинций Британской Индии существовала традиция празднования «недели ИГС» (ICS week). На ежегодные торжества приглашались все члены провинциальной ИГС, а также их семьи. В развлекательную программу

входили различные мероприятия, такие как гольф, теннис, крикет, бильярд, бридж, скачки, банкеты, балы, военные парады. Будучи новобранцем ИГС, А. И. Боумен (A. I. Bowman) летом 1938 г. получил приглашение на торжества, которые проходили в резиденции губернатора Бомбея «Government House» («Raj Bhavan»). Гости должны были придерживаться строгого дресс-кода. В приглашении указывалось, что при себе необходимо было иметь следующие наименования одежды: белый галстук и фрак, черный галстук и смокинг, пиджачные костюмы для работы и отдыха, рубашки со стоячим и отложным воротником. Большинство гостей проживало в палатках, каждая из которых имела именную табличку на входе и устанавливалась на территории «Government House». По словам А. И. Боумена, условия были роскошными, палатки имели все удобства, в том числе электричество и даже ванные комнаты [36, р. 30]. Мероприятие являлось отголоском викторианских традиций, которые к концу 1930-х гг. уже не были актуальны. Аналогичные празднования совершались и в Пенджабе. Так, Р. Х. Белхер (R. H. Belcher) упоминал, что присутствовал на рождественских торжествах в Лахоре. Мероприятие продолжалось в течение недели и состояло из балов и званых обедов. Большая часть гостей относилась к провинциальному руководству ИГС [49, р. 9].

К особо важным мероприятиям в жизни офицеров ИГС относились визиты губернаторов провинций и членов Центрального правительства в дистрикты. Данные действия должны были компенсировать отсутствие реального соприкосновения провинциального и центрального руководства с окружными администрациями. Высшие чиновники Британской Индии вели жизнь в закрытом привилегированном обществе и были далеки от реальной жизни в Индии. Сложная система ИГС создавала бюрократические проволочки. За время передачи информации из округа в провинцию и из провинции в центр данные могли устареть или дойти в искаженной виде. Вице-король Индии получал информацию о состоянии страны из письменных докладов Главного Секретаря один раз в две недели. Доклады строились на основе писем из провинциальных секретариатов. В то время как секретари черпали информацию (кроме

финансовых вопросов) из отчетов комиссаров дивизий (до 1936 г.) или дистрикт-офицеров [222, р. 197–198]. Таким образом, чиновники на различных уровнях принимали решения о том какую информацию необходимо подать вышестоящему начальству. Подобная практика существенно замедляла принятие важных решений по тем или иным проблемам. На данном фоне могли проявляться конфликты между офицерами дистрикт-уровня и секретарями [342, р. 102]. Члены центрального и провинциального правительств были обязаны иметь реальное представление о ситуации в дистриктах. Ознакомительные поездки были обязательны, однако посещение округа редко занимало больше одного дня. Например, в мае 1937 г. администрацию дистрикта Джессор (Jessor district) в Бенгалии посетил заместитель директора сельскохозяйственного департамента (Deputy Director of Agriculture Department). Коллектор П. Д. Мартин (P. D. Martyn) настаивал на совместной ревизионной поездке по сельской местности, однако высокопоставленный чиновник отказался и покинул дистрикт в тот же день [48, р. 13]. Офицер В. Х. Кристи (W. H. Christie) из отдаленного дистрикта Читтагонг описал единственный 9-дневный визит губернатора Бенгалии Дж. Андерсона (J. Anderson) в 1935 г. Глава провинции осуществил инспекцию по реке, его сопровождало около 100 человек, включая весь провинциальный штаб, членов их семей, прислугу и охрану. Приезд руководства был неожиданным, содержание гостей стало настоящей проблемой ввиду ограниченности ресурсов небогатого лесного дистрикта. Усилия В. Х. Кристи были направлены на охрану чиновников от возможного покушения террористов, а также на сбор продовольствия для бесперебойного питания руководства. В первый же день делегация израсходовала трехдневный запас яиц. Дистрикт-офицер был вынужден направить вооруженную полицию для серьезной акции, а именно сбора 1 тыс. яиц в окрестностях Рангамати (Rangamati). Для чиновников был построен целый лагерь, с бамбуковыми домами, триумфальными арками и банкетным залом. В целом визит прошел успешно. Знакомство с губернатором и положительные впечатления о проделанной работе повлияли на дальнейшую карьеру В. Х. Кристи [58, р. 5]. С. Н. Маитра (S. N. Maitra) из Ассама, указывал что посещавшие его дистрикт

чиновники центрального правительства не имели реального представления об Ассаме. У проверяющих также отсутствовал интерес к делам администрации. Обычной целью начальства было простое соблюдение формальностей. Престарелые офицеры ИГС, которые давно отошли от реалий службы, старались как можно меньше утруждать себя и перекладывали проблемы на провинциальные секретариаты [23, р. 174–175].

Большинство офицеров ИГС находились в Индии со своими семьями. Нередкими были случаи, когда во время командировок чиновников сопровождали члены их семей. Жена коллектора Л. Н. Брауна (L. N. Brown) [93, р. 585], миссис Дж. Б. Браун (J. B. Brown), описала многодневную инспекционную поездку по Северу Бомбея (Синд). Ввиду большой загруженности движение напоминало настоящую процессию. Семья чиновника (в том числе двое детей) следовала на двух автомобилях (грузовой и легковой), которые начинали движение в 6:30 утра. Офицера всегда сопровождала корова и теленок, в грузовой машине находились: постельное белье, корзина для пикника, запас воды и термос. По пути семья делала остановки для пикника и отдыха. Вторая часть колонны состояла из слуг, которые сопровождали верблюдов со следующим грузом: походная кухня и необходимая для нее утварь, ковры, палатки, кровати, горшки, большой ящик с детскими игрушками. В целях предотвращения отставания от автомобилей, караван с грузом выдвигался заблаговременно – ночью. Обе колонны встречались вечером в заранее указанном месте. К моменту приезда чиновника слуги разбивали лагерь и готовили ужин. Иногда делались остановки на несколько дней для отдыха. Иногда Л. Н. Браун принимал в лагере своих друзей, которые приезжали навестить его и поохотиться на уток и крокодилов. Таким образом, лагерь чиновника состоял из большого количества палаток. Единственной проблемой было наличие чистой пресной воды, которую часто приходилось привозить издалека. Дети офицера постоянно находились под опекой няни и вооруженного слуги, который должен был отгонять местное население и животных [211, р. 123–24].

Согласно общепринятому мнению, территория Британской Индии являлась непригодной для проживания европейцев [119, с. 163]. Ввиду чего семьи чиновников и военных могли совершать сезонную миграцию. Данное событие в основном касалось жен и детей чиновников. В среде колониальных офицеров трудоустройство жен считалось немыслимым [356, р. 920], ввиду чего сезонные переезды и путешествия относились к традиционной части досуга. Ежегодно с марта–апреля по октябрь–ноябрь в большинстве провинций проходил «жаркий сезон» [238, р. 17]. Погодные изменения сопровождались непривычной для британцев жарой. Отдельной проблемой являлся сезонный всплеск инфекционных заболеваний, таких как малярия и гепатит. Поэтому большинство европейцев стремилось перебраться в более прохладные высокогорные районы на «горные станции» (hill station). Служба на «горных станциях» была крайне престижной. Большинство дистрикт-офицеров ИГС продолжали нести службу в «жаркий сезон», однако предпочитали отправлять в горную местность свои семьи. В то время как чиновники провинциального и центрального уровней могли переезжать вслед за своим руководством [258, р. 54]. Со второй половины XIX в. до получения Индией независимости г. Симла (Simla) в предгорьях Гималаев являлся наиболее популярным курортом для колониальной элиты [22, р. 85]. Значение сезонных перемещений европейцев подчеркивает ежегодный переезд Центральной администрации во главе с вице-королем и всего провинциального руководства Пенджаба в г. Симлу. Окрестные земли принадлежали махарадже Патиала, однако город находился в имперской собственности [191, р. 324–325]. С 1863 г. г. Симла получил официальный статус летней столицы Индии, к которой в 1925 г. от Нью-Дели была проведена железная дорога. Время нахождения в пути составляло 7 часов. К негативным последствиям сезонной миграции правительства можно отнести: дезориентацию в работе и «бумажный хаос», который происходил во время переезда; крупные денежные затраты; изоляция правительства от ведения дел; незнание ситуации в стране [258, р. 54]. Большая часть города был построена в европейском стиле. На протяжении всего сезона в г. Симла кипела светская жизнь. Следует отметить крайне развитую

инфраструктуру города, для гостей функционировали развлекательные учреждения, представители высшего общества предпочитали останавливаться в собственных дворцах и резиденциях. Однако столичное общество настороженно относилось к вопросам безопасности. Вся территория Симлы была оцеплена вооруженной полицией и военными. Каждый индеец, который желал попасть в город должен был пройти предварительную регистрацию и допрашивался после прибытия. Выдачу разрешений на въезд осуществляла ИПС. Нередкими были случаи, когда представители индийской княжеской аристократии не допускались в город. Исключение делалось лишь для представителей семьи местного махараджи [191, р. 368]. Аналогичные курорты находились и в других провинциях, например, Нилгири Хиллс (Nilgiri Hills) в Мадрасе. Многие чиновники не могли позволить себе отправку семьи в Симлу и предпочитали именно местные «горные станции». Нахождение в высокогорье в течение «жаркого сезона» было неотъемлемой частью жизни для жен офицеров ИГС [191, р. 324–325]. Особым шиком считалась покупка недвижимости в подобных местах. В большинстве случаев офицеры предпочитали арендовать дома для своих семей. Ежегодные поездки на «горные станции» позволяли на некоторое время выйти из вынужденной изоляции в дистриктах, при этом не было необходимости покидать Индию.

Таким образом, офицеры ИГС имели достаточно комфортные условия пребывания в Индии. Система подразумевала высокую заработную плату, служебное жилье и различные виды социального обеспечения. Штат наемной прислуги позволял решить бытовые вопросы. Наличие клубных организаций и других развлекательных учреждений позволяли избегать вынужденной изоляции в отдаленных уголках страны. Несмотря на наличие некоторых проблем, быт чиновников ИГС вполне соответствовал уровню жизни других представителей правящего класса колониальной Индии. Особая система отбора новобранцев, их многоуровневая подготовка позволяли осуществить воспроизводство кадров в период кризиса. Четкое следование нормам и традициям службы компенсировали сложные межнациональные и межконфессиональные отношения в среде

офицеров. Это позволяло обеспечивать абсолютную лояльность на волне «индианизации». Совокупность данных факторов определяла эффективное управление страной при существенной ограниченности в ресурсах и кадрах.

ГЛАВА 3. Деятельность Индийской гражданской службы в управлении общественно-политической ситуацией в Британской Индии в 1919–1939 гг.

В период с 1919 по 1939 гг. колониальные структуры Индии были ориентированы на поддержание стабильности действующего режима. На фоне деятельности организованного национального движения [157, с. 140] требовалась разработка и внедрение эффективных противодействующих мероприятий. ИГС занимала ведущую роль по выполнению решений британского правительства. Основное внимание было направлено на агитацию местного населения. Через создание прослойки лояльных режиму граждан, ИГС поддерживала «Рах Britanica» в Индии [303, р. 434]. Все офицеры службы были вовлечены в работу по мобилизации населения для поддержки действующей власти в стране. После 1919 г. политическая работа становится неотъемлемой частью деятельности колониальных чиновников. Кардинальные различия и неоднородность регионов Индии обуславливали невозможность существования единого курса мероприятий. Руководящие органы провинций были вынуждены разрабатывать и внедрять собственные программы по стабилизации политической и общественно-религиозной ситуации в стране. Представители районной структуры ИГС выступали в качестве политических агентов действующей власти [31, р. 32]. Данный факт указывался в официальной инструкции по работе в дистрикте. В обязанности чиновника входило: организация, координация, надзор, контроль, управление всеми компонентами районной администрации для достижения полного контроля над вверенной территорией. Эффективность проводимых мероприятий во многом зависела от личных качеств дистрикт и субдивизионных офицеров. Работа по поддержанию политического и общественного порядка представляет собой отдельный пласт деятельности ИГС.

Со вступлением в действие Конституции 1919 г. в Британской Индии фиксировалась «двоевластие». Фактически конституционная реформа являлась корректным методом сохранения контроля над Индией, при которой

колониальные власти могли сохранить большую часть своих преимуществ при формальных изменениях в области государственного управления. Однако данное нововведение декларировало существование двух руководящих правительственных систем. Деятельность законодательных ассамблей и министерств ставила под вопрос разделение полномочий и подрывала абсолютную власть ИГС в стране [225, р. 493]. Данное явление обуславливало наличие двух ветвей власти – избираемых на выборах представителей политических партий и действующую колониальную администрацию. Выборы 1920 г. в центральные и провинциальные органы власти были бойкотированы национальной оппозицией [327, р. 44–45], что позволило ненадолго удерживать власть. Компания несотрудничества препятствовала управлению страной. Однако большинство правительственных кабинетов смогли сформировать лояльные к британцам индийские политики. После выборов 1923 г. «двоевластие» вступает в свою острую фазу. Во многих провинциях ИНК смог сформировать свои кабинеты либо бойкотировать их создание и перейти в агрессивную оппозицию. Данное явление сопровождалось активной политизацией населения страны. Негативное отношение национальной оппозиции к новой Конституции не мешало ее эффективному использованию в собственных целях. Сотрудники ИГС, находящиеся на провинциальном уровне власти, должны приспособиться к новым политическим реалиям. Сохранение решающей роли ИГС являлось первоочередной задачей для продолжения британского присутствия в стране. Индийские политики, выступавшие против колониальных властей, смогли занять важные государственные посты [271, р. 12–28]. Несмотря на официальное ограничение «дуархии» в регионах, наблюдался фактический патронаж национальных политических сил над дистриктами. Например, представители ИНК имели агентов в большинстве городов и сельской местности. Таким образом, конституционные чиновники и политические партии представляли собой единую организацию. Вопреки британскому надзору национальное движение смогло взять под контроль муниципальные администрации в городах и органы самоуправления в сельской местности (советы при сельской общине). В данных

условиях основные изменения вынуждены были ощутить на себе представители дистрикт и субдивизионного уровней ИГС. Офицеры были вынуждены приспособиться к новым порядкам и начать эффективно противодействовать оппозиционным силам. Система «двоевластия» подрывала сложившийся авторитет дистрикт-офицера.

Принятие Конституции 1935 г. наделяло провинциальные министерства значительной полнотой власти. В ходе выборов в провинциальные ассамблеи 1937 г. представители индийских партий могли формировать собственные правительства [257, р. 58]. Провинциальные советы министров должны были опираться на профильные секретариаты, которые комплектовались ИГС и функционировали в качестве консультативного органа. В руки индийских политиков передавались ранее зарезервированные отрасли исполнительной власти [214, р. 22–23]. Продолжение «индианизации» армии и бюрократического аппарата (в том числе и ИГС) на всех уровнях подразумевало отход от устоявшейся системы контроля и снижение влияния колониальных структур [65, р. 12]. Новая система власти указывала на неспособность британцев к самостоятельному управлению страной. Во второй половине 1930-х гг. основной задачей сотрудников ИГС было обеспечение территориальной целостности Британской Империи. Не менее важной задачей было поддержание максимально возможного уровня лояльности населения. Важной особенностью данного периода являлась вынужденное сотрудничество ИГС с новыми правительствами, которые формировались из бывших политических противников. Так, офицеры ИГС должны были оказывать политическую поддержку и вести совместную деятельность с ИНК, которому удалось сформировать большую часть провинциальных кабинетов.

3.1 Особенности общественно-политической деятельности Индийской гражданской службы 1919–1937 гг.

Ответственность за организацию политической поддержки британской власти в Индии была целиком возложена на провинциальные правительства. Каждый регион страны имел собственные особенности, которые влияли на организацию деятельности. Значительные успехи по созданию лояльной опоры колониальной власти были достигнуты в Соединенных провинциях (United Provinces). Постепенный курс действий, направленных на стабилизацию положения был разработан под руководством губернатора провинции сэра М. Хейли (M. Hailey). Он имел значительный опыт работы в Индии и вступил в ИГС еще в 1896 г. Собственный проект по созданию политической поддержки офицер начал развивать, будучи губернатором Пенджаба (1924 – 1928 гг.) [76, р. 291–292]. С 1928 г. М. Хейли становится губернатором Соединенных провинций, где формирует эффективную политическую систему по борьбе с оппозицией [77, р. 283–284]. В Соединенных провинциях были распространены феодальные отношения [11, р. 118]. Лендлорды пользовались традиционной поддержкой со стороны британцев, однако испытывали постоянные нападки со стороны ИНК. В постреформенный период британская администрация не могла самостоятельно защитить данный лояльный слой населения, и сама требовала поддержки [293, р. 112]. Необходимо было подтолкнуть крупных землевладельцев к самостоятельной борьбе. М. Хейли удалось организовать крупных феодалов (talukdari) и помещиков (zamindari) и создать из них оппозицию националистам. Для этого был совершен ряд действий, направленных на укрепление дистрикт-администратий. Ввиду особенностей системы налогообложения в Соединенных провинциях большинство помещиков находилось под контролем Совета по налогам (Board of Revenue). Под руководством М. Хейли в правительстве был создан специальный пост Президента правления опеки (President of the courts of wards), который выступал за поддержку лендлордов. Таким образом, была организована устойчивая опора для действующей власти. Активное внимание

уделялось агитации местного населения. При провинциальном правительстве был создан отдел агитации во главе со специальным офицером (Director of Publicity). Отдел агитации имел четкую программу действий, которая выполнялась представителями при окружных администрациях. Нередко директивы поступали напрямую от Главного секретаря провинции. При штаб-квартире каждого дистрикта находился офицер-агитатор (district publicity officer) из состава ИПС (Indian Province Service) деятельность которого контролировалась местным коллектором. В обязанности дистрикт-агитаторов входила организация митингов в поддержку британского режима в сельской местности [246, р. 191]. Провинциальное правительство вело усиленную рекламу в пользу лояльных к колониальной власти политиков. Для данных целей была основана «Национальная аграрная партия» («National Agriculture Party») во главе с сэром Дж. П. Сриваставой (Jwala Prasad Srivastava). В 1935 г. был создан профсоюз землевладельцев («Trade Union of the Taluqdars»). В кампанию по поддержке провластных сил были вовлечены многие провинциальные офицеры ИГС. В частности, С. С. Венкатахар (C. S. Venkatachar), находившийся в должности офицера по сельскохозяйственному развитию (Provincial Rural Development officer ICS), неоднократно привлекался к предвыборной кампании. По территории провинции курсировали агитационные фургоны. Крестьянам демонстрировались пропагандистские фильмы, в которых гарантировался быстрый сельскохозяйственный подъем. Особый акцент делался на льготное кредитование землевладельцев. Для поднятия престижа кампании на некоторых митингах присутствовал дистрикт-офицер. Несмотря на тщательную проработку кампании, колониальные власти так и не смогли привлечь значительное количество сторонников в деревнях. Лояльные к британцам помещики не могли в полной мере повлиять на мнение собственных арендаторов. Основную конкуренцию составляли разъездные агенты ИНК, которые агитировали за уменьшение ренты и обещали избавить крестьян от угнетения феодалов. С. С. Венкатахар указывал, что агитаторы ИГС не имели стратегии для привлечения на свою сторону крестьян. Экономический кризис начала 1930-х гг. был временем ожесточенной

борьбы между заминдарами и крестьянами. Каждая сторона выступала за фиксацию постоянно растущих государственных налогов в свою пользу. Проблему также усугублял резкий спад цен на сельскохозяйственную продукцию [31, р. 27]. Нередко борьба приобретала силовую форму, при которой гибли представители обеих сторон. Однако опора на консервативную часть населения позволила удерживать лояльное большинство в провинциальной Законодательной Ассамблее и министерствах с 1926 по 1937 гг. Значительные сложности в установлении политической стабильности играли межконфессиональные отношения в Соединенных провинциях. Так, например, в г. Лакхнау происходила ожесточенная борьба между суннитами и шиитами. В среде старой правящей элиты Ауда (Oudh) доминировали шииты, которым в борьбе за сохранение власти и привилегий противостояли более прогрессивные сунниты. Решение подобных противоречий зависело от слаженных действий дистрикт-офицера и местной полиции. Применение палок, которые являлись традиционным способом разгона демонстраций, являлось малоэффективным, ввиду малочисленности полицейских. Использование огнестрельного оружия могло привести к усугублению ситуации [246, р. 181]. Большую проблему составляло частое отсутствие телефонных аппаратов во многих государственных учреждениях [65, р. 78]. Каждый дистрикт и субдивизионный офицер в Соединенных провинциях имел детальные инструкции по поводу работы с внештатными осведомителями. Обязательный прием посетителей являлся одной из важнейших обязанностей коллектора. Граждане обращались к руководству дистрикта с жалобами и предложениями. Посетители или мулакватис (mulaqatis) могли предоставлять ценную информацию о ситуации в дистрикте. Офицерам рекомендовалось уделять значительное внимание к мулакватис. В каждой штаб-квартире дистрикта заводилась специальная книга – «Mulaqatis book», куда заносились все вероятные осведомители, которые когда-либо посещали коллектора. Вся указанная информация о людях в «Mulaqatis book» делилась на официальные сведения и неофициальные данные. Неофициальная часть информации об осведомителе строилась на личных наблюдениях коллектора. Офицер должен был указать

социальный статус возможного информатора, его политические взгляды, жизненную позицию, после чего делался официальный вывод о ценности информации, которую тот мог предоставить. Все молодые дистрикт-офицеры с интересом изучали подробные картотеки своих предшественников [309, р. 37–38]. Через провинциальные секретариаты, а также полицейское ведомство магистраты создавали подробные картотеки и ориентировки на видных политических деятелей и террористов. Для поимки преступников и деятелей ИНК могли привлекаться даже армейские подразделения. Так, офицер А. П. Хьюм (A. P. Hume) совместно с ротой гуркхов участвовал в профилактическом рейде против осведомителей ИНК в субдивизии Рурки (Roorkee subdivision). По воспоминаниям офицера, у одного из деятелей ИНК, который был избит, после пыток были взяты письменные обязательства о сотрудничестве с властями. Подобные воспоминания доказывают применение сотрудниками ИГС пыток и угроз для противодействия оппозиции [35, р. 14]. Другим важным источником поддержки был аппарат местных чиновников. В дистрикте насчитывалось от 1 тыс. должностных лиц. Ввиду их большого количества, а также условий подчиненности профильных департаментов, офицеры ИГС не могли контролировать их напрямую. Однако практически все подчиненные были обязаны предоставлять руководству постоянные рапорты о ситуации на вверенном им участке. По воспоминаниям Дж. А. Хейга (G. A. Haig), в 1920-е – 1930-е гг. лояльность чиновников в провинции не вызывала сомнений. Несмотря на рост национального движения, индийцы дорожили своими рабочими местами и были лояльны правительству. Многие британские офицеры не доверяли своим подчиненным, ввиду чего колониальные служащие находились под постоянным надзором [54, р. 29]. Таким образом, провинциальная работа ИГС по поддержанию политической стабильности представляла собой слаженную систему на всех охватываемых уровнях с учетом региональных особенностей.

В Пенджабе позиции националистов имели яркий религиозный подтекст. После окончания Первой мировой войны Мусульманская лига (МЛ) заключила временное соглашение с ИНК и находилась в оппозиции по отношению к

колониальному правительству. 1919 г. был омрачен бойней в г. Амритсар, данные события получили широкий резонанс как в Индии, так и в Великобритании. Несмотря на строгий запрет на проведение митингов и забастовок, 13 апреля в г. Амритсар проходила демонстрация против политических репрессий и продления действия чрезвычайного положения в Пенджабе. Принятие Закона Роулетта (Rowlatt Act 1919) наделяло местные администрации специальными полномочиями в ряде мусульманских провинций после окончания Первой мировой войны. Закон был призван ликвидировать большевистское и немецкое влияние в среде местного национального движения. Его действие сопровождалось арестами политических деятелей, что провоцировало массовые демонстрации и забастовки по всей стране. Также на ситуацию повлияло начало очередной англо-афганской войны. Ввиду опасений о возможном начале мятежа генерал Р. Даер (R. Dyer) отдал приказ об открытии огня. Расстрел демонстрации Индийской армией, привел к гибели около 400 демонстрантов. Большое количество жертв было связано с тем, что одновременно с демонстрацией проходили торжества в честь сикхского праздника Байсахи (Baisakhi) [152, с. 120]. Таким образом, Закон Роулетта являлся катализатором массовых беспорядков по всей территории страны [208, р. 479, 482], ввиду чего правительство провинции прибегло к поддержке лояльных политиков. Местные силы в 1920-х – начале 1930-х гг. отстаивали собственные интересы, однако их цели были во многом сходны с Мусульманской лигой [353, р. 150–151]. Юнионистская партия Пенджаба (Unionist party of Panjab) являлась наиболее крупной и популярной политической силой региона. Возглавляемая сэром С. Хаят-хан (Sikander Hayat-han), партия опиралась на крупных феодалов и заминдаров (в том числе сикхов и индусов), которые были лояльны британцам. Феодалская верхушка была ярким противником радикальных призывов ИНК. Британским властям также импонировало мусульманское большинство в рядах партии. Традиционно мусульманские силы Индии опасались доминирования индусов, что могло привести к ущемлению их интересов [158, с. 66–67]. Поддержка колониальными властями мусульманских сил позволяла

создать противовес ИНК [275, р. 73]. Таким образом, нахождение у власти унионистов было желательно для провинциального руководства ИГС. Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов ИНК не был популярен среди жителей провинции. По воспоминаниям В. Ли Бейли (W. F. G. Le Bailly), основная поддержка ИНК исходила от городских ремесленников и торговцев. В сельской местности ИНК не был популярен. В. Ли Бейли являлся коллектором дистрикта Монтгомери (Montgomery district), который располагался в 20 милях от г. Лахор. Офицер упоминал, что в его дистрикте центром поддержки ИНК был г. Окара (Okara), где все массовые мероприятия националисты предпочитали проводить в рамках действующего законодательства. С началом Великой депрессии многие торговцы предпочитали не принимать участия в компании Гражданского неподчинения. Данная тенденция говорила о провале деятельности ИНК в провинции в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Пенджабе [97, р. 78].

Традиционно считался «крепостью Конгресса» г. Бомбей. Городское население активно выступало на стороне ИНК [176, р. 495]. На территории провинции (особенно в г. Бомбей) еще с первой половины XIX в. функционировало большое количество промышленных предприятий [144, с. 138]. Значительное количество местного населения, в том числе и представителей местного капитала, являлись активными сторонниками оппозиции. В г. Бомбей действовало большое количество рабочих профсоюзов [319, р. 199]. Организация крупных стачек в 1918–1919 гг. и массовые беспорядки требовали от провинциальных офицеров ИГС эффективных действий. Для предотвращения деструктивной деятельности ИНК по приказу губернатора барона Дж. Ллойда (G. Lloyd) был арестован М. Ганди [253, р. 94]. Значительная поддержка ИНК подразумевала особую форму сдержек и противовесов после выборов 1920 г. Британские власти пытались лавировать между избранными в законодательные органы и министерства и сторонниками ИНК. Например, Н. Г. Чандаваркар (N. G. Chandavarkar), который был главой правительства в 1921–1923 гг. осуществлял поддержку представителей лояльной МЛ – И. Рахимтоола (I. Rahimtoola) и А. М. Дехлави (Ali Muhammad Khan Dehlavi). Бойкотирование

ИНК выборов 1920 г. способствовало укреплению позиций пробританских политиков, которые находились у власти вплоть до 1937 г. В тоже время офицеры ИГС в секретариатах и дистриктах были мобилизованы на работу по противодействию агитации ИНК. По воспоминаниям А. Д. Горвалы (A. D. Gorwala, ICS Bombay), в 1920-е гг. в г. Бомбее царила крайне напряженная ситуация. Офицер утверждал о критическом ослаблении влияния ИГС, сотрудники которого являлись заложниками ситуации. Служба была вынуждена противостоять обвинениям ИНК путем использования контраргументов. Была развернута целая компания по критике лидеров оппозиции, которые обвинялись в организации массовых беспорядков. В некоторых случаях офицеры вынуждены были нести ответственность за чрезмерное применение силы. Секретариаты направляли постоянные запросы по уточнению ситуации на местах. Дистрикт администрация была занята написанием многочисленных отчетов и докладов. Все это сопровождалось бесконечной чередой телеграмм и писем. Многие должностные лица были обвинены в неподготовленности или «чрезмерной готовности», приведшей к трагическим событиям [61, р. 34]. Эффективная работа дистрикт-офицера была связана с постоянными инспекциями и проверками. Так, инспекция дистрикта Насик (Nasik district) заняла у коллектора 81 день [309, р. 41]. Следует отметить, что сотрудники ИГС также активно использовали данные, которые получали от внештатных осведомителей из числа местного населения. Каждый дистрикт офицер был обязан завести «Zamindaris book», в которую заносилась информация об осведомителях. В связи с началом компании «гражданского неповиновения» в марте 1930 г. [145, с. 220] происходит очередное обострение. Д. Саймингтон (D. Symington) указывал, что в 1930 г. через еженедельник ИНК «Молодая Индия» («Young India») велась открытая пропаганда с призывами к враждебным действиям. Руководством провинции была разработана серия контмер. Основная поддержка ИНК в дистриктах исходила именно от крестьян [55, р. 27]. По воспоминаниям С. Х. Разы (S. H. Raza, ICS Bombay), его непосредственный начальник комиссар дивизиона Пуна (Poona Division) В. В. Смарт (W.W. Smart) возглавил пропагандистскую

компанию в сельской местности. В. В. Сمارт рассылал циркуляры дистрикт-офицерам с требованием проводить разъяснительные лекции и митинги в деревнях и способствовать улучшению жизни деревни. Предоставление льготных кредитов должно было способствовать созданию лояльной опоры действующей власти. По словам С. Х. Разы, в сельской местности опорой администрации служили мелкие чиновники – джагирдары (jagirdar), которые за свою службу получали земельные наделы [51, р. 12]. Крайне интересные сведения о реакции ИГС на события 1930 г. представлены в воспоминаниях Д. Саймингтона. Находясь в должности коллектора дистрикта Ратнагири (Ratnagiri district), офицер описал особенности проведения акции под руководством М. Ганди по бойкоту налога на соль, более известного как «Соляной поход». На начальном этапе похода дистрикт-администрации не предпринимали активных действий против демонстрантов. Д. Саймингтон указывал, что большинство офицеров не возражали против митингов на побережье, во время которых демонстранты брали несколько горстей необработанной низкокачественной соли. Чиновники предпочитали мирно наблюдать за развитием событий, чтобы избежать провокаций. Однако после налета на крупные солевые разработки в Широде (Shiroda salt-works), во время которого было разграблено имущество и украдено большое количество продукции, были приняты решительные меры. Совместно с суперинтендантом полиции Д. Саймингтон взял под контроль предприятие. В ночь с 4 на 5 мая 1930 г. начались массовые аресты демонстрантов. Из этих воспоминаний следует, что деятельность ИНК носила провокационный характер. Часто лидеры оппозиции не могли контролировать стихийные процессы, которые приводили к тяжелым последствиям. Представители ИГС на местах были обязаны поддерживать стабильную ситуацию и следить за соблюдением законодательства [55, р. 34].

Принятие Конституции 1919 г. было положительно воспринято руководством ИГС в Центральных провинциях (Central Provinces). В 1920–1925 гг. на посту Главного Комиссара находился Ф. Слай (F. Sly) [82, р. 43]. Ф. Слай являлся активным сторонником реформ Монтегрю–Чемлсфорда. В

Соединенных провинциях наблюдалась активная работа ИНК. Благодаря бойкотированию выборов 1920 г. в провинциальные законодательные органы смогли пройти либералы и лоялисты. Активную поддержку действующей власти традиционно оказывала местная аристократия и богатые землевладельцы. Британцы также способствовали вхождению в законодательные органы представителей крупного бизнеса. В середине 1920-х – первой половине 1930-х гг. организация политической работы ИГС в Центральных провинциях (Central Provinces) была связана с губернатором сэром М. Батлером (M. Butler). Он оказался крайне дальновидным политиком. По воспоминаниям офицера ИГС Дж. Рамсдена (G. Ramsden), губернатору удалось привлечь на свою сторону свараджистов Р. Рао (R. Rao) и С. Б. Тэмба (S. B. Tambe). В результате потоки критики были перенаправлены от правительства в сторону радикальной части ИНК. Умеренная часть оппозиции, которая придерживались лозунгов Б. Г. Тилака о самоуправлении [141, с. 8], предпочла присутствовать в провинциальных органах власти. Таким образом, свараджисты пытались достигнуть своих целей путем поддержки реформ и сотрудничества с колониальными властями [143, с. 197]. Несмотря на постепенный распад Партии свараджа (Swaraj Party), в Центральных провинциях вплоть до 1937 г. сохранялся баланс между ИГС и местной Законодательной Ассамблеей. М. Батлер также активно критиковал решение лорда Ирвина о проведении круглого стола в г. Лондоне [246, р. 186]. Большое значение в провинции сыграла «индианизация» ИГС. По воспоминаниям Е. Хьюда (E. Hude), в 1930 г. 2 из 5 провинциальных комиссаров были индийцами, 3 из 6 секретарей тоже были индийцами. Офицер указывал, что пропаганда ИНК на местах носила крайне изощренный характер. Распространение историй о зверствах колониальных властей занимало значительную часть работы резидентов ИНК в провинции. Во время антиправительственных демонстраций активно привлекались женщины. При разгоне демонстрантов многие из них получали увечья или арестовывались. Также распространялись истории, в которых указывалось, что полиция совершала подлые нападения на агитаторов ИНК, в результате которых борцы за свободу

Индии становились инвалидами или погибали [9, р. 19]. При этом многие случаи, связанные с разгоном демонстраций и массовыми беспорядками в Центральных провинциях, не имели политической основы. Так, Н. К. Патерсон (N. K. Paterson), который в начале 1930-х гг. руководил дистриктом Джалапур (Jabalpur district), был вынужден отдать полиции приказ о применении оружия. Во время проведения мусульманского фестиваля в честь месяца Мухаррам (Mohurram) руководство дистрикта попыталось избежать возможных столкновений и вывести праздничную процессию за пределы г. Джалапур. Несмотря на введение комендантского часа и установления блокпостов, на окраинах города начались столкновения с индуистами, которые переросли в погром, сопровождавшийся мародерством и поджогами. Для того, чтобы остановить беспорядки, полиция вынуждена была открыть огонь. В результате многие участники событий были ранены, убито 10 человек. Представители ИНК попытались представить данные события в своих интересах, Н. К. Патерсон был обвинен в убийстве индийских патриотов [46, р. 26]. Однако начавшееся следствие и суд сумели доказать необходимость применения оружия для избежания вооруженного восстания. Межконфессиональные столкновения были крайне распространены на всей территории Индии [168, с. 408]. В Центральных провинциях имелось множество подобных прецедентов, одним из наиболее известных являлись беспорядки в Нагпуре (Nagpur) в 1927 г. Несмотря на значительные успехи в противостоянии оппозиции, в провинции существенно снизилось влияние дистрикт-офицеров. По словам офицера С. С. Венкатахара (C. S. Venkatachar), политическое посредничество между населением и новым правительством подорвало авторитет ИГС на местах. Дистрикт-офицер был вынужден конкурировать с представителями местных политических партий. Политическая борьба между колониальными властями и ИНК носила крайне ожесточенный характер, многие «жертвы режима» становились национальными героями и могли рассчитывать на карьерный рост [31, р. 76]. Так, Дж. И. Вотсон (G. I. Watson) указывал, что тюремное заключение являлось признаком «квалифицированности» для членов ИНК. По воспоминаниям офицера, местный представитель ИНК вынужден был

дать взятку в 10 тыс. рупий полицейским для того, чтобы быть арестованным. Однако, по словам Дж. И. Вотсона, оппозиционер был недоволен тем, что проверка местного офиса ИНК не дала оснований для его задержания [38, р. 16]. Таким образом, политическая работа ИГС в Центральные провинции была обусловлена значительным противодействием со стороны ИНК, а также усугублялась на почве межконфессиональных конфликтов.

В Мадрасе где традиционно доминировали индуисты, имелись значительные противоречия между представителями различных варн. Политическая ситуация в президентстве также выстраивалась в интересах определенных каст [350, р. 28]. Наиболее богатыми и влиятельными жителями провинции являлись брахманы [189, р. 8]. В данной среде большой поддержкой пользовался ИНК. Население Мадраса принимало активное участие в общендийской кампании «несотрудничества», которую проводил ИНК. М. Ганди придавал большое значение борьбе брахманов за независимость Индии. Подобная тенденция не могла не вызывать обеспокоенности представителей других индуистских варн провинции. В этой связи еще в 1916 г. была создана «Партия справедливости» («Justice party»), которая выступала за политические права представителей других варн [251, р. 27–29, 171]. «Партия справедливости» являлась основным соперником ИНК в регионе. Ввиду значительных разногласий с ИНК, анти-брахманисты не поддерживали кампанию «несотрудничества», ввиду чего смогли заручиться некоторой поддержкой колониального правительства. На протяжении 1921–1937 гг. «Партия справедливости» пользовалась популярностью среди населения и смогла сформировать 4 из 5 министерских кабинетов в указываемый период [316, р. 3–7]. Также сотрудники ИГС Мадраса предавали большое значение отношениям с местными князьями и крупными землевладельцами, которые имели большое значение в политической борьбе [324, р. 539]. Так, например, на севере провинции большим влиянием пользовался махараджа Венкатагири (Maharaja Venkatagiri), чьи земли располагались на территории нескольких дистриктов и субдивизий. Особое внимание в отношениях с махараджей были обязаны проявлять офицеры ИГС в дистрикте Неллор (Nellore

district) и субдивизии Гидур (Gudur subdivision), где князь владел большей половиной пахотных земель [10, р. 377–378]. Дружественные отношения с заминдарами на севере Мадраса позволяли властям иметь политическую поддержку и контролировать ситуацию в регионах. Сотрудники ИГС также участвовали в разработке и проведении различных акций, направленных против деятельности ИНК. Так, офицер С. Уодсуорт (S. Wadsworth) в 1921 г. был занят проведением митингов в поддержку действующей власти в дистрикте Годавари (Godavari district). Кампани была ориентирована на крестьян, которые принимали участие в кампании «несотрудничества». Офицеры ИГС предпочитали сочетать данные кампании с обсуждением проектов нового налогообложения. С. Уодсуорт (S. Wadsworth) предпочитал осуществлять выезды в деревни в сопровождении сотрудников полиции. Крестьяне были предупреждены, что в случае их участия в беспорядках, новые налоги будут взыскиваться с провинившихся. С. Уодсуорт упоминал, что для повышения эффективности кампании участвовал в инспекции дистрикта совместно с коллектором Дж. Дж. Бракенем (J. J. Bracken). В одной из деревень имелись проблемы с падением уровня воды, ввиду чего офицеры были вынуждены воспользоваться моментом и предложили крестьянам не участвовать в кампании «несотрудничества» в обмен на помощь в ремонте оросительных сооружений [52, р. 4, 72]. Подобные действия были вызваны необходимостью поддержания стабильной ситуации в дистрикте на волне участвовавших беспорядков в провинции. В начале 1930-х гг. ситуация в Мадрасе была также напряженной. Помимо крестьян под влиянием ИНК находилось множество рабочих крупных предприятий провинции. Часто представители ИНК пытались использовать свое положение для захвата контроля над рентабельными предприятиями. Так, Х. Х. Карлестон (H. H. Carleston) из дистрикта Гунтур (Guntur district) указывал, что табачная промышленность в его дистрикте была наиболее доходной отраслью. На предприятиях «Imperial Tabaco Company» представители ИНК образовали профсоюз и выдвигали собственные требования к руководству. Управляющий фабрики проигнорировал данную петицию, руководство профсоюза объявило о начале страйка. Работу на фабрике

продолжили при помощи временных сотрудников. Для предотвращения столкновений между забастовщиками и охраной предприятия Х. Х. Карлестон был вынужден пригласить взвод вооруженной полиции. Рабочие предприняли попытку проникнуть на предприятие, перекрыли железнодорожную линию, которая вела к фабрике. Обстановка накалялась при помощи агитаторов, бастующие начали бросать камни в полицию и охрану предприятия. Полиция вынуждена была открыть огонь, в результате которого были убиты два представителя ИНК в профсоюзе. После их гибели толпа начала расходиться и инцидент был разрешен. Однако профсоюз начал длительные судебные тяжбы при поддержке ИНК. Потерпевшая сторона утверждала о намеренном убийстве представителей партии и требовали закрытия фабрики на время забастовки. Следствие опровергло выдвинутые обвинения [4, р. 10].

Провинция Бихара и Ориссы являлась экономически отсталым регионом, население которого почти на 80% было занято в сельском хозяйстве. Большая часть местных жителей исповедовала индуизм. Малочисленная мусульманская община пользовались значительной поддержкой колониальных властей. В данном регионе были распространены крупные помещичьи землевладения [24, р. 77, 92, 102]. В среде малоземельных крестьян наблюдалась значительная поддержка ИНК. В течение 1920-х – начала 1930-х гг. в Законодательной Ассамблее доминировали «свараджисты» (Swaraj party) и представители МЛ. Правительство Бихара и Ориссы в 1920-е гг. предприняло масштабную кампанию по мобилизации лояльных сил [172, р. 94–95]. В противовес оппозиции была создана «Лояльная ассамблея» («Aman Sabhas»). Среди местного населения распространялись листовки и бюллетени. Во время проведения кампании офицеры ИГС на местах предпочитали опираться на местную аристократию. Так, С. Соломон в 1929–1932 гг. был одним из организаторов «Лояльной Ассамблеи» в дистрикте Гиридах (Giridih district), где местное население активно поддержало призывы ИНК к неповиновению властям. По словам офицера, окружная ассамблея дистрикта была собрана при содействии коллектора А. Д. Такея

(A. D. Takey). В ней приняли участие до 3 тыс. человек, большинство из которых были лояльные правительству брахманы-помещики [277, р. 68–70].

В Бенгалии в 1919–1937 гг. борьба за независимость имела радикальные формы. В качестве основного метода сопротивления британскому присутствию использовался террор [153, с. 61]. С 1902 г. на территории провинции действовала организация «Анушилан Самити» («Anushilan Samiti») или «Общество саморазвития», которая была известна радикальными методами борьбы. Общество имело два традиционных центра в Калькутте и Дакке [329, р. 244]. Несмотря на призывы ИНК в начале 1920-х гг. к «ненасильственному сопротивлению», после провала кампании «несотрудничества» в 1924 г. была создана «Индуистская Республиканская Ассоциация» («Hindustan Republican Association»). Данная организация осуществляла вооруженную борьбу против колониальных властей [308, р. 104]. Ее лидер, С. Н. Саниал (S. N. Sanyal), вел полемику с М. Ганди и высказывался в пользу решительных действий в борьбе за независимость. На базе «Анушилан Самити» также действовал С. Ч. Босс, который был лидером Всеиндийского Молодежного Конгресса («All Indian Youth Congress») [244, р. 171–172]. Вышеуказанные организации вели активную террористическую деятельность, было совершено множество налетов на государственные учреждения, террористы совершили ряд покушений на колониальных чиновников и приверженцев действующей власти [64, с. 4]. К 1927 г. большинство участников организации были арестованы и осуждены. Однако в 1928 г. в здании Законодательной ассамблеи провинции был совершен теракт. Для борьбы с террористами правительство Бенгалии вынуждено было внести поправки в уголовное законодательство в 1924 г. (Bengal Criminal Law Amendment), по которым полиция и местные администрации наделялись чрезвычайными полномочиями [240, р. 112]. Впоследствии реакционных действий, а также изменений политических тенденций в среде борцов за независимость, часть умеренных бенгальских революционеров примкнула к ИНК. Некоторая часть радикалов относилась к левому движению [91, р. 162–164, 171–172].

К началу 1930-х гг. сторонники активной борьбы против британцев продолжали действовать на базе «Анушилан Самити». Особую известность получили члены «Индуистской Социалистической Республиканской Ассоциации» («Hindustan Republican Association») во главе с С. Сеном (S. Sen). За 1930 г. было убито 11 и ранено 12 британских чиновников, совершено 36 терактов, в том числе известный захват арсенала в г. Читтагонг. В 1931 г. в Бенгалии было совершено 66 террористических актов, в их числе убийство и попытка покушений на жизнь ряда офицеров полиции и гражданской администрации. Апогеем терроризма в Бенгалии стал 1932 г., за это время было зарегистрировано 94 теракта. В начале 1930-х гг. погиб целый ряд офицеров ИГС. Особо тяжелая ситуация возникла в дистрикте Миднапур (Midnapur district), где в течение 3 лет (1931–1933 гг.) были поочередно убиты три магистрата. В 1931 г. был убит офицер Дж. Пидди (J. Peddie), в 1932 г. – Р. Дуглас (R. Douglas), в 1933 г. – Б. Е. Дж. Бурдж (B. E. J. Burge). Магистрат дистрикта Типперрах (Tipperrah district) С. Г. Б. Стивенс (C. G. B. Stevens) был застрелен двумя школьниками-подростками. Судья дистрикта 24 Парганов (24 Pargans district) в Западной Бенгалии, Р. Р. Гарлик (R. R. Garlick), также погиб от рук террористов. В результате нападения в 1931 г. был тяжело ранен и потерял зрение дистрикт-магистрат Дакки Л. Г. Дурно (L. G. Durno). В том же году был ранен и комиссар Дакки А. Кассел (A. Cassel). Несколько покушений на офицеров ИГС оказались неудачными. В частности, дистрикт-офицеры Ховраха (Howrah district) и Фаридпура (Faridpur district) смогли избежать гибели. По воспоминаниям коллектора дистрикта Читтагонг (Chittagong district), офицера П. Д. Мартина, в 1930 г. ему приходилось постоянно носить при себе револьвер и работать под надзором вооруженной охраны. В 1934 г. было совершено неудачное покушение на губернатора Бенгалии сэра Дж. Андерсона (J. Anderson). В результате деятельность ИГС начале 1930-х гг. в Бенгалии имела специфический характер и была направлена на проведение контрмер в ответ на террористические атаки. Благодаря эффективным действиям ИГС и полиции 1932 г. вооруженные инциденты резко пошли на спад. Последние

случаи терактов были зарегистрированы в 1936 г. (3 инцидента) [260, р. 145, 152, 167].

После вхождения в силу Конституции 1919 г. руководство Бенгалии опиралось на местную аристократию. В сельской местности лояльность колониальным властям проявлял класс служивых землевладельцев – бхадралок (bhadralok). Большинство представителей бхадралока относились к высшим и средним индуистским кастам. Данный класс являлся посредником в сборе налогов между помещиками (заминдарами) и крестьянами (рарайатами). В течение 1920-х гг. в Законодательном собрании Бенгалии доминировали представители Индийской Национальной Либеральной Федерации (Indian National Liberal Federation). Представители данного политического объединения находились в оппозиции к ИНК и поддерживали реформу Монтегрю–Челмсфорда [334, р. 608–609].

Также в Бенгалии были сильны позиции МЛ, которая пользовалась традиционной поддержкой британских властей и выступала в качестве противопоставления либеральным индуистским силам [163, с. 95]. На локальном уровне местные власти использовали противоречия между мусульманами и индусами в политических целях. Примером может служить восстание в дистрикте Муменсингх (Mymensingh district). Данное событие произошло в период кампании массового неповиновения. Администрация дистрикта боролась с нелегальной литературой, пыталась пресекать продажу контрабандной соли. На время беспорядков были закрыты все учебные заведения в округе. После получения известий об аресте М. Ганди участники кампании организовали бойкот деятельности и пикетировали судебные учреждения. Также протестующие препятствовали вывозу алкогольной и наркотической продукции из акцизных угодий дистрикта, в ходе чего полиция вынуждена была применить оружие. Агитаторы ИНК призывали крестьян к неуплате налогов и требовали ухода в отставку местных чиновников и служащих [194, р. 463–465]. Офицеры ИГС вынуждены были организовывать митинги и акции в поддержку правительства.

В качестве серьезной опоры дистрикт-административной власти выступали местные мусульманские объединения – анджуманы (Anjuman) [314, р. 112]. 13 июля 1930 г. в ряде деревень дистрикта начались погромы индуистской общины. Движущей силой беспорядков выступили мусульмане-арендаторы, которые составляли беднейшую часть населения дистрикта. Жертвами погрома становились представители семьи индусов-ростовщиков, которые на тот период удерживали значительную часть сельскохозяйственных земель дистрикта. В связи с экономическим кризисом существенно снизились цены на джут, выращивание которого являлось основным заработком для крестьян и помещиков региона. Многие заминдары вынуждены были закладывать и продавать свои земельные владения вместе с зависимыми арендаторами. Таким образом, часть мусульман находилась в зависимом положении от ростовщических кругов. Следует упомянуть, что многие богатые индуисты дистрикта оказывали поддержку ИНК на территории округа. Для усмирения восставших была применена полиция и военные подразделения гуркхов (Eastern Frontier Rifles), которые к 18 июля 1930 г. восстановили порядок. Из доклада дистрикт-магистрата Муменсингха Барров (L. B. Burrow) к комиссару следовало: было убито 22 человека (11 индуистов и 11 мусульман), ранено 21, разграблено 995 домов и 33 магазина, принадлежавших индуистам, и 6 мусульманских домов. По словам офицера, было примечательно, что несмотря на большое количество участников погрома (несколько сотен человек) причинение телесных повреждений имело место лишь при попытке индусов отбиваться от восставших. В остальных случаях мятежники грабили имущество собственных кредиторов и при этом уничтожали долговые расписки и платежные листы. В ходе следствия было возбуждено 142 уголовных дела. Комиссар Дакки А. Х. Клейтон (A. H. Clayton) обвинил в восстании агитаторов ИНК, «которые сделали все, чтобы подавить авторитет правительства» [194, р. 484].

Подобные восстания произошли по всей Восточной Бенгалии в течение мая – августа 1930 г. Из материалов следствия было выявлено, что накануне беспорядков наваб Дакки открыто призывал к погромам индуистских общин.

Примечательно, что ни магистраты, ни полиция, которые занимались расследованием, не обратили на данный факт внимания. За месяц до восстания в дистрикте Муменсингх произошла замена магистрата Дж. С. Датта (G. S. Dutt), на которого жаловался начальник полиции и комиссар Дакки А. Х. Клейтон за чрезмерно осторожную политику в отношении деятельности ИНК в округе. Известно, что Дж. С. Датт отправил в Калькутту письмо с предостережением о возможном столкновении между представителями ИНК и мусульманами. Сменивший Дж. С. Датта на посту дистрикт-офицера Л. Б. Барров заверил руководство провинции в ложных опасениях своего предшественника. Также в своих воспоминаниях Л. Б. Барров указывал, что его деятельность на посту магистрата была целенаправленно ориентирована против деятельности индуистской общины для ослабления местного представительства ИНК. Подобное было вызвано бездействием со стороны офицера Дж. С. Датта. Л. Б. Барров признавал, что кампания гражданского неповиновения в Бенгалии могла быть сдержана при отсутствии поддержки со стороны мусульман.

МЛ выступала на стороне власти и не отреагировала на обвинения правительства в подстрекательстве со стороны ИНК. Пресса ИНК указывала, что мусульманские проповедники вели среди крестьян агитацию и обвиняли индусов в неудачах и падении цен на джут. Руководство провинции пыталось доказать, что происхождение конфликта связано с аграрными проблемами, мотивируя это тем, что индуисты были традиционно богаче мусульман. В то время как индусы стремились указать на общинное «происхождение проблемы». Стравливание религиозных общин являлось средством давления на сторонников оппозиции [129, 317]. Однако отсутствуют реальные доказательства причастности ИГС к подготовке данных беспорядков [311, р. 479–491]. Из этого следует, что путем косвенного воздействия на общинные противоречия колониальные власти пытались урегулировать сложную политическую ситуацию в регионе. Политика сдержек и противовесов была распространенной практикой в политической работе ИГС на протяжении 1919–1939 гг.

В 1921 г. Ассам был повторно выделен в губернаторскую провинцию из состава Бенгалии. С момента начала кампании гражданского несотрудничества в провинции начались массовые забастовки [94, р. 162]. Местные лидеры ИНК призывали к бойкоту школ и колледжей. Подверглись критике британские плантаторы и торговцы. По всей провинции прокатилась серия митингов. Бастующие призывали к уходу в отставку местных чиновников и служащих. Также были предприняты попытки к блокировке государственных предприятий по производству опиума и алкоголя. Особо тяжелая ситуация наблюдалась на чайных плантациях, владельцы которых несли значительные убытки из-за убыли рабочих. Традиционная выкачка ресурсов из отдельных отраслей промышленности становилась менее рентабельной [155, с. 114]. В мае 1921 г. в дистрикте Чандрапур (Chandrapur district) представителям крупных чайных ассоциаций приходилось уговаривать рабочих вернуться на предприятия при посредничестве субдивизионного офицера ИГС. Во время разгона забастовки полицией погибло большое количество работников и членов их семей. Сотрудники ИГС оказывали непосредственную поддержку представителям крупного бизнеса. Многие ветераны службы работали на крупные чайные корпорации [23, р. 84].

После вхождения в силу Конституции 1919 г. в выборах в Законодательную Ассамблею приняли участие свараджисты, также большим влиянием пользовалась МЛ. Во время кампании гражданского неповиновения 1930–1933 гг. Ассам был полностью охвачен акциями протеста. Правительство провинции вело активную контрпропаганду, для подавления выступлений использовались вооруженные отряды полиции. Сотрудники ИГС для стабилизации ситуации активно использовали противостояние местных индуистских и мусульманских общин. Особо остро стоял вопрос в отношении массовых переселений жителей Восточной Бенгалии в Ассам, ввиду чего индуистская община могла лишиться своего влияния и всячески препятствовала переселенцам, что часто провоцировало столкновения между общинами [246, р. 195].

Особое внимание дистрикт-администраторов наблюдалось в области отношений с представителями европейского капитала. Руководство Индии было ориентировано на создание оптимальных условий для капиталовкладчиков [265, р. 1114–1115] путем замораживания тарифных ставок [201, р. 212], что говорит о незначительном протекционизме со стороны правительства [282, р. 139]. Однако на протяжении 1920–1930-х гг. в Британской Индии не наблюдалось значительных изменений в экономической жизни. Данная ситуация создавала относительную стабильность для крупных британских компаний, которые активно инвестировали средства в индийскую экономику [229, р. 19–20]. На данном фоне особенно выделялись крупные чайные объединения на северо-востоке Индии. Все производство сосредотачивалось в сельскохозяйственных регионах. Интересно отметить, что 9 из 10 руководителей чайных компаний в Индии были шотландцами. Все чайные предприятия страны были объединены в «Индийскую чайную ассоциацию» («Indian Tea Association») с центром в Калькутте. В состав данной организации входили дистрикт-ассоциации Ассамской долины и долины р. Сурма. Подобная структура позволяла удерживать исключительное право на производство и торговлю в данной области [279, р. 2–4].

Чайная монополия играла важное значение в экономике Британской Индии и поддерживалась со стороны центрального правительства. Примером тому может служить «Индийский закон о чайном налогообложении» (The Indian Tea Cess Act, 1903), который был призван стимулировать продажи чая, производимого в Индии [248, р. 337]. Крупные плантаторы были представлены в Законодательных Ассамблеях Ассама и Бенгалии. Действующие губернаторы и крупные функционеры ИГС имели тесные отношения с представителями подобных компаний. По словам коллектора С. Н. Маитры (S. N. Maitra) из Ассама, в чайной ассоциации находилось большое количество отставных офицеров ИГС. С. Н. Маитра утверждал, что губернатор Ассама Р. Н. Реид (R. N. Reid) поддерживал тесные связи с представителями «Чайная компания Джорхаута» (Jorehaut Tea Company) и «Бишнунатх и компания» (Bishnunath Tea

and Co). Плантаторы относились к закрытой элитарной группе и поддерживали отличные отношения с правительством [23, р. 84].

В различных регионах страны располагались различные предприятия, относящиеся как к частным владениям, так и к правительственной собственности. В Мадрасе дистрикт-администрация курировала шахты и рудники, в Бихаре – сталелитейные предприятия. Окружные офицеры участвовали в разрешении конфликтных ситуаций на предприятиях, при необходимости обеспечивали их охрану [230, р. 87]. В этой связи ИГС поддерживала особую форму экономических отношений, при которой для британского капитала создавались благоприятные условия.

Таким образом, после принятия Конституции 1919 г. ИГС принимала активное участие в общественно-политической работе, которая была направлена на поддержку интересов британской короны в Индии. На офицеров службы была возложена организация провластных партий и защита интересов лояльных слоев общества, в результате чего чиновники ИГС на всех уровнях администрации были втянуты в полноценное политическое противостояние.

3.2. Участие Индийской гражданской службы в общественно-политической жизни Британской Индии 1937–1939 гг.

Взаимопониманию и созданию благоприятной рабочей обстановки между министрами и руководством ИГС придавалось большое значение. Еще накануне принятия Конституции 1935 г. в среде высших сотрудников ИГС возник острый вопрос, который требовал скорейшего решения. Чиновники опасались, что согласно новому законодательству членам Законодательных Ассамблей станет доступна секретная документация секретариатов. В частности, верхушка ИГС беспокоилась о возможном открытии доступа к картотекам на видных деятелей национального движения, которые могли быть избраны в новые провинциальные органы власти. Предание огласке подобных документов могло повлиять на будущие взаимоотношения внутри провинциальных правительств [321, р. 135–

136]. Подобный вопрос был впервые поднят Главным секретарем г. Бомбея С. В. А. Тернером (C. W. A.) [92, р. 82], который в декабре 1934 г. отправил в Центральный секретариат Индии запрос о необходимости разработки программы действий. С. В. А. Тернер предложил передать секретную и конфиденциальную документацию из провинциальных секретариатов в ведение губернатора провинции. Перевод документов в секретный департамент (Reserved Department) при главе провинции автоматически переводил их в собственность Британской Короны. В противном случае секретные фонды оставались в собственности провинциальных правительств. Ответ Нью-Дели был крайне неоднозначным: указывалось, что центральный секретариат не имеет представления о том, как лучше поступить в данной ситуации. Далее последовала реакция мадраского секретариата, который возглавлял Дж. Т. Х. Брейкен (G. T. H. Bracken), который поддерживал мнение коллег из г. Бомбея. Однако большинство провинций не поддержали данной инициативы. Против подобного нововведения высказались представители Бенгалии. При этом Главный секретарь Г. П. Хогг (G. P. Hogg) никак не прокомментировал свою позицию. Руководство Центральные провинций подчеркнуло важность этих документов [309, р. 51–52]. Главный секретарь Н. Дж. Роугхтон (N. J. Roughton) [92, р. 134] указывал о их возможном использовании в качестве компромата. Ассам в лице Дж. А. Доусона (J. A. Dowson) [92, р. 140] писал о большом риске в случае попадания фондов в руки индийских министров, однако утаивание, по его мнению, могло привести к более ужасным последствиям. Руководство Пенджаба высказывалось о необходимости предоставления открытого доступа к конфиденциальной информации для членов Законодательной Ассамблеи [309, р. 52]. Главный секретарь С. С. Гарбетт (C. C. Garbett) [92, р. 105] полагал: министры будут мстить в случае утечки информации, а в случае ознакомления с материалами, они будут уверены в собственной осведомленности. Представители ИПС высказались о непрактичности и неправильности предложения со стороны бомбейского руководства. Они также указали, что для передачи документов необходимо будет вывести их из дистриктов, где хранилось большинство картотек и фондов. При

этом бюрократическая машина могла дать сбой и привести к возможным происшествиям и необдуманным расходам. С другой стороны, новоиспеченные министры были бы обижены недоверием со стороны ИГС. Таким образом, на основании поднятой дискуссии Центральный Секретариат к маю 1935 г. принял решение о частичном отсеве и уничтожении секретных и конфиденциальных записей. Провинциальным правительствам предлагалось самостоятельно отсортировать документацию. Документы делились на несколько категорий. Часть документов поступала в распоряжение губернатора или подлежала уничтожению. Досье революционеров и членов ИНК отправлялась на хранение в Департамент Криминальных Расследований (Criminal Investigation Department) при провинциальных правительствах [309, р. 54–56]. Особое внимание уделялось изъятию корреспонденции и циркуляров, подписанных крупными чиновникам, а также компрометирующих материалов на видных политиков. Подобные действия показывают серьезность, с которой сотрудники ИГС следовали новым конституционным нормам. Данные действия наверняка не смогли бы изменить негативное отношение индийских министров к колониальным службам. Вышеуказанная полтика накануне проведения крупных реформ не могла говорить о серьезной демократизации консервативной структуры ИГС [231, р. 363–369] и являлись вынужденной мерой. При этом следование новому законодательству гарантировало колониальным структурам дальнейший контроль над страной.

По результатам провинциальных выборов 1937 г. лидировал ИНК. Представители смогли сформировать собственные кабинеты в Бомбее, Мадрасе, Бихаре, Ориссе, Центральных и Соединенных провинциях. В Ассаме, Бенгалии, Синде и Пенджабе к власти пришли мусульманские коалиционные силы. В Ассаме ИНК смог получить большинство в Законодательной Ассамблее (38 мест). Однако руководство партии отказалось от формирования кабинета и ушло в оппозицию. Таким образом, ИНК одержало победу в 8 из 11 провинций (в том числе и в Северо-Западной пограничной провинции) [80, с. 117]. В результате вакуум власти был заполнен представителями МЛ. 12 марта 1937 г. губернатор назначил главой правительства М. Саадулаха (M. Saadulah) [79, р. 7]. Однако 21

сентября 1938 г. правительство было вынуждено был уйти в отставку. Новый кабинет был сформирован ИНК во главе с Г. Бордолои (G. Bordoloi), который находился у власти до начала Второй мировой войны.

По словам субдивизионного офицера С. Н. Маитры (S. N. Maitra) из Мангалдай (Mangaldai subdivision), британские власти были крайне обеспокоены усилением провинциальных правительств. Офицер указывал, что новая власть контролировала полицию, ведала судами, собирала налоги, осуществляла попечение над школами и больницами. В руки провинциальных политиков перешли полномочия по борьбе с голодом. В случае чрезвычайных ситуаций малоопытные индийские политики должны были возглавлять антикризисные меры. Таким образом, под власть правительства переходили полномочия, которые ранее осуществлялись ИГС. Фактически провинциальные отделения ИГС становились подотчетны местным правительствам.

Внутренние противоречия в Ассаме могли выливаться в тяжелые противостояния внутри общин. Так, субдивизия С. Н. Маитры находилась в центре межконфессионального конфликта, который усугублялся недальновидной политикой молодого правительства. Офицер был вынужден сдерживать перемещение мусульман-эмигрантов из Бенгалии. При поддержке МЛ переселенцы из дистрикта Муменсигх (Бенгалия) предпринимали неоднократные действия по выходу из отведенной для них территории. Подобные действия провоцировали неизбежный конфликт с местным населением Ассама. По словам С. Н. Маитры, министр А. М. Чоудхури (A. M. Chowdhury) в частной беседе предлагал не обращать должного внимания на захват бенгальцами земель ассамцев. Офицер понимал, что таким образом А. М. Чоудхури пытался усилить влияние МЛ в провинции. Таким образом под маской поддержки земляков (А. М. Чоудхури имел бенгальское происхождение. – С.Н.) велась политическая борьба.

Другим примером партийного противостояния в Ассаме был фактический запрет на продажу дров индусам. Монополия в данной отрасли целиком находилась у мусульман. При активной поддержке премьер-министра

М. Саадулаха (M. Saadulah) местные торговцы прекратили продажу дров на нужды кремации индуистов. Данное действие мотивировалось конфессиональными разногласиями. Однако реальной целью являлось скрытое обогащение семей политиков через продажи на черном рынке. С. Н. Маитра был вынужден прибегнуть к конфискациям необходимого для совершения ритуалов сырья. Через местную ячейку МЛ офицеру была передана гневная телеграмма от М. Саадулаха. Премьер-министр требовал прекратить продажи дров индусам. В ответ на это С. Н. Маитра через секретариат направил министру письмо, в котором указывал на связь премьера с черным рынком. Через некоторое время кабинет М. Саадулаха вынужден был уйти в отставку, ввиду активной критики со стороны оппозиции и отсутствия поддержки населения [23, р. 184]. Показательно отсутствие реакции провинциального секретариата, который предпочитал не вмешиваться в подобные дела и избегал ухудшения отношений с правительством.

Офицер ИГС из Бенгалии П. Д. Мартин (P. D. Martyn) предоставил подробную характеристику новому правительству. Министры-мусульмане были зависимы от поддержки колониальных властей. На выборах 1937 г. 36 мест получила Крестьянская партия (Krishak Praja Party), на втором месте была МЛ. Также кабинет был представлен министрами из числа индусов, которые были враждебны ИНК. Следует отметить, что индусы не имели сильной политической опоры в данном правительстве. Несколько портфелей получили представители неприкасаемых. Индусы не имели сильной политической опоры в данном правительстве. Должность премьер-министра занял популярный политик и оратор А. К. Фазул Хак (A. K. Fazul Huq). Он отличался непредсказуемостью характера и имел большие противоречия с местной индуистской элитой, в том числе и чиновниками. Видными политиками в среде новых министров являлись К. Назимуддин (K. Nazimuddin) и Х. Ш. Сухраварди (H. S. Syhrewady) из МЛ и К. Хабибуллах (K. Habibullah), наваб Дакки. Пришедшие к власти при опоре на мусульманский электорат и поддержке ИГС, новые министры жаждали увеличения собственного влияния и обогащения. На протяжении длительного времени мусульмане проигрывали в борьбе более влиятельным и образованным

индусам. С началом исполнения своих обязательств правительство столкнулось с оппозиционной прессой, которая описывала его в крайне неудобном свете. Многие финансовые вопросы правительства решались через враждебно настроенную Законодательную Ассамблею. Премьеру приходилось вести тесное сотрудничество с главным секретарем и генеральным инспектором полиции. По словам П. Д. Мартина, А. К. Фазул Хак быстро осознал, что в среде населения традиционно сложилось негативное отношение к власти. Сотрудники ИГС были вынуждены осуществлять официальную поддержку новому правительству. При этом офицеры должны были лавировать между интересами общин для поддержания эффективной работы и целостности кабинета. Мусульмане традиционно стремились к подавлению индусов. Министры из числа индусов негативно относились к министрам из неприкасаемых, но при этом вынуждены были противостоять политикам ИНК [48, р. 28].

С 1 апреля 1936 г. Бихар и Орисса стали отдельными самостоятельными провинциями. Штат ИГС в новообразованных провинциях страдал от недостатка средств, местная административная структура находилась в состоянии формирования. В частности, в секретариатах появилось некоторое количество незанятых вакансий. Некоторые дистрикты Бихара и Ориссы были переданы в Мадрас и Бенгалию.

Накануне вхождения в силу Конституции 1935 г. главный секретарь Бихара В. Б. Бретт (W. B. Brett) разослал дистрикт-офицерам провинции конфиденциальное письмо или так называемый «Циркуляр Бретта» («The Brett Circular»). В письме В. Б. Бретт указывал, что официальную силу имели лишь положения и приказы, подписанные офицерами ИГС из провинциального секретариата. Данные документы должны были рассматриваться в качестве законных государственных указов и исходили из «одного канала». Прямые приказы министров должны были исполняться только в экстренных случаях. В остальных ситуациях дистрикт-офицеры были обязаны направить письменный запрос в секретариат. Копия запроса в обязательном порядке направлялась главному секретарю [200, р. 64]. Таким образом секретариат контролировал

структуру и иерархию провинциальных органов. Сотрудники ИГС были обязаны сохранять свое влияние, которое могло быть подорвано новыми министерствами. Однако данный документ достаточно быстро просочился в местную прессу. В. Б. Бретт вынужден был отозвать его и официально извинился перед новым правительством. Следует указать, что подобные циркуляры имели место практически в каждой провинции Индии. Путем издания конфиденциальных распоряжений провинциальные секретариаты информировали дистрикт-администрации об особенностях дальнейшей работы [256, р. 1159]. Тем самым британцы показывали, что новые реформы являлись лишь видимостью передачи власти, которая должна была находиться в их руках.

Х. Б. Мартин (H. B. Martin) из Бихара был назначен ответственным лицом по организации выборов на территории дистрикта Джеissor (Jessore district). По его словам, провинциальные выборы 1937 г. проводились по общинному принципу. Индусы, мусульмане и неприкасаемые избирали собственных представителей. Ответственные за мероприятие офицеры ИГС получали большое количество подробных инструкций от провинциальных правительств. В своей деятельности офицеры опирались на подчиненных сотрудников Индийской Провинциальной Службы и полицию. Предвыборная агитация среди населения велась всеми кандидатами. Х. Б. Мартин привел собственные наблюдения за кампанией на примере собственного дистрикта. Будущий премьер-министр Бихара Ш. Синха (S. Sinha) от ИНК вел активную работу в сельской местности. В случае его победы крестьянам было обещано решение проблемы с водоснабжением путем бурения скважин за государственный счет. Представители Мусульманской независимой партии (Muslim Independent party) указывали на то, что их молитвы не могли бы достичь Аллаха без достойного представителя в Законодательном Совете. По результатам выборов лидировали представители ИНК.

С апреля по июль 1937 г., ввиду разногласий ИНК с решением губернатора по делу политзаключенных, у власти находился кабинет мусульманского меньшинства во главе с М. Юнусом (M. Yunus) [40, р. 44]. С 20 июля 1937 г.

вплоть до начала Второй мировой войны в Бихаре у власти находился кабинет Ш. К. Сингха (S. K. Singha) [172, p. 237]. По словам А. Х. Кемпа (A. H. Kemp) из дистрикта Саран (Saran district), деятельность министров ИНК являлись большой проблемой для окружных офицеров и работников секретариата. ИНК имело множество сторонников и информаторов на местах (в том числе и в сельской местности), что позволяло правительству быть осведомленными о делах на периферии. Офицеры ИГС вынуждены были также опираться на штат секретных осведомителей. Однако, в связи с имением законодательства, дистрикт офицеры вынуждены были идти на примирение с представителями ИНК и учились работать сообща [246, p. 195].

По словам Дж. В. Орра (J. W. Orr), существовала большая разница между тем что ему предписывали сотрудники секретариатов и реальной работой в дистрикте. Офицеры были буквально завалены подробными бюрократическими инструкциями по политической работе. В то время как сами секретариаты не спешили реагировать на запросы и предложения подчиненных. Коллекторы и магистраты были загружены другими видами работ и часто находились в инспекционных поездках [44, p. 7].

В Ориссе на выборах большинство мест получили представители ИНК, которые также отказались формировать правительство. В этой связи губернатор сэр Дж. А. Хуббак (J. A. Hubback) предложил сформировать кабинет махарадже К. Ч. Гаджапати. (K. C. Gajapati). Большая часть территории провинции относилась к княжеским владениям. В июле 1937 г. ИНК согласилось сформировать правительство во главе с Б. Дасом (B. Das). Новый кабинет просуществовал до 1939 г. и демонстративно ушел в отставку со вступлением Индии во Вторую мировую войну. Главный секретарь П. Т. Мансфилд (P. T. Mansfield) был вынужден приспособливаться к сотрудничеству с бывшими оппозиционерами [72, p. 192–193].

Одним из первых нововведений кабинета Б. Даса был запрет на производство и реализацию опиума [26, p. 217]. В качестве эксперимента был избран дистрикт Баласор (Balasore district), которым руководил С. Соломон

(S. Solomon). Данный дистрикт являлся одним из лидеров по потреблению и изготовлению наркотиков в Индии. С. Соломон должен был действовать согласно детальному плану, который был разработан правительством [309, р. 19]. В данной работе коллектор исполнял прямые распоряжения нового кабинета, которые шли в обход секретариата.

Следует отметить, что в течение нескольких лет после раздела Бихара и Ориссы офицеры ИГС сохраняли общую провинциальную структуру и могли перемещаться на различные должности в рамках этих двух провинций. Так, офицер Б. Сивараман (B. Sivaraman) из Ориссы в 1939 г. получил новое назначение в Бихаре [317, р. 127]. Подобные назначения также получали С. Соломон и Дж. Опп.

В Соединенных провинциях выборы 1937 г. принесли значительные изменения. Провинциальные офицеры ИГС пользовались традиционной поддержкой крупных землевладельцев и аристократии, которые были представлены «Национальной аграрной партией» («National Agriculture Party»). Противоречия между землевладельцами и крестьянами не позволяли конкурировать провластной партии с ИНК. Популистские лозунги, которые высказывались агентами ИНК, вызывали поддержку оппозиционеров в сельской местности. В результате «Национальная аграрная партия» смогла получить лишь несколько депутатских мест. Данные выборы ознаменовались концом власти заминадаров, которые выступали в качестве политической силы и опоры действующей колониальной власти.

Так как представители ИНК отказались формировать правительство, с мая по июль 1937 г. «Национальная аграрная партия» создала пробританский кабинет во главе с навабом Чхатари (Nawab of Chhatari). После объявления ИНК о готовности создания правительства, кабинет возглавил Г. Б. Пант (G. B. Pant). ИГС была вынуждена прибегнуть к прогрессивным методам работы [323, р. 112].

В ноябре 1937 г. главный секретарь С. В. Гвинн (C. W. Gwynne) издал циркуляр («The Gwynne Circular»), который был направлен к дистрикт-офицерам провинции. Причиной издания документа послужили споры и встречи

обвинения между представителями дистрикт-администраций и местными агентами ИНК. В циркуляре главный секретарь отметил необходимость налаживания отношений между государственными чиновниками и новой политической элитой провинции. В письме указывалось, что ИНК представлял общественное мнение большинства жителей провинции. В дальнейшей работе чиновники призывались проявлять сочувствие и беспристрастность. Однако дистрикт-офицеры должны были помнить о собственных обязанностях и следовать установленным правилам. Таким образом, окружным офицерам давали понять необходимость прислушиваться к требованиям ИНК, что существенно снижало их традиционные полномочия. Аналогичное послание было направлено к деятелям ИНК в Соединенных провинциях. По мнению С. В. Гвинна, взаимное доверие между политиками и администрацией должно было создать позитивную обстановку и обеспечить дальнейшую слаженную работу.

Циркуляр вызвал крайнее возмущение вице-короля В. Х. Линлитгоу (V. H. Linlithgow), который незамедлительно отправил ноту протеста губернатору Соединенных провинций Г. А. Хейгу (G. A. Haig). Вице-король требовал невмешательства гражданских служащих в политические дела, тем более чиновники не имели права служить интересам каких-либо политических сил. В особенности В. Х. Линлитгоу негодовал от того, что офицеры ИГС призывались к сотрудничеству и поддержке ИНК, усиление авторитета которого могло быть крайне опасным. По мнению В. Х. Линлитгоу поддержка противникам британского присутствия в Индии была абсурдом. Также вице-король указывал, что многие коллекторы и магистраты могли счесть данный документ неуместным и даже оскорбительным, что могло подрвать авторитет руководства провинции. Губернатору Г. А. Хейгу было поручено отозвать данный циркуляр. С другой стороны, представителям ИНК стало ясно, что ИГС вынужден отходить от прошлой анти-оппозиционной политики [200, р. 62–63]. Активная критика циркуляра вице-королем являлась консервативной реакцией на постепенное уменьшение власти британцев в Индии. Однако руководство ИГС в соединенных

провинциях предпочитало налаживать контакт с кабинетом министров и представителями избираемой законодательной власти.

В Центральных провинциях в 1937 г. ИНК отказался формировать правительство, губернатор сэра Х. Гован (H. Gowan) предоставил данные полномочия свараджистам во главе с Р. Рао [345, р. 91]. В июле 1937 г. ИНК сформировали собственный кабинет во главе с Н. Б. Кхаром (N. B. Khare) [304, р. 118], летом 1938 г. его пост занял Р. Шукла (R. Shukla). Н. Б. Кхару не удалось заручиться поддержкой собственных министров. Премьер потребовал их увольнения у исполняющего обязанности губернатора Х. Бомфорда (H. Bomford). В случае отказа Н. Б. Кхар угрожал собственным уходом. Х. Бомфорд отправил в отставку министра образования Р. Шуклу, министра местного самоуправления Д. П. Мисру (D. P. Misra) и министра финансов Д. К. Мехту (D. K. Mehta). Данные требования вызвали возмущение внутри ИНК. Под руководством С. Ч. Боса ИНК подвергли критике и исключили из партии Н. Б. Кхара [180, р. 167]. Новым лидером был избран Р. Шукла, который возглавил правительство [304, р. 227]. Причиной кадровых перестановок в Центральных провинциях стала радикальная реакция некоторых членов ИНК на тесное сотрудничество Н. Б. Кхара с колониальными властями. С началом работы кабинета премьер был вынужден опираться на местную структуру ИГС. Поддержка чиновников была необходима для выполнения предвыборных обещаний. Оказавшись под влиянием секретариата Н. Б. Кхар столкнулся с враждебной оппозицией собственных министров [200, р. 68].

Конституция 1935 г. превращала Бомбейское президентство в обычную провинцию. На правах самостоятельной провинции выделялся Синд. Также из-под контроля бомбейского правительства выводились территории на побережье Персидского залива [94, р. 103, 169]. После отказа ИНК сформировать правительство, с апреля по июль 1937 г. функционировал кабинет, состоящий из коалиции свараджистов, антибрахманистов и МЛ. С июля 1937 г. по октябрь 1939 г. у власти находилось правительство ИНК во главе с Б. Г. Кхером (B.G. Kher).

По словам офицера ИГС Д. Саймингтона (D. Samington), члены нового кабинета занимались тщательно спланированной популистской деятельностью. Чиновник указывал, что ярким примером стало введение «сухого закона». Активным сторонником данного нововведения был М. Десаи (M. Desai), который являлся ярким противником азартных игр и употребления алкоголя. При этом некоторые министры могли иметь личные интересы в области организации незаконного производства и сбыта алкоголя. В частности, подобный закон позволял уклониться от уплаты государственного налога. Подобная политика велась под предлогом заботы о населении провинции.

В первые месяцы функционирования нового кабинета отмечались некоторые неясности в области работы партийных и административных органов провинции. На региональном и окружном уровнях отмечалась активность местных комитетов ИНК. Партийные функционеры в дистриктах, талуках и деревнях пытались отдавать приказы местным чиновникам. Подобные действия переросли в открытую конкуренцию между ними. Большинство провинциальных департаментов и их филиалов на местах работали с серьезными перебоями, ввиду того, что из различных инстанций им отдавались противоречивые приказы. Часто министры игнорировали деятельность собственных секретариатов и предпочитали раздавать указания напрямую или через местные представительства ИНК. Значительное внимание уделялось аграрной реформе и списанию долгов с населения. Кабинет намеревался заручиться поддержкой неприкасаемых для ликвидации антибрахманской оппозиции. ИНК начало выступать с либеральными лозунгами и призывало к терпимости по отношению к хариджанам (harijans). Апогеем данной политики стало принятие «Закона о хариджанском храме» «Harijan Temple Workship Act», согласно которому предусматривалась возможность допуска неприкасаемых в храмы. При этом оговаривалось, что возможность допуска в культовые учреждения отдавалась на личное усмотрение настоятеля [55, р. 112]. Подобная политика диктовалась необходимостью показать некоторую «снисходительность» к хариджанам. Партия вела активную работу, направленную на завоевание голосов неприкасаемых [183, р. 35]. При этом

сохранялась традиционная для брахманов неприязнь к данной части населения. Несмотря на острые противоречия, на протяжении функционирования кабинета ИГС сумела наладить диалог с новыми министрами и организовать эффективную совместную работу.

В Синде выборы проходили зимой 1937 г. В данной провинции доминировали мусульманские силы. По результатам голосования наибольшее количество мест в Законодательной Ассамблее получила «Объединенная партия Синда» («Sind United Party»), которая была создана по образцу «Пенджабской Юнионистской партии» («Punjab Unionist Party»). Однако ввиду невозможности создать коалицию с другими партиями, первый кабинет был сформирован «Мусульманской Партией Синда» («Sind Muslim Party»). Первое правительство во главе с Г. Х. Хидаятуллахом (G. H. Hidayatullah) функционировало с апреля 1937 г. по март 1938 г. Потеря влияния привела к выходу из «Объединенной партии Синда» многих членов [177, р. 115–116]. Однако в марте 1938 г. А. Б. Соомро (A. B. Soomro) получил разрешение на формирование кабинета, который функционировал до апреля 1940 г. [276, р. 119]. По словам офицера ИГС Х. Дж. Даунинга (H. J. Downing), после выделения Синда из состава Бомбея в политических кругах провинции уже начались разговоры об отделении мусульманских провинций от остальной части Индии и создания новой страны – Пакистана. В отличие от агрессивной направленности ИНК, мусульманские партии Синда придерживались политики сотрудничества с колониальными властями [41, р. 24].

В Пенджабе на выборах 1937 г. победу одержала лояльная к колониальному правительству Юнионистская Партия Пенджаба во главе с сэром С. Хаят-хан (Sikander Hayat-han). Следует отметить, что лидер партии в течение июля – октября 1932 г. исполнял обязанности губернатора Пенджаба и полностью отвечал британским интересам в регионе. В сформированном им кабинете присутствовали мусульмане, индусы и сикхи [237, р. 489]. Новое правительство продолжало представлять интересы крупных землевладельцев. Кабинет был заинтересован в проведении аграрной реформы, которая была в первую очередь

направлена на улучшение состояния местных заминдаров. В течение функционирования кабинета С. Хаят-хан вел активные переговоры с МЛ, в ходе которых был подписан пакт об объединении мусульманских сил Пенджаба и слиянии юнионистов с МЛ. Подобные действия способствовали стабилизации ситуации в провинции [181, р. 2–3].

1937 г. в Мадрасе был ознаменован приходом к власти радикально настроенных министров ИНК, чьи действия были направлены на достижение максимального уровня самоуправления. По словам офицера В. Дж. Ламарка (W. G. Lamarque), представители нового кабинета выступали за независимость Индии и были нетерпимы и подозрительны по отношению к чиновникам [57, р. 9].

Новое провинциальное правительство в июле 1937 г. возглавил С. Раджагопалахари (C. Rajagopalachari). Главный министр имел сильные лидерские качества, которые выражались в его независимости от секретариатов ИГС [179, р. 558]. Так, секретарь по делам образования и публичного здравоохранения Мадраса С. Х. Мастерман (C. H. Masterman), указывал, что сотрудники ИГС были вездесущи и обладали полным спектром информации о ситуации в провинции. Многие секретари были настоящими профессионалами своего дела и имели более чем 20-летний опыт службы. В то же время новые министры не обладали практическими навыками в управлении и не желали прислушиваться к рекомендациям колониальных чиновников. Поэтому возникали значительные трудности и разногласия в управлении провинцией. Офицеры секретариатов для разрешения споров прибегали к поддержке губернатора. Однако последнее слово в разрешении конфликтов оставалось за С. Раджагопалахари.

В этом отношении показателен спор между министром доходов Т. Праксамом (T. Praksam) и секретарем Х. Р. Узиелли (H. R. Uzielli). С. Раджагопалахари поддержал более опытного офицера. По словам С. Х. Мастермана, секретари управляли правительством, однако С. Раджагопалахари оставался полностью самостоятелен и неподконтролен

ИГС [67, р. 43]. Деятельность мадрасского кабинета в 1937–1939 гг. наиболее показательна и результативна. В отличие от других провинциальных правительств Индии, где министры ИНК были близки к провалу и попадали в зависимость от собственных секретарей. С. Раджагопалахари сумел добиться успеха и наладить особые отношения с ИГС. Активная независимая политика кабинета позволяла сохранять влияние ИНК на население провинции.

В большинстве индийских провинций могли происходить чрезвычайные ситуации, которые были связаны с природно-климатическими особенностями местности. В Пенджабе, Синде, Мадрасе нередкими были засухи. В некоторых частях Бенгалии ежегодно прокатывались тропические циклоны и сезонные наводнения. Землетрясения, пожары и неожиданные похолодания могли дестабилизировать ситуацию в дистриктах. Наиболее тяжелые последствия были связаны с гибелью урожая и угрозой голода. Массовая смертность населения провинций ввиду отсутствия продовольствия представляла огромную проблему.

На протяжении второй половины XIX – первой половины XX вв. вспышки голода представляли для колониальных чиновников обыденную ситуацию. Особо ужасные последствия наблюдались в 1866 г. в Ориссе, в 1867 г. в Центральных провинциях, в 1869 г. в княжестве Раджпутана (Rajputana), а также в период «Великого голода» 1876–1878 гг., общеиндийского голода 1896–1897 г. и 1898–1900 гг. [328, р. 5–7].

Подготовка по противодействию катаклизму обрела системный характер. Для данных целей в каждой провинции были разработаны и опубликованы детальные инструкции. Одним из первых был документ «Famine Code», изданный в Центральных провинциях в 1867 г. Создание четкой программы действий, подразумевало ее конкретизацию для отдельно взятых округов. Подобные издания выпускались в большинстве провинций, например, «The Revised Famine Code of United Provinces», который основывался на опыте преодоления голода 1907–1908 гг. Таким образом, каждый дистрикт-офицер должен был разработать или ознакомиться с «кризисным планом» для подконтрольного ему дистрикта [349, р. 90].

В случае начала голода окружная администрация устанавливала места для разбивки лагерей голодающих, их комплектацию обслуживающим персоналом, систему поставок воды, продовольствия, медоборудования и так далее [95, р. 2, 89–91].

В каждой из провинций «Famine Code» предусматривал создание общественных работ для голодающих. В большинстве провинций осуществлялись крупномасштабные дорожные работы. В более редких случаях пострадавшее население было направлено на рытье каналов, строительстве дамб и других ирригационных сооружений. В отдельных дистриктах предусматривались лесные работы. Общественные работы имели четкий план с дневными нормами выработки. В случае прибытия на участок работ большого количества неквалифицированных рабочих норма могла быть уменьшена. Дети, больные, престарелые и все лица непригодные для работ заносились в специальные списки, согласно которым происходила выдача безвозмездной помощи. Основную роль в планировании, руководстве и инспектировании работ осуществляли сотрудники Лесного департамента и Департамента общественных работ. Обеспечение медицинской помощи производилось через департамент здравоохранения [300, р. 26–35].

Офицеры ИГС осуществляли общее руководство «кризисной программой», курировали снабжение, вели надзор, наблюдали за поддержанием общественного порядка, поддерживали связь с провинциальным правительством. Коллектор Е. С. Хьюд (E. S. Hude) из дистрикта Джаббулпур (Jabbulpore district) в Центральных провинциях в начале 1930-х гг. описывал стандартные действия по ликвидации голода. Урожай был уничтожен морозом, ввиду чего арендаторы и малоземельные крестьяне начали голодать. Дистрикт-администрация осуществила оценку нанесенного крестьянам ущерба, были приостановлены выплаты ренты и земельного сбора (land revenue). Следующим шагом была организация общественных работ. Необходимо было также найти каналы поставки продовольствия в дистрикт, обеспечить его доступность для населения. Данная задача была крайне сложной, так как большая часть выращиваемого в

данной местности зерна шла на экспорт. Избыток продавался местным торговцам в города, откуда зерно вывозилось в другие субъекты провинции. Таким образом, использование внутренних резервов продовольствия не представлялось возможным. Близлежащие дистрикты находились в аналогичной ситуации. Кризисные запасы округа, которые должны были создаваться на случай голода, были истощены. Также в случае возможного импорта зерна в дистрикт необходимо было создать крупное хранилище для продовольствия [9, р. 44]. При помощи провинциального правительства проблема дистрикта Джаббулпур была частично решена за счет поставок зерна из Австралии.

В. Г. Метьюз (V. G. Matthews) описал интересные подробности по ликвидации голода в дистрикте Нагпур (Nagpur district) в Центральных провинциях. В задачи офицера входил план по созданию общественных работ и организации поставок продовольствия. Однако В. Г. Метьюзу к тому же была поручена подготовка к очередному посевному сезону. Необходимо было обновить посевной фонд и закупить тягловый скот. Согласно «Закон о земельном сборе Соединенных провинций» «Central provinces Land Revenue Act, 1917», пострадавшим крестьянам в течение 3 лет необходимо было предоставить денежные выплаты для покупки семян таккави («taccavi»). Офицеру было поручено произвести необходимые расчеты и распределение средств. Данный процесс занял около 3-х недель. Все действия производились под усиленной охраной полиции. Заявители на получение таккави прибывали целыми деревнями, во главе со своими патравари. В заявлениях указывались краткие сведения о просителе, его настоящее положение и кредитоспособность. В составленный список заносились фамилии, крестьяне были обязаны поставить напротив чернильный отпечаток большого пальца. Сумма выплаты должна была составлять от 15 до 30 рупий [56, р. 32].

В случае эпидемии инфекционных заболеваний офицеры ИГС должны были организовать принудительную вакцинацию населения, установить изоляционные кордоны. Данные действия осуществлялись при помощи сотрудников департамента здравоохранения и офицеров Индийской медицинской службы

(Indian Medical Service) [285, p. 1142]. Санитарные кордоны выставлялись с помощью полиции [193, p. 231–234]. Так, офицер ИГС А. Дж. Платт (A. J. Platt) из Мадраса был изолирован в собственном дистрикте Салем (Salem district) во время эпидемии чумы. Нередкими были случаи, когда местное население самостоятельно препятствовало свободному передвижению жителям инфицированных деревень, при этом могло прекращаться снабжение продовольствием [33, p. 11]. Подобный случай описан Х. Х. Карлестоном (H. H. Carleston) в дистрикте Гунтур (Guntur district) в Мадрасе во время эпидемии холеры. В каждом дистрикте или субдивизии находились один или несколько штатных офицеров медицинской службы (medical officer) [285, p. 1142]. Также часто упоминается должность хирурга (surgeon, surgeon-general) [3, p. 49].

Вспышки эпидемий в Индии были крайне распространены, ввиду чего дистрикт-офицеры организовывали стандартную программу мероприятий. Офицер ИГС Н. Б. Бонарджи (N. B. Bonarjee), находясь в субдивизии Калитпур (Kalitpur subdivision) в Соединенных провинциях, описал свои действия. Во время вспышки холеры Н. Б. Бонарджи совместно с помощником медицинского офицера (assistant health officer) и местным таксильдаром отправился в тур по деревням субдивизии. Была произведена вакцинация, осуществлено обеззараживание колодцев. Так как местное население неохотно обращалось за помощью к специалистам, таксильдар проводил митинги и беседы о необходимости лечения в стационарных учреждениях и поддержания санитарного состояния деревни. Авторитет офицера ИГС придавал данной кампании значение в глазах населения [3, p. 189].

Во многих дистриктах Индии медицинское обслуживание находилось на низком уровне. Методика лечения и снабжение необходимыми лекарствами существенно отставало от метрополии. Также отмечалась халатность медицинских работников и контролирующих органов. Офицер ИГС М. А. Хусейн (M. A. Hussain) из Пенджаба после инспекции в субдивизии Джаравала (Jarawala subdivision) направил подробный отчет о плачевном состоянии медицинских учреждений округа в департамент здравоохранения. Однако чиновники

проигнорировали заявление офицера и не предпринимали никаких действий. По словам офицера, персонал бесплатных медучреждений, расположенных в субдивизии, игнорировал пациентов, которые не могли заплатить взятку. В результате некоторые пациенты находились без должного ухода в течение 4 месяцев [45, р. 27].

В некоторых случаях во время чрезвычайных ситуаций в Индии активную помощь оказывали миссионеры. Представители различных конфессий (баптисты, англикане, католики и др.) создавали собственные госпитали, закупали лекарства. Оказание квалифицированной медицинской помощи, создание учебных заведений, попечение сирот, – все это являлось распространенной формой миссионерской деятельности на территории Индии. Однако отношения дистрикт-администрации с религиозными деятелями были крайне противоречивы. Нередкими были случаи, когда миссионеры обвиняли колониальную администрацию в бездействии и коррумпированности [246, р. 111]. Открытая критика власти с упоминанием конкретных компрометирующих материалов могла подрывать авторитет ИГС. Отдельные проповедники вступали в контакты с политической оппозицией и могли заниматься ее поддержкой, ввиду чего дистрикт-администрация настороженно относилась к миссионерской деятельности.

Общественно-политическая деятельность ИГС в период с 1937 по 1939 гг. характеризовалась радикальными изменениями в области организации поддержки действующего колониального режима. Вхождение в силу Конституции 1935 г. привело к вынужденному сотрудничеству с оппозиционными политическими силами. Однако потеря решающего положения не препятствовала офицерам ИГС осуществлять контроль над наиболее важными областями управления страной. Несмотря на формальное подчинение провинциальным органам власти, служба продолжала оставаться одной из наиболее значимых структур в Британской Индии. Решающая роль в проведении так называемых «кризисных программ» в случае чрезвычайных ситуаций подчеркивала особый статус ИГС.

3.3 Функционирование Индийской гражданской службы на «особых территориях» в 1919–1939 гг.

В большинстве индийских провинций существовали «особые территории», к которым относились агентства, земли, принадлежавшие племенам, горно-лесные территории (hill tracts), приграничные зоны, княжества и др. Данные административные единицы отличались от системы дистрикт-администраций и имели особую структуру и форму управления. К ним могли относиться более поздние приобретения Британской империи, которые не могли быть устроены как стандартные дистрикты [246, p. 136–137].

Яркий пример – дистрикт Дарджилинг (Darjeeling) в Бенгалии (с 1919 по 1935 г. «hill tracts». – *С.Н.*), который окончательно территориально оформился к 1866 г. В законодательном плане управление дистриктом носило особый характер. Во второй половине XIX в. территория имела различный статус, который зависел от наличия специального законодательства регулируемых («regulated area») или нерегулируемых территорий («non-regulated area») [29, p. 27–34]. К 1919 г. дистрикт получил особый статус («Backward Tract»), что позволяло рассматривать данную территорию отдельной от остальной территории Британской империи. Следовательно, нововведения в индийском законодательстве не распространялись на Дарджилинг и аналогичные единицы, как, например, Читтагонг Хилл (Chittagong Hill Trats) [206, p. 57–58, p. 143]. В 1935 г. данные административные единицы получили статус «частично исключенной зоны» («partially excluded area») [11, p. 75–76].

Еще одной причиной особого статуса подобных территорий было расположение в труднодоступной пересеченной местности (горы, джунгли, пустыни и так далее). Слабая развитость или полное отсутствие коммуникаций, бедность и хозяйственно-культурная отсталость местного населения могли препятствовать созданию стандартной административной системы и ее полных институтов власти. В результате чего создавался упрощенный вариант управления. Например, агентства Чикакол и Бхадрахалам в Мадрасе (Chicacole and

Brhadchalam Tracts Agencies of Madras). Некоторые отдаленные пограничные территории также имели специальный статус, например, Нага Хиллс в Ассаме (Naga Hills).

В качестве агентства следует рассматривать внутренние (или пограничные) автономные и полуавтономные субъекты Британской Индии, руководство которыми осуществлял специальный представитель британской короны – агент. Агентов могли назначать как вице-король Индии (в некоторых случаях до 1935 г. генерал-губернатор Бомбейского президентства), так и губернаторы провинций. Агентии имели целый ряд различий. Так, самоуправление индийских княжеств существенно отличались от племенных территорий, на которые всецело распространялась власть Британской империи. В основе отношений с феодальными государственными образованиями лежал договор. Таким образом, сохранить княжескую автономию могли в случае признания верховенства короны [166, с. 54]. Однако данные территории курировались центральным правительством и вице-королем Индии. В компетенцию центрального правительства (до 1936 г. – руководства Мадраса и Бомбея) входила внешняя политика указанных государственных образований. Отдельно курировались финансовые и экономические интересы Великобритании в княжествах [247, р. 411].

Провинциальные агентства (кроме Северо-Западной пограничной провинции) полностью курировались провинциальными правительствами, в том числе и непосредственно управляемые британцами небольшие индийские княжества и крупные феодальные владения [246, р. 136–137].

Управление особыми пограничными военными территориями, племенными агентствами, княжествами и так далее осуществляла ИПС [299, р. 123–124]. Данная структура курировалась лично вице-королем. В состав службы отбирались наиболее опытные офицеры ИГС, которые имели не менее чем 10-летний опыт службы, военнослужащие индийской и британской армий [207, р. 21]. ИПС осуществляла британское присутствие (являлись резидентами. – С.Н.) в стратегически важных регионах Британской Индии и других азиатских и

ближневосточных колониях [280, р. 26–27]. Офицеры ИПС присутствовали в большинстве крупных индийских княжеств, руководили Северо-Западной пограничной провинцией, Агенцией Белуджистан, особой агенцией в Персидском заливе и др. [72, р. 189, 192].

Следует отдельно выделить Северо-Западную пограничную провинцию. Регион имел стратегическое значение, ввиду чего был обусловлен его особый статус [217, р. 1–4]. Длительное время данная провинция считалась местом главной угрозы для британских владений в Индии. Провинция имела общую границу с «буферным» Афганистаном, через который британцы сталкивались с интересами Российской империи [188, р. 853]. Особое внимание региону уделялось в связи с вероятной советской угрозой [139, с. 153]. Провинция постоянно находилась на военном положении. Регулярное присутствие военных серьезно отражалось на особенностях администрирования [326, р. 16–19]. Нахождение регулярных частей объяснялось «цивилизаторской миссией» по отношению к племенам [199, р. 18]. На территории провинции действовало собственное законодательство и особое административное деление.

В Северо-Западной пограничной провинции выделялась «зона племен» или «племенной пояс», которая была населена воинственными пуштунскими племенными союзами [280, р. 26–27]. В провинции находилось лишь 5 «оседлых дистриктов» (Hazara, Peshawar, Kohat, Banny, Deraismailkhan). В случае назначения в «зону племен» предыдущий опыт работы не имел значения. Политический офицер не являлся администратором. Контроль над племенами осуществлялся через переговоры со старейшинами, официальное или негласное финансирование, представительство на джиргах [184, р. 17]. Вопрос финансирования племенных объединений стоял достаточно остро, так как обычной формой решения проблем материального характера было совершение пуштунами набегов и грабежей [252, р. 36].

«Зона племен» Северо-Западной Пограничной провинции была разделена на 7 агентий (Bajaur, Mohmand, Khyber, Orakzai, Kurram, North Waziristan, South

Waziristan), которые делились на субдивизии и тексилы. Служба на данных территориях представляла серьезную опасность для офицеров и членов их семей.

Ввиду натянутых отношений с местными племенами нередкими были случаи беспорядков, восстания племен [184, р. 11–19, 26–27]. К наиболее известным выступлениям можно отнести восстание 1897 г., в результате которого британцы утратили контроль над Хайберским перевалом. Данное событие отразилось на престиже британской армии, в результате чего была предпринята крупномасштабная картельная экспедиция [170, р. 307].

В годы Первой мировой войны пограничье находилось в зоне особого внимания индийского правительства. В 1919 г. «племенной пояс» был втянут в третью англо-афганскую войну, последствием которой стала военная компания в Вазиристане 1919–1920 гг. по усмирению племени Махсуд (Mahsud). После незначительной передышки боевые действия в Вазиристане были возобновлены в 1921 г. и продолжались до 1924 г. В 1925 г. королевскими ВВС осуществлялись бомбардировки Южного Вазиристана [305, р. 26]. В 1927 г. восстало племя Мохманд (Mohmand). В 1930–1931 гг. происходило подавление восстания племени Африди (Afridi). В 1935 г. была осуществлена вторая военная компания против племени Мохманд [139, с. 153]. В 1936–1939 гг. в Вазиристане происходило подавление восстания во главе Мирзали Ханом (Mirzali Khan). После Первой мировой войны Центральное правительство выделяло огромное количество средств, направленных на стабилизацию положения в регионе [205, р. 84].

Офицеры ИПС представляли интересы Британской короны в Палестине и Ираке, Афганистане, Китае и других азиатских странах. Следует отметить, что члены ИГС, которые были приняты на службу в политический департамент, сохраняли свою принадлежность службе и могли быть командированы и переходить на более высокие должности в других индийских структурах. Некоторые офицеры ИГС направлялись на временную работу или получали высокие назначения за пределами Индии. Так, сэр Дж. Х. Симпсон (J. H. Simpson) из Соединенных провинций в 1930 г. был назначен верховным комиссаром

Палестины (Chief Commissar of Palestine) [104, с. 112]. Сэр Р. Дан (R. Done) из Пенджаба в 1918 г. был направлен в Китай в качестве главного заграничного инспектора по соляным сборам (Foreign Chief Inspector of Salt Revenue). Б. Х. Боурдиллон (B. H. Bourdillon) из Соединенных провинций в 1919 г. находился в должности юридического ассистента (Judicial Assistant) в Персидском заливе, позже был переведен в Багдад в качестве офицера по земельным вопросам (Land Acquisition officer), был назначен личным секретарем верховного комиссара Ирака, в 1929 г. стал колониальным секретарем на Цейлоне. С. Дж. Филби (St. J. Philby) из Пенджаба, который был направлен в качестве политического представителя в Месопотамию, был советником короля Саудовской Аравии [302, р., 265–270].

Офицер ИГС из Мадраса Х. Дж. Даунинг (H. J. Downing) находился на должности специального ассистента-агента в Чикаколе и Бхадрахаламе. По воспоминаниям Х. Дж. Даунинга, Чикакол располагался в высокогорье, большая часть территории агентства была покрыта джунглями. Пригодная для проезда транспорта мощеная дорога обрывалась в предгорьях, за ней следовала земляная проселочная дорога. Офицер упоминал, что единственным колесным транспортом в горах являлись велосипеды, которые имелись в небольшом количестве у местных богачей. Основные передвижения по вверенной территории чиновник совершал на слонах пешком. Доставка государственных грузов и багажа чиновников была возложена на местных жителей. Население агенции было освобождено от налогов. В качестве особой привилегии туземцы имели право производить алкоголь для собственных потребностей без уплаты акциза. Содержание подобных административных единиц было крайне затратным, ввиду отсутствия налоговых поступлений. Выплата заработных плат производилась только чиновникам и местным сельским старостам (bisoyis). Однако в данной ситуации чиновники могли активно использовать бесплатный принудительный труд местного населения. Офицер ИГС часто мог совершать инспекции сельских поселений агенции на специальных носилках со стулом, который поочередно несли туземцы. По словам Х. Дж. Даунинга, единственными европейцами на

территории агентства были миссионеры. Должность специального ассистента-агента подразумевала огромные полномочия и значительную свободу действий чиновника. Находящееся на значительном расстоянии провинциальное правительство имело слабый интерес к происходящему в отдаленной полудикой местности. Х. Дж. Даунинг объединял в своих руках функции суб-коллектора, дополнительного магистрата и младшего судьи (sub-judge), что позволяло ему рассматривать гражданские иски. Также чиновник исполнял обязанности офицера по делам образования (education officer), коллектора по акцизным и коммерческим сборам (collector of excise and commercial tax) и был главой местного Совета агентства (Agency District Board). Особенность работы заключалась в том, что офицер не владел местным диалектом и не мог вести полномасштабной деятельности в качестве судьи. Х. Дж. Даунинг также не был перегружен коллекторской работой, ввиду практически полного отсутствия налогового обложения. Однако были случаи, при которых требовалась работа магистрата. Местное население совершало большое количество преступлений на бытовой почве. Офицер ИГС был единственным хранителем всего денежного бюджета агентства. Чиновник самостоятельно разрабатывал и вводил программы по ремонту дорог, принимал решения о финансировании проектов по благоустройству (например, мог выделить средства на строительство скважин в деревнях), самостоятельно осуществлял инспекции населенных пунктов и учреждений – школ и медицинских пунктов [41, р. 11].

Офицер ИГС В. Х. Кристи (W. H. Christie) из Бенгалии в течение длительного времени находился в должности коллектора Читаггонга (Chittagong Hill Tracts). Данный дистрикт страдал от последствий сезонных муссонов. В обязанности коллектора входила выдача компенсации ущерба крестьянам. В. Х. Кристи исполнял обязанности портового комиссара Читаггонга (Port Commissioner of Chittagong). По своим размерам порт занимал второе место в Бенгалии. Для предотвращения грязевого паводка офицер предпринял работы по расширению устья гавани. Ввиду отсутствия стандартной системы земельных сборов в агентствах, одним из немногих налогов в Читтагонге являлся «налог

джум» («jhum tax»), который взимался с сельскохозяйственных участков в зависимости от их размера. Другой налог должен был выплачиваться за аренду земли. Начисление и сбор осуществлялся лично агентом. Несмотря на то, что сумма налогов была символичной, коллектору часто приходилось буквально выбивать деньги из местного населения. Коллектор осуществлял специальные вооруженные рейды на слонах, часто в праздничные дни, для того, чтобы застать злостных неплательщиков дома. Для данных целей использовалась местная полиция (Hill Tracts Armed Police). Полицейское ведомство Читтагонга находилось в плачевном состоянии, однако угроза бенгальского терроризма требовала от сотрудников решительных действий. В связи с тем, что предшественник на посту коллектора Читагонга был болен, сбор сельскохозяйственного налога не производился в течение двух лет. В. Х. Кристи активно сотрудничал и поддерживал местный лесной департамент. При поступлении жалоб на уничтожение дикими слонами урожая, были предприняты совместные действия по ловле и приручению животных. При поддержке коллектора было предпринято строительство защитных валов, загонов и ловушек для поимки слонов. Во время отсутствия в дистрикте врача В. Х. Кристи исполнял обязанности по инспектированию санитарной обстановки в деревнях, в некоторых случаях офицер был вынужден самостоятельно лечить больных из отдаленных деревень. Совместно с медицинскими офицерами чиновник осуществлял прививание местного населения от холеры, оспы и малярии [58, р. 23–27].

Е. С. Хьюд (E. S. Hude) из Соединенных провинций был командирован в находящееся под контролем политического департамента княжество Бастар (Bastar). Офицер ИГС был назначен на должность «Деван» («Dewan»), которая соответствовала должности главного министра княжества. Несмотря на свое подчинение параллельному ведомству (Indian Political Service), чиновник имел широкие полномочия. Е. С. Хьюду были подконтрольны: коммуникации, связь, лесное хозяйство, сельское хозяйство, налогообложение, здравоохранение и образование. Офицер курировал земельные отношения, следил за поддержанием благосостояния населения. Местные племена сопротивлялись изучению хинди в

школах, препятствовали посещению детьми учебных заведений. Большой проблемой являлось нежелание туземцев принимать медицинскую помощь. Е. С. Хьюд прилагал большие усилия для борьбы с различными инфекционными заболеваниями. Назначение опытных офицеров ИГС на подобные должности указывало на многофункциональность службы и ее высокое значение в области руководства отдельными княжескими государствами [9, p. 78].

В ряде провинций Британской Индии проводилась масштабная работа по изменению уклада жизни ряда племенных объединений с целью их дальнейшей интеграции в гражданское сообщество. Д. Саймингтон (D. Symington) из Бомбея был прикомандирован правительством провинции к «преступным племенам» («criminal tribes» или «bhils people») в качестве «сотрудника по урегулированию преступных племен» («Criminal Tribes Settlement Officer»). Представители данных племен специализировались на различных уголовных преступлениях. Семьи традиционно объединялись в бандитские гильдии. Уголовное делопроизводство осуществлялось по специальному кодексу («Criminal Tribes Act»). Данный сборник законодательных актов был разработан правительством Бомбея и действовал исключительно на территории провинции. Согласно кодексу, все взрослые мужчины из племенных союзов, которые имели приводы в полицию, подлежали обязательной регистрации и в случае рецидивов направлялись в специальные поселения («Criminal tribes Settlement»). Подобные специализированные населенные пункты были объединены в специальный департамент, которым руководил О. Старт (O. Starte). В обязанности чиновников входила работа по перевоспитанию рецидивистов. Процесс заключался в обучении бывших преступников легальным профессиям с дальнейшим трудоустройством на различные предприятия и даже в государственные учреждения, например в лесной департамент или железную дорогу. Все поселенцы обязывались содержать свои семьи и отдавать детей в школы. Для данных целей департамент предоставлял земельный участок и материалы для постройки жилища на территории колонии. Внутри поселений действовал специальный режим. Периметр колонии был окружен забором. Все жители были

обязаны присутствовать на ежедневных утренних и вечерних переключках. В дневное время туземцы могли покидать колонию. Однако администрация вела постоянное наблюдение посредством полицейских постов и агентов на рынках и других местах массового скопления граждан. В ночное время покидать колонию было запрещено. При систематическом соблюдении режима и примерном поведении существовала возможность послабления режима. В случае «окончательного перевоспитания» туземцы снимались с регистрации и могли покинуть поселение [55, р. 94].

Дополнительный магистрат Е. С. Хьюд (E. S. Hude) из субдивизии Элихпур (Ellichpur) в Центральные провинции постоянно сталкивался с деятельностью «криминальных племен» (criminal tribe). Данные племена вели полукочевой образ жизни и занимались различными видами преступлений. Также чиновник упоминает преступления на почве межконфессиональных отношений. Одним из наиболее известных является случай, произошедший в деревне Тавлар («Tawlar case»). Громкое расследование началось с того, что полиция проводила стандартную проверку по факту смерти от лихорадки молодой женщины из богатой и влиятельной индуистской семьи Кунби (Kunbi). Окружной инспектор полиции, направленный в деревню для разбирательства выявил, что за несколько дней до смерти в семью из Элихпура приезжал местный целитель. После установления личности он был вызван для дачи показаний. Дополнительный магистрат Е. С. Хьюд, который производил дознание, получил от целителя признание, что был доверенным лицом семьи Кунби и участвовал в убийстве их родственницы. Причиной тому послужила беременность умершей от слуги-мусульманина, что являлось позором для всей семьи. Убийство организовали дядя и братья женщины. Погибшая сопротивлялась, ввиду чего родственникам пришлось ее усыпить. Смерть наступила через несколько часов после смертельной инъекции стрихнина, которую сделал городской целитель. На утро тело было кремировано, родственники мотивировали столь быстрое проведение церемонии опасностью заражения лихорадкой, от которой якобы умерла женщина. Слуги были запуганы семьей и давали ложные показания. Нанятый

семьей адвокат арендовал дом в Тавларе, куда были перемещены все свидетели и их семьи. Защита обвинила полицию в давлении на свидетелей для того, чтоб затянуть судебный процесс. Однако вина двух членов семьи была доказана, и сессионный судья приговорил их к смерти. Дело было обжаловано в Верховном суде провинции и виновные были оправданы. Е. С. Хьюд предполагал, что судьи были подкуплены, ведь семья имела политическое влияние. Другой возможной причиной освобождения виновных было то, что для многих индийских чиновников следование традициям было выше соблюдения законов [9, р. 23–27].

Во времена британского присутствия на севере страны (Пенджаб, Белуджистан, Синд) осуществлялась активная колонизация пустынных территорий. Значительное внимание уделялось ирригационным работам. Было сооружено большое количество каналов. О данной работе подробно повествует В. Ф. Ли Бейли (W. F. Le Bailly), который в течение 12 лет находился на должности ассистента офицера по колонизации (Assistant Colonization Officer) в Пенджабе. Чиновник указывает, что в различные годы в ирригационных каналах мог накапливаться избыток воды, в результате чего происходили паводки. Для предотвращения требовалось строительство заграждений и отстойников. В засушливые годы воды катастрофически не хватало. В результате обоих случаев в провинции мог начаться голод. Руководство провинции организовало целую программу по строительству системы, которая объединяла 5 крупных рек Пенджаба. Была создана система контроля над уровнем воды. Во время создания систем ирригации, офицеры службы были также заняты колонизацией незаселенных земель и созданием новых фермерских поселений. К этой деятельности относились следующие программы: «Колония Нили Бар» («Nili Bar Coloni») и «Проект Сатли Валлей» («Sutlej Velley Project») [97, р. 73]. По аналогии с Бомбеем, правительство Пенджаба предполагало, что часть новых населенных пунктов будет использоваться для «оседания» местных кочевых и полукочевых племен.

Однако особенности нравов и обычаев туземцев влияли на криминагенную ситуацию. Так, А. А. Вильямс (A. A. Williams) из дистрикта Саргодха (Sargodha) в

Пенджабе был ответственен за территорию, на которой располагалось две полицейских станции. Большинство преступлений в его регионе совершалось на почве воровства воды из оросительных каналов. В его дистрикте находилось два племенных поселения. В своих воспоминаниях магистрат упоминал об участии в расследовании одного из типичных для данной местности уголовных дел. В племенах была распространена кража женщин. Один из жителей при помощи родственников совершил нападение на семью женщины, которая ему понравилась. В результате чего была убита вся мужская часть пострадавшей семьи. Родственник и соучастник организатора решил повторить проделанное и украсть девушку, на которой ему не разрешали жениться. Был совершен налет на следующую семью и убиты родители девушки. Полиция 3-х дистриктов была брошена на преследование убийц, 4 нападавших были застрелены, 1 из них был опознан. Во время бегства, опасаясь ответственности, похитители зарубил топором одну из женщин. Местные жители, желая кровной мести, указали полиции на 5 членов семьи нападавших, из которых, как выяснилось впоследствии, только 1 участвовал в налете. После проведения следствия, в результате которого были установлены подозреваемые, дело было передано в суд. Другой случай, который был описан А. А. Вильямсоном, касался убийства землевладельца. Для того, чтобы обвинить своих арендаторов, семья погибшего подкупила ряд людей, которые выступили в суде с лжесвидетельствами. Однако мошенники были разоблачены. За дачу ложных показаний был арестован отец погибшего, который умер в тюрьме. Семья землевладельцев обвинила в смерти А. А. Вильямсона, после длительных разбирательств офицер был оправдан. Подобные случаи, связанные с кровной враждой между семьями, существенно усложняли следствие [32, р. 19].

Следует отдельно упомянуть «островные территории», которые входили в состав Британской Индии и контролировались офицерами ИГС [136, с. 50]. В непосредственном подчинении Нью-Дели находились Андаманские острова, которые располагались в Индийском океане между Индией и Бирмой. С 1857 г. на островах была основана колония для особо опасных преступников [126, с. 123] с

центром в Порт-Блер. Офицер ИГС из Центральных провинций Н. К. Патерсон (N. K. Paterson) в середине 1930-х – 1940-е гг. находился на должности заместителя комиссара и главного комиссара Андаманских островов и был руководителем колонии. В состав дистрикта Малабар (Malabar district) в Мадрасе входили Лаккадивские острова (в том числе остров Миникой) [182, р. 106]. В обязанности Х. Х. Карлестона (H. H. Carleston), который находился в должности дополнительного дистрикт магистрата, входило инспектирование данных островов [4, р. 4–8]. Администрация островов состояла из сельских старост (amin) и счетоводов (karnam), которые сосредотачивали в своих руках основную власть, в поселениях отсутствовала полиция [344, р. 35–36]. Основой дохода островов являлся экспорт кокосовых орехов. Инспекционные офицеры были обязаны следить за порядком на плантациях, проверять ведение делопроизводственной документации и разбирать судебные иски. В случае наличия учебных заведений осуществлялся обязательный контроль за их деятельностью [224, р. 56].

Таким образом, система администрирования Британской Индии имела крайне разнообразные формы. Отдельные территориальные субъекты требовали специальных форм управления. Недостаток ресурсов покрывался за счет упрощения законодательства и создания минимального бюрократического аппарата. Данные действия осуществлялись посредством кадров ИГС и специалистов внешнеполитического департамента.

Общественно-политическая работа ИГС представляла собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание жизнеспособности британской колониальной системы в Индии. Данные действия осуществлялись в условиях смены конституционного строя в период общеимперского колониального кризиса 1919–1939 гг. Работа ИГС в данный период существенно осложнялась в связи с угрозой чрезвычайных ситуаций, а также неравномерной развитостью регионов страны и наличием особых территорий. Благодаря слаженной работе службы на различных уровнях власти были достигнуты оптимальные условия для продолжения британского колониального присутствия в Индии. Радикальные изменения в управлении страной привели к трансформации общендийской

государственной системы. Однако ИГС продолжила сохранять традиционные механизмы влияния при существенных изменениях в собственной структуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении 1919–1939 гг. ИГС занимала центральное место в управлении государственным аппаратом Британской Индии. Данное учреждение было призвано укрепить вертикаль власти и способствовать осуществлению интересов метрополии в стране. Офицеры службы занимали наиболее важные посты в исполнительной, законодательной и судебной отраслях, в центральных и провинциальных органах, а также руководили дистрикт-администрацией. Тем самым обеспечивалось руководство над всеми жизненно важными инстанциями и отраслями индийской администрации. В связи с изменениями в области законодательства и принятием Конституций 1919 и 1935 гг., ИГС начала процесс отхода от единоличного управления страной. Однако, несмотря на возрастающее влияние национальной элиты, служба продолжила занимать одно из центральных мест в гражданской администрации. Осуществляя постепенную трансформацию устоявшихся способов руководства страной, сотрудники ИГС оказывали активное воздействие на представителей правительства. Подобная политика способствовала созданию видимости реформ, которые позволяли удерживать Индию в векторе британского влияния. Произошедшие изменения указывали на переход к непрямому управлению страной.

Постоянная ограниченность в ресурсах, которая усугублялась экономическими потрясениями межвоенного периода, перекрывалась гибкой системой функционирования ИГС. Сравнительно небольшая численность офицеров службы преодолевалась за счет постоянных перемещений, тем самым поддерживался бесперебойный цикл замещения важных государственных должностей. Подобная практика также позволяла оперативно производить перевод менее компетентных сотрудников, при этом краткие сроки пребывания в должности минимизировали допущенные погрешности. Подобная методика способствовала обеспечению достаточной степени контроля над страной.

Разветвленная система государственного управления подразумевала сложную структуру аппарата ИГС. Для обеспечения контроля над страной

офицеры службы осуществляли постоянное присутствие в органах центрального правительства Индии. Внутри центральных исполнительных и законодательных органов сотрудники ИГС поддерживали баланс между политическими назначенцами из метрополии и представителями индийской национальной элиты. Несколько иная ситуация наблюдалась на провинциальном уровне, где офицеры службы сосредотачивали в своих руках все наиболее важные области управления и обеспечивали политическую поддержку действующему режиму. Присутствие ИГС в провинциальных судебных инстанциях позволяло влиять на систему правосудия. Руководство дистрикт-администрациями способствовало контролю на периферии. Однако недостаток ресурсов не позволял ИГС выходить за рамки жизненно необходимых отраслей и заставлял ограничиваться общими административными полномочиями, сбором налогов и обеспечением законности и правопорядка. Следовательно, ИГС представляла собой сложную многоуровневую систему, которая занимала устойчивые позиции в управлении страной и являлась оплотом британского присутствия.

Период с 1919 по 1939 гг. был усугублен серьезным «кадровым голодом», который преодолевался путем упрощения системы рекрутирования. Также проводилось замещение офицеров европейского происхождения представителями лояльно настроенного местного населения. Этот процесс получил название «индианизация». Сложная система подготовки офицеров была направлена на приобретение практического опыта во многих областях их будущей деятельности. Следует указать, что основной целью обучения являлось получение универсальных специалистов, которые могли быть заняты в различных отраслях государственного управления. Это, в свою очередь, позволяло ИГС функционировать в рамках небольшого числа сотрудников. Однако недостаточная степень осведомленности в тех или иных областях службы могла приводить к серьезным последствиям и влиять на ситуацию в отдельно взятых регионах. Отсутствие значительных различий в особенностях подготовки европейских и индийских рекрутов указывало на существование устоявшейся системы обучения. При этом «недоверие» к будущим индийским офицерам

компенсировалось за счет их «европеизации» и обязательного двухгодичного пребывания в Великобритании. Лавирование между привлечением на службу местного населения и упрощением набора европейцев являлось одной из характерных составляющих острого колониального кризиса, который повлек за собой постепенный отход от прямого управления страной.

На протяжении всего британского присутствия в Индии офицеры ИГС занимали доминирующее положение в индийском обществе. Ориентир на метрополию и беспрекословное следование викторианским традициям заложили основу консервативного класса чиновников и военных. Высокие заработные платы и комфортные условия проживания в закрытых поселках были призваны подчеркнуть престиж и высокий статус офицеров. При этом недоступность и замкнутость общества чиновников должна была обеспечить полную лояльность действующему режиму. Однако подобные тенденции акцентировали внимание на инородность и недоверие к местному населению. Данные противоречия активно использовались представителями политической оппозиции в борьбе за власть в стране.

Несмотря на номинальное невмешательство в политическую жизнь страны, офицеры ИГС вели активную работу по поддержке действующего режима. Выявление и привлечение лояльной части населения представляло для сотрудников службы одну из наиболее важных задач. Создание и поддержка провластных политических сил в провинциях являлось неотъемлемой частью функционирования ИГС в период действия Конституции 1919 г. Основной задачей лояльных объединений было оттягивание на свою сторону симпатий местного населения. В большинстве провинций существовала и применялась четкая программа действий, направленных на контрагитацию и борьбу с оппозиционными силами. При этом неизбежное проведение реформ подчеркивало временный характер политического противостояния. В подобных акциях был задействован весь разветвленный штат сотрудников ИГС. После вступления в силу Конституции 1935 г. служба была вынуждена начать тесное сотрудничество с политическими оппонентами, которые пришли к власти в результате выборов

1937 г. Невзирая на значительные полномочия новых политических правительств, в руках британской структуры сосредоточились контрольные и консультативные функции, которые ставили в неизбежно зависимое положение центральные и провинциальные правительства. Таким образом, ИГС легко приспособилась к новому политическому устройству страны и сосредоточила в своих руках косвенные механизмы управления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ИГС – Индийская гражданская служба

ИПС – Индийская политическая служба

ИНК – Индийский национальный конгресс

МЛ – Мусульманская лига

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Baluchistan. Imperial Gazetteer of India / Ed. by R. Hughes-Buller. Calcutta: Superintending Government Printing, 1908. 233 p.
2. Birendra R. K. Permanent Settlement and After. Calcutta, 1942. 96 p.
3. Bonarjee N. B. Under Two Masters. London: Oxford University Press, 1970. 317 p.
4. Carleston H. H. Papers. – Archive of Centre of South Asia Studies, University of Cambridge // Small Collections, Box № 6, 47 p.
5. Carrit M. A Mole in the crown: Memories of a British official in India who worked with the communist underground in the 1930s. Hove, 1986. 204 p.
6. Coronation Durbar, 1911. Allahabad: Pioneer Press, 1912. 380 p.
7. District Gazetteer of the United Provinces of Agra and Oudh: Gorakhpur. Allahabad: The Government Press of United Provinces, 1921. 490 p.
8. Donnison F. S. V. Burma. London: Ernest Benn Limited, 1970. 263 p.
9. E. S. Hude, I.C.S 1928–1947. – Papers relating to work in the I.C.S. – Centre of South Asian Studies, University of Cambridge // Box № 6. – 140 p.
10. Gazetteer of the Nellore District: Brought up to 1938. Madras: Printed by the Superintendent Government Press, 1942. 383 p.
11. The Government of India Act, 1935 / Ed. By W. R. Codling. London: Eyre and Spottiswoode Limited, 1935. 341 p.
12. The Government of India Act and Government Reports / Ed. by H. N. Mitra. Sibpur– Calcutta: N. N. Mitter, 1921. 319 p.
13. Government Gazette, The United Provinces of Agra and Oudh, part VIII. Allahabad, 1921, 1st January, Saturday. 898 p.
14. Greenwood G. Hints on Horsemanship. London, 1861. 144 p.
15. Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India: 1943–1944, Part 3 / Ed. by P. S. Gupta. New Delhi: Oxford University Press, 1997. 3270 p.

16. Hershberger H. R. The horseman. A work on horsemanship. New York, 1844. 160 p.
17. History of Services of Gazetted and Other Officers serving under The Government of Bengal (Corrected up to 1st July 1923). Calcutta: Superintendent Government Printing, 1923. 937 p.
18. History of services of Gazetted Officers in the Civil Department in the Central Provinces (Corrected up to 1st July 1928). Allahabad, 1928. 600 p.
19. Imperial Gazetteer of India: North-West Frontier Province. Calcutta: Superintending of Government printing, 1908. 303 p.
20. Imperial Gazetteer of United Provinces: Kumaun Division. Allahabad: The Government Press of United Provinces, 1905. 60 p.
21. MacLeod R. D. Impressions of an Indian Civil Servant. London: H. F. and G. Witherby, 1938. 233 p.
22. Maconochie E. Life in the Indian Civil Service. London, 1926. 343 p.
23. Maitra S. N. A collectors piece. Calcutta: Writers Workshop, 1997. 364 p.
24. Mansfield P. T. Bihar and Orissa in 1930–31. Patna: Superintendent, Government Printing, 1937. 184 p.
25. Menon K. P. S. Many Worlds: An Autobiography. Oxford: Oxford University Press, 1965. 324 p.
26. The Indian Annual Register An Annual Digest Of Public Affairs Of India Vol. II / Ed. by N. N. Mitra. Calcutta, july–december 1938. 550 p.
27. Mukherjee N. The Ryotvary system in Madras, 1792 to 1827. Calcutta, 1962. 397 p.
28. Noronha R. P. A tale told by an idiot. New Delhi: Vikas, 1976. 182 p.
29. O'Malley L. S. S. Bengal District Gazetteer. District Darjeeling. Calcutta: The Bengal Secretariat Book, 1907. 253 p.
30. O'Dwyer M. F. India as I knew it. London: Constable and Company Ltd, 1925. 471 p.
31. Venkatachar C. S. Witness to the Century: Writings of C. S. Venkatachar, ICS / Ed. by S. Sapru, K. M. Acharya. Bangalore, 1999. 370 p.

32. Papers of Alfred Arthur Williams. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 70, TS. 24 p.
33. Papers of Arthur James Platt. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 57, TS 17 p.
34. Papers of Allan James Vincent Arthur. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 42, TS 34 p.
35. Papers of Andrew Park Hume Collection. – Archive of Centre of South Asia Studies, University of Cambridge // Box № 2, 47 p.
36. Papers of Archibald Ian Bowman (1915–87), Indian Civil Service, United Provinces 1937–47. – India Office Records and Private Papers // MSS. Eur. 229 / 15, TS 64 p.
37. Papers of Eric Atkinson Midgley. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F180 / 78, TS 29 p.
38. Papers of George Leo Watson. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 48, TS 20 p.
39. Papers of Gordon Meredith Ray. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 23, TS. 59 p.

40. Papers of Hugh Bellasis Martin. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 21, TS 73 p.
41. Papers of Henry Julian Downing. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F.180 / 50, TS. 38 p.
42. Papers of Hugh Thompson Lane. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 76, TS. 16 p.
43. Papers of Ian Hay Macdonald. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F.180 / 20, TS. 21 p.
44. Papers of John Ward Orr. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 22, TS. 41 p.
45. Papers of Muhammad Azim Husain. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180/68, TS. 75 p.
46. Papers of Noel Kennedy Paterson. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 45, TS. 33 p.
47. Papers of Frank Owen Bell «Record of Life in the Indian Civil Service 1930–47». – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service

chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 8, TS. 51p.

48. Papers of Philip Docton Martyn. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180/13, TS. 49 p.
49. Papers of Roland Henry Belcher. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. 180 / 64, TS. 12 p.
50. Papers of Robert Swinney Swann. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 25, TS. 26 p.
51. Papers of Sayed Hashim Raza. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 29, TS. 71 p.
52. Papers of Sidney Wadsworth «Lo, the Poor Indian». – Archive of Centre of South Asia Studies, University of Cambridge, p. 375 p.
53. Papers of Sir Francis Mudie. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 79, TS. 39 p.
54. Papers Geoffrey Alexander Haig. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 75, TS. 98 p.
55. Papers of David Symington «Special India». – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district

- administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies. – MSS. Eur. F. 180 / 33, TS. 248 p.
56. Papers of Victor George Matthews. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 44, TS. 67 p.
57. Papers of Walter Geoffrey Lamarque. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 54, TS. 83 p.
58. Papers of Walter Henry Christie. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 9, TS. 38 p.
59. Papers of William Wares Georgenson. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 52, TS. 77 p.
60. Papers of Thomas Theodore Steger Hayley. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 3, TS. 217 p.
61. Say Not the Struggle: Essays in Honor of a A. D. Gorwala / Ed. by H. M. Patel. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.
62. The Permanent Settlement in Bengal / Ed. by S. C. Ray. Calcutta, 1915. 146 p.
63. Report on the Administration of Bengal 1924–25. Calcutta: Bengal Secretariat Book Department, 1924. 209 p.
64. Report on the Administration of Civil Justice in the residency of Bengal (During the Year 1923). Calcutta: Bengal Secretariat Book Department, 1924. 22 p.

65. Shukla J. D. Indianization of All-India Services and Impact on Administration: 1834–1947. New Delhi, 1982. 500 p.
66. Shukla J. D. State and District Administration in India. New Delhi: Indian Institute of Public Administration by National Public House, 1976. 387 p.
67. Sir Christopher Hughes Masterman papers. – India Office Records and Private Papers // MSS. Eur. C319, TS. 54 p.
68. Statistical Abstract Relating to British India from 1910–11 to 1911–1920. London: Published by His majesty's Stationery Office, 1922. 263 p.
69. The Bengal Embankment Manual / Ed. by H. L. Harrison. Calcutta: Bengal Secretariat Press, 1875. 142 p.
70. The Civil Servant in India / Ed. by K. L. Panjabi. Bombay, 1965. 365 p.
71. The Civil Service Regulations relating to Salary, Leave, Pension and Traveling Allowance. Calcutta: Superintending Government Printing, India, 1919. 406 p.
72. The Combined Civil List for India and Burma, № 125. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, July–September 1938. 618 p.
73. The Combined Civil List for India and Burma, № 129. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, July–September 1939. 778 p.
74. The Combined Civil List for India and Burma, № 133. Lahore: The Civil and Military Gazette Limited, July–September 1940. 774 p.
75. The Combined Civil List for India. A list of the Civil Services an Higher European Services Under the Government of India. Allahabad: Pioneer Press, January–March 1924. 690 p.
76. The Combined Civil List for India. List of Civil Services and Higher European Services under the Government of India № 72. Allahabad: The Pioneer Press, 1925. 700 p.
77. The Combined Civil List for India. List of Civil Services and Higher European Services under the Government of India October–December № 90. Allahabad: The Pioneer Press, October–December 1929. 700 p.

78. The Government of India: Being a digest of statute law relating thereto (with historical introduction and explanatory matter) / Ed. by sir I. Courtenay. Oxford: The Clarendon Press, 1907. 499 p.
79. The Indian Express, 13 March 1937. Madras [Электронный ресурс]. URL: <https://news.google.com/newspapers?nid=P9oYG7HA76QC&dat=19370313&printsec=frontpage&hl=en>
80. The Indian Nationalist Movement, 1885–1947: Selected Documents / Ed. by B. N. Pande. London, 1979. 272 p.
81. The Indian Office List for 1919. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. The Prince of Wales, 1919. 905 p.
82. The Indian Office List for 1920. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1920. 861 p.
83. The Indian Office List for 1921. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1921. 897 p.
84. The Indian Office List for 1922. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1922. 866 p.
85. The Indian Office List for 1923. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1923. 849 p.
86. The Indian Office List for 1926. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. The Prince of Wales, 1926. 866 p.
87. The Indian Office List for 1927. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. The Prince of Wales, 1927. 959 p.
88. The Indian Office List for 1929. – London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1929. 995 p.
89. The Indian Office List for 1930. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1930. 1010 p.
90. The Indian Office List for 1931. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1931. 1020 p.
91. The Indian Office List for 1933. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1933. 897 p.

92. The Indian Office List for 1934. London: Harrison and Sons, booksellers His Majesty, 1934. 1013 p.
93. The Indian Office List for 1935. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1935. 1027 p.
94. The Indian Office List for 1936. London: Harrison and Sons, Pall Mall, booksellers His Majesty and H. R. H. the Prince of Wales, 1936. 1008 p.
95. The Revised Famine Code. Allahabad: Government Press of United Provinces, 1912. 262 p.
96. Vira D. Memoirs of a Civil Servant. New Delhi, 1975. 154 p.
97. William Francis Grahame Le Bailly papers. – Collection of memories by former members of the Indian Civil Service chiefly relating to their experience of district administration 1930–1947, British Library: Asian and African Studies // MSS. Eur. F. 180 / 65, TS. 112 p.

II. Литература

98. Аболмасов В. В. Стэнли Болдуин и программа «нового консерватизма» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 1 (27). С. 13 – 15.
99. Адамов Д. П. Политическая элита Великобритании в поисках новой партийно-политической системы, 1922–1924 годы // Вестник Пермского университета. 2018. № 2 (41). С. 47 – 55.
100. Азарх А. Э. Государственные служащие Индии. М.: Наука, 1979. 136 с.
101. Айзенштат М. П., Гелла Т. Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999. 217 с.
102. Алаев Н. Б. Индия: Национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий // История Востока Том 5.

- Восток в новейшее время: 1914–1915 гг. / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: Восточная литература, 2006. 717 с.
103. Антонова К. А., Бонгардт-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии (краткий очерк). М.: Мысль, 1979. 558 с.
 104. Батенко А. В., Близняков Р. А., Щевелев С. С., Малышев Д. А. История Палестины: международный аспект (1897–2009) / Под ред. С. С. Щевелева. Симферополь – Киев: Доля, 2011. 512 с.
 105. Белокреницкий В. Я. Уход Англии из Индии и проблема формирования двух доминионов // Британская империя в XX веке / Под ред. А. М. Пегушева. М.: ИВИ РАН, 2010. 296 с.
 106. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, 2008. 576 с.
 107. Богомолов С. А. Имперская идея в Великобритании в 70 – 80-е гг. XIX века. Ульяновск, 2000. 300 с.
 108. Васильев В. Ф. История Мьянмы / Бирмы. М.: ИВ РАН, 2009. 431 с.
 109. Васильева В. Я. Распад колониальной системы империализма. М.: АН СССР, 1958. 611 с.
 110. Володин А. Г. Индия: Становление институтов буржуазной демократии. М., 1989. 216 с.
 111. Гелла Т. Н. Либерализм и новый империализм Великобритании в 80 – 90-х годах XIX века // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 52 – 65.
 112. Гелла Т. Н. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX века. Орел, 1992. 130 с.
 113. Глеб М. В. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2. С. 65 – 70.
 114. Грудзинский В. В. Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблемы модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 220 с.

115. Грудзинский В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм. Челябинск, 1996. 312 с.
116. Давиденко А. А. Джентльменство как социокультурное явление (1820–1890-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2019. 202 с.
117. Дорофеев Д. В. Колониальные истоки глобального лидерства США в XX в. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II Международной научно-практической конференции ВГУ им. П. М. Машерова. 2015. С. 58 – 60.
118. Дронова Н. В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998. 180 с.
119. Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е гг. XIX века // Новая и новейшая история: Межвузовский сборник. 2004. Вып. 21. С. 151 – 169.
120. Дронова Н. В. Экспансионизм в идеологии и практике консервативной партии Великобритании в 70-х годах XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1987. 217 с.
121. Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX века. М.: Наука, 1977. 256 с.
122. Ерофеев Н. А. Английский колониализм и стереотипы ирландца в XIX в. // Новая и новейшая история. 1980. № 5. С. 60 – 73.
123. Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967. 279 с.
124. Журавлева Л. Н. Внешняя политика Бирмы и экспансия капиталистических держав в 60-х – первой половине 80-х годов XIX века. Саратов, 1981. 245 с.
125. Журавлева Л. Н. Партизанская война бирманского народа против английского закабаления 1855 – 1896 гг. Саратов, 1967. 140 с.
126. Иванов А. В. Андаманские острова. История колонизации и взаимоотношение этнических групп // Труды Института востоковедения РАН. Индия: история и историография. М.: ИВ РАН, 2019. Вып. 24. С. 113 – 132.

127. Ирхин А. А. Имперские системы Евразии: типология, циклы развития и взгляды на будущее / А. А. Ирхин // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности. Материалы международной научной конференции. 2010. С. 22–31.
128. Козлова М. Т. Английское завоевание Бирмы. М.: «Наука», 1972. 318 с.
129. Котовский Г. Г. Аграрные реформы в Индии. М., 1979. 117 с.
130. Котовский Г. Г. Касты в Индии. М.: Наука, 1965. 347 с.
131. Крючкова Н. Д. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук Ставрополь, 2004. 247 с.
132. Левковский А. И. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956. 420 с.
133. Лоцманова Г. И. Из истории формирования колониальной идеологии английского империализма // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 102 – 111.
134. Мостяев Ю. Н. Британская геостратегия в зоне Индийского океана накануне Второй мировой войны // Вестник Ереванского университета. Международные отношения, Политология. 2014 . № 3. С. 21 – 29.
135. Мостяев Ю. Н. Особенности рекрутирования индийской армии в годы Второй мировой войны // Сборник статей III Международной научно-практической конференции / Под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. 2018. С. 245–251.
136. Наталевич С. И. Особенности административного управления островными территориями Британской Индии в к. XIX – п. п. XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 7. С. 49 – 56.
137. Наталевич С. И. Особенности деятельности Индийской гражданской службы в Британской Бирме (1921 – 1937 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11 (67). С. 86 – 91.
138. Наталевич С. И. Особенности профессиональной подготовки европейских офицеров Индийской гражданской службы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12 (3). С. 137–141.

139. Наталевич С. И. Проблема реформирования административного управления в Северо-Западной пограничной провинции Индии в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2. С. 152–155.
140. Наталевич С. И. Структура дистрикт-администрации в Британской Индии в 1919–1939 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. «Исторические науки». 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 108 – 122.
141. Национально-освободительное движение и деятельность Б. Г. Тилака / Под ред. И. М. Рейснера, Н. М. Гольдберг. М.: АН СССР, 1958. 594 с.
142. Новая история Индии / под ред. К. А. Антоновой, Н. М. Голтдберга, А. М. Осипова. М., 1961. 835 с.
143. Новейшая история стран зарубежного Востока / под ред. И. М. Рейснера. М., 1954. 370 с.
144. Павлов В. И. Формирование индийской буржуазии / В. И. Павлов. М.: Издательство восточной литературы, 1956. 313 с.
145. Павлович М. П. Восток в борьбе за независимость / М. П. Павлович. М.: Наука, 1980. 264 с.
146. Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М.: Наука, 1991. 188 с.
147. Парфенов И. Д. Монополия и империя. Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80-х – 90-х годов XIX века. Саратов, 1980. 193 с.
148. Парфенов П. И. Англия и раздел мира в последней трети XIX века: Проблемы историографии. Саратов, 1978. 183 с.
149. Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Особенности внешнеполитического механизма Индии // Теории и проблемы внешнеполитических исследований. 2017. № 6. С. 248 – 262.
150. Пикулин М. Г. Белуджи. М., 1959. 211 с.

151. Постников А. В. Схватка на «Крыше мира»: политика, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2001. 415 с.
152. Райков А. В. Амритсарская трагедия 1919 г. М.: Наука, 1985. 133 с.
153. Райков А. В. Национальные революционные организации Индии в борьбе за свободу: 1905–1930 гг. М.: Наука, 1979. 270 с.
154. Распад колониальной империи / Под ред. А. Г. Милейковского. М.: Наука, 1964. 647 с.
155. Рымалов В. В. Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство. М.: Мысль, 1966. 480 с.
156. Сагимбаев А. В. Колониальная стратегия Великобритании: факторы и модели эволюции (1918–1939 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Брянск, 2018. 508 с.
157. Сагимбаев А. В. Специфика формирования антиколониального движения в контексте эволюции британской политики в Индии на рубеже 1910–1920-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 136 – 140.
158. Сафронова А. Л. «Разбитое зеркало» зеркало Южной Азии: раздел Британской Индии 1947 г. в коллективной памяти современного индийского общества // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 64 – 69.
159. Симонов А. В. Имперская идеология в британских средствах массовой информации в конце XIX – начале XX века // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 360 – 368.
160. Тартыгина О. О., Гурин И. Г. Имперская идея в представлении элиты Великобритании XIX – начала XX вв. // Вестник Самарского университета. 2007. № 3. С. 89 – 96.
161. Темирханов Л. Восточные пуштуны: основные проблемы новой истории. М.: Наука, 1987. 179 с.
162. Флорин В. Н. Государственный административный аппарат независимой Индии: Очерки формирования высших управленческих кадров. М.: Наука, 1975. 223 с.

163. Филимонова А. Л. Идея Пакистана: предыстория формирования // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2010. № 3. С. 84 – 102.
164. Фурсов К. А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 5 – 19.
165. Фурсов К. А. Монетная пропаганда колониальных империй в афро-азиатском мире // Деньги и кредит. 2016. № 7. С. 67 – 73.
166. Шишков В. В. Британская империя как национально-институциональная имперская система и ее стратегии по отношению к перифериям // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 52 – 57.
167. Юлдашбаева Ф. Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е гг. XX в.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. 296 с.
168. Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX в. М.: ИВ РАН, 2010. 920 с.
169. Юрченко С. В. У истоков «Холодной войны»: геостратегия администрации Г. Трумена // Розпад Радянського Союзу та міжнародні інтерпретації завершення «холодної війни»: 20 років потому. 2011. С. 13 – 20.
170. Agha S. Sub-Imperialism and the Loss of the Khyber: The Politics of Imperial Defence on British India's North-West Frontier // Indian Historical Review. 2013. № 40 (2). P. 307 – 330.
171. Ainger A. C. Memories of Eaton Sixty Years Ago. London, 1917. 367 p.
172. Alam J. Government and Politics in Colonial Bihar, 1921–1937. New Delhi: Mittal Publications, 2004. 275 p.
173. Alexander H. M. L Discarding the «Steel Frame»: Changing images among Indian Civil Servants in the early twentieth century // South Asia: New Series. 1982. № 2. P. 1 – 12.

174. Allan J., Haig W., Dodwell H. H. The Cambridge Shorter History of India. New Delhi, 1969. 1166 p.
175. Allen C. Plain Tales from the Raj: Images of British India in the Twentieth Century. New York: St. Martin's Press, 1988. 288 p.
176. Andrabi T., Kuehlwein M. Railways and Price Convergence in British India // The Journal of Economic History. June 2010. № 70 (2). P. 351 – 377.
177. Ansari S. F. D. Sufi and State Power: The pirs of Sind, 1843–1947. New York, 2003. 200 p.
178. Appleyard D. R. The Terms of Trade between the United Kingdom and British India, 1858–1947 // Economic Development and Cultural Change. April 2006. №54 (3). – P. 635 – 654.
179. Baker C. The Congress at the 1937 Elections in Madras // Modern Asia Studies. 1976. № 4 (10). P. 557 – 589.
180. Baker D. Changing Political Leadership in Indian Province: the Central Provinces and Berar, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1979. 233 p.
181. Bandyopadhyay D. Preventable Deaths // Economic and Political Weekly. 24–30 July 2004. № 39 (30). P. 3347 – 3348.
182. Banerjea D., Chatterjee D. K. Criminal Justice India Series. Volume XXI. Lakshadweep. Kolkata: Allied Publishers Private Limited, 2005. 109 p.
183. Baren R. Gandhi's Campaign Against Untouchability, 1933–1934. An Account from the Raj's Secret Official Reports. New Delhi, 1996. 272 p.
184. Barth F. Political Leadership among Swat Pathans. London, 1959. 220 p.
185. Bayley D. H. The Police and the Political Development of India. London, 1969. 496 p.
186. Bayly C. Rulers, townsmen and bazaars: north Indian society in the age of British expansion, 1770–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 512 p.
187. Beaglehole T. H. Rules and servants. The ICS and British demission of power India // Modern Asia Studies. № 11 (2), 1977. P. 237 – 255.

188. Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S. The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. № 45(3). P. 853 – 860.
189. Beteille A. Caste, Class and Power: Ganging Patterns of Stratification in a Tanjore Village. Bombay, 1966. 238 p.
190. Birdwood G. C. M. Competition and the Indian Civil Service. London: H. S. King and Company, 1872. 41 p.
191. Blunt A. M. Treveling Home and Empire. British Women in India 1857–1939 / A. M. Blunt. –The University of British Columbia, 1997. 409 p.
192. Blunt E. The I.C.S.: The Indian Civil Service. London, 1937. 300 p.
193. Blunt E. Social Service in India. London: His Majesty's Stationery Office, 1938. 496 p.
194. Bose S. The Roots of «Communal» Violence in Rural Bengal. A Study of the Kishoreganj Riots, 1930 // *Modern Asia Studies*. 1982. № 16 (3). P. 463 – 491.
195. Braddon E. Thirty years of Shikar. London: William Blackwood and Sons, 1895. 428 p.
196. Braibanti R. Asian Bureaucratic Systems Emergent from the British Imperial Tradition. Durham: Duke University Press, 1966. 253 p.
197. Brewis G. Education for Service: social service and higher education in India and Britain, 1905–1919 // *History of Education Review*. 2013. № 42 (2). P. 119 – 136.
198. Brinckman A. the Rifle in Cashmere, Narrative of Shooting Expeditions in Ladak, Cashmere, Punjaub, Etc.: With Advice on Traveling, Shooting and Stalking. London: Smith, Elder and Company, 1865. 258 p.
199. Bruce R. I. The Forward Policy and its Results or Thirty-Five Years Work Amongst the Tribes on Our North-Western Frontier of India. London, 1900. 382 p.
200. Burra A. The ICS and the Raj: 1919–1950. IIT Delhi: Department of Humanities and Social Science, 2007. 158 p.

201. Cain P. J., Hopkins A. G. British Imperialism, 1688–2000. Harlow, 2001. 784 p.
202. Campion D. A. The United Province Police, 1879–1931 and the Dilemmas of Colonial Policing in British India. Charlottesville: The University of Virginia Press, 2002. 308 p.
203. Carroll L. Colonial Perceptions of Indian Society and Emergence of Castes Associations // The Journal of Asian Studies. February 1978. №37 (2). P. 233 – 250.
204. Chanana K. The Middle Class in India // The Economic Weekly. 1964. № 15 (16). P. 683 – 690.
205. Chand G. The Financial system of India. London, 1950. 468 p.
206. Chowdhury T. M. Indigenous Identity in South Asia: Making Claims in the Colonial Chittagong Hill Tracts. London, 2017. 216 p.
207. Coen T. C. The Indian Political Service, a Study in Indirect Rule. London, 1971. 290 p.
208. Collett N. A. The O'Dwyer v. Nair Libel Case of 1924: New Evidence Concerning Indian Attitudes and British Intelligence During the 1919 Punjab Disturbances // Journal of Royal Asiatic Society. 2011. № 21 (4). P. 469 – 483.
209. Collingham E. M. Imperial Bodies: The Physical Experience of the Raj, 1800–1947. Cambridge: Blackwell Publishers, 2001. 288 p.
210. Collins B. A. Bihar and Orissa in 1925–26. Patna: Superintendent, Government Printing, Bihar and Orissa, 1927. 190 p.
211. Cook S. B. The Irish Raj: Social Origins and Careers of Irishmen in the Indian Civil Service, 1855–1914 // Journal of Social History. 1987. № 20 (3). P. 507 – 529.
212. Copland I. The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917–1947. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 318 p.
213. Correlli. B. The Collapse of British Power. London: Eyre Methuen, 1972. 688 p.

214. Coupland R. The Constitutional Problem in India. Oxford: Oxford University Press, 1944. 734 p.
215. Crist J. T. «An Ordered Anarchy»: Mobilization for Civil Disobedience in Bengal and Bombay, 1929–34. Syracuse University, 1998. – 470 p.
216. Dam S. District Administration in West Bengal. Calcutta: Jijnassa, 1980. 180 p.
217. Davies C. C. The problem of the North-West Frontier 1890–1908. Cambridge, 1932. 230 p.
218. Dewey C. Hopkins A. G. The Imperial Impact, Studies in the economic history of Africa and India. London, 1978. 409 p.
219. Dewey C. Anglo-Indian Attitudes: Mind of the Indian Civil Servant. London: The Hambledon Press, 1993. 313 p.
220. Dewey C. The education of ruling caste: the Indian Civil Service in the era of competitive examination // English historical Review. № 408, 1973. P. 262 – 286
221. Drummond I. M. British Economic Policy and the Empire 1919–1939. London, 1972. 255 p.
222. Duffield B. The Grey Men of Empire: Framing Britain's Official Mind 1854–1934. Jonesboro: The University of Arkansas Press, 2016. 280 p.
223. Dumbell P. Loyal India: A survey of seventy years (1858–1928). London: Constable and Company, 1930. 272 p.
224. Ellis R. H. A short account of the Laccadive islands and Minicoy. Madras: Government Press, 1924. 146 p.
225. Epstein S. District Officers in Decline: The Erosion of British Authority in the Bombay Countryside 1919 to 1947 // Modern Asian Studies. – 1982. № 16 (3). P. 493 – 518.
226. Ewald A. C. The Guide to the Indian Civil Service / A. C. Ewald. – London, 1870. – 292 p.
227. Ewing A. The Indian Civil Service 1919–1924: service discontent and the response in London and Delhi // Modern Asian Studies. 1984. № 18 (1). P. 33 – 53.

228. Ewing H. A. The Indian Civil Service, 1919–1942: some aspects of British control in India. Cambridge: Cambridge University, 1980. 382 p.
229. Ferguson N. British Imperialism Revised: The Costs and Benefits of «Anglobalization» // Development Research Institute Working Paper Series. 2003. №2. P. 1 – 28.
230. Ferguson N. Empire: how Britain made the Modern world. London: Harper Collins, 2007. 431 p.
231. Ferguson N. The Cash Nexus: Money and Power in the Modern World, 1700–2000. New York, 2001. 576 p.
232. Fieldhouse D. Economic and empire 1830–1914. New York, 1973. 531 p.
233. Forsyth J. The Highlands of Central India. London: Chapman and Hall, 1888. 506 p.
234. Francis M. The Domestication of Male? Recent on Nineteenth and Twentieth Century British Masculinity // The Historical Journal. 2002. – № 45 (3). – P. 637 – 652.
235. Fraser S. «Exiled from Glory»: Anglo-Indian Settlement in nineteenth-century Britain, with Special Reference to Cheltenham. Cheltenham: University of Gloucestershire, 2003. 293 p.
236. Gagne-Hawes G. The Shadows of the Raj: Anglo-Indian Visions of Empire, the Raj Revival, and the Literary Crafting of National Character. Vancouver: The University of British Columbia, 2012. 340 p.
237. Gilmartin D. Religious Leadership and the Pakistan Movement of Punjab // Modern Asia Studies. 1979. № 3 (13). P. 485 – 517.
238. Gilmour D. The Ruling Caste: Imperial Lives in Victorian Raj. London: Pimlico, 2007. 432 p.
239. Greenberger A. The British Image of India, A Study in Literature of Imperialism, 1880–1960. London: Oxford University Press, 1969. 244 p.
240. Griffiths P. The Guard my People, the History of the Indian Police. London, 1971. 444 p.

241. Gundevia Y. D. In the Districts of the Raj. Sangam Books Limited, 1992. 242 p.
242. Hannam K. Environmental Management in India: Recent Challenges to the Indian Forest Service // Journal of Environmental Planning and Management. 1999. № 42 (2). P. 221 – 233.
243. Haridwar R. The Changing Role of District Officer: 1860–1960 // The Journal of Public Administration. April 1963. № 2 (9). P. 238 – 257.
244. Heehs P. Revolutionary terrorism in British Bengal // Terror and the Postcolonial / Ed. by Boehmer E., Morton S. 2009. P. 153 – 176.
245. Horwill L. The legal Profession in India // [Электронный ресурс]. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/ResJud/1954/26.html>
246. Hunt R., Harrison J. The district officer in India 1930 – 1947. London: Scolar Press, 1980. 255 p.
247. Hurd J. The Influence of British Policy on Industrial Development in the Princely States of India, 1890–1933 // The Indian Economic and Social History Review. 1975. № 12 (4). P. 410 – 424.
248. Ilbert C. British India // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1905. № 6 (2). P. 336 – 341.
249. Ilbert C. British India // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1912. № 12 (2). P. 366 – 372.
250. Irawati K. Hindu Society – An Interpretation. Pune: Deccan College Postgraduate and Research Institute, 1961. 184 p.
251. Irschick E. F. Politics and Social Conflict in South India: The Non-Brahmin Movement and Tamil Separatism, 1916–1929. Bombay: Oxford University Press, 1969. 426 p.
252. Jacobsen M. The third Afghan war and the external position of India, 1919–1924. Naval Ocean Systems Center, 1988. 44 p.
253. Jha J. C. The Struggle for Swaraj (1919–1922) // A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. II: 1919–1935 / Ed. by B. N. Pande., R. Kumar. New Delhi: Academic Foundation, 2011. 764 p.

254. Judd D. *Empire: The British Imperial Experience from 1765 to the Present*. London, 2011. 554 p.
255. Judd D. *The Lion and the Tiger. The Rise and Fall of British Raj 1600–1947*. London: Oxford University Press, 234 p.
256. Kashikar M. S. Performance Appraisal in Indian Bureaucracy: Need for Systemic Reforms // *Croatian and Comparative Public Administration*. 2012. № 4. P. 1157 – 1173.
257. Keith A. B. *A Constitutional History of India, 1600–1935*. London: Methuen and Company, 1936. 596 p.
258. Kennedy D. *The Magic Mountains: Hill Stations and the British Raj*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1996. 277 p.
259. Key J. *India: A history*. New York: «Harper Press», 2010. 608 p.
260. Khan B. R. *Politics in Bengal 1927–1936*. Dhaka, 1987. 250 p.
261. Khera S. S. *District Administration in India*. New Delhi, 1960. 288 p.
262. King A. *Colonial Urban Development: Culture, Social Power and Environment*. London, 1976. 328 p.
263. Kirk-Green A. *Britain's Imperial Administrators, 1858–1966*. Oxford: Macmillan, 2000. 347 p.
264. Kuracina W. F. Colonial India and External Affairs: Relating Indian Nationalism to Global Politics // *Journal of Asian and African Studies*. 2007. № 42 (6). P. 517 – 532.
265. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W. Law and Finance // *Journal of Political Economy*. December 1998. №106 (6). P. 1113–1115.
266. Lang C. *The English Bride in India: Hints on Indian Housekeeping*. Madras, 1909. 243 p.
267. Leak E. M. British India versus the British Empire: The Indian Army and an impasse in defense, circa 1919–1939 // *Modern Asia Studies*. 2014. № 48 (1). P. 301 – 329.
268. Lee C. H. *The British economy since 1700: a macroeconomic perspective*. Cambridge, 1987. 308 p.

269. Leonard K. I. Social History of an Indian Caste: The Kayasths of Hyderabad. Berkeley: University of California Press, 1978. 370 p.
270. Lone F. N. Historical title, self-determination and the Kashmir Question: Changing Perspectives in International Law. Leiden – Boston: Brill – Nijhoff, 2018. 475 p.
271. Low D. A. Congress and the Raj: Facets of the Indian Struggle 1917–47. London, 1977. 513 p.
272. Lowth J. B. A letter from India. Oakham: George Snodin Cunnington, 1841. 109 p.
273. Maheshwari S. R. Indian Administration. Bombay, 1968. 664 p.
274. Maheshwari S. R. The Evolution of Indian Administration. Agra, 1972. 324 p.
275. Malhotra S. L. Gandhi, Punjab and the Partition. Punjab University, 1984. 215 p.
276. Malkani K. R. The Sindh Story. New Delhi, 1984 . 192 p.
277. Mandal U. C. Bureacracy: Growth and Development. New Delhi: Sarup and Sons, 1997. 289 p.
278. Mangat Rai E. N. Commitment my style: Career in the Indian Civil Service. New Delhi, 1973. 275 p.
279. Mann H. H. The Tea Soils of Assam and Tea Manuring. Calcutta: W. Newman and Company, 1901. 170 p.
280. Marsh B. Ramparts of Empire: British Imperialism and India's Afghan Frontier, 1918–1948. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2015. 292 p.
281. Mason P. Shaft of Sunlight: Memories of Memories a Varied Life. London, 1978. 240 p.
282. Mathias P., Pollard S. The Cambridge Economic History of Europe, vol. VIII: The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies. Cambridge, 1989. 1230 p.
283. Maunier R. The Sociology of Colonies: An Introduction to the Study of Race Contact. London, 1949. 430 p.

284. McClelland K. Defining the Victorian Nation: Class, Race, Gender and the British Reform Act of 1867. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 303 p.
285. Medical Administration in India // The British Medical Journal. 21 June 1930. № 1 (3624). P. 1141 – 1142.
286. Metcalf T. R. Ideologies of the Raj. Delhi: Cambridge University Press, 1995. 267 p.
287. Misra B. B. Bureaucracy in India: an a historical analysis of development up to 1947. New Delhi, 1977. 434 p.
288. Misra B. B. The Indian Middle Classes: Their Growth in Modern Times. Oxford University Press, 1961. 438 p.
289. Misra M. Colonial officers and gentlemen: the British Empire and the globalization if «tradition» // Journal of Global History. 2008. № 3. P. 135 – 161.
290. Mommsen W. J., Moor J. A. European expansion and law: the encounters of Europeans and indigenous law in 19th and 20th century Africa and India. Oxford, 1992. 345 p.
291. Moon P. Strangers in India. London: Reynal and Hitchcock, 1945. 184 p.
292. Moon P. The British Conquest and Dominion of India. London: Duckworth, 1989. 1264 p.
293. Moore R. J. The Crisis of Indian Unity, 1917–1940. Oxford: Clarendon Press, 1974. 334 p.
294. Moore R. J. The abolition of patronage in the ICS and the closure of Haileybury College // Historical Journal. 1964. № 7 (2). P. 248 – 257.
295. Morefield J. Covenants without swords: idealist liberalism and the spirit of empire. Princeton: Princeton University Press, 2005. 280 p.
296. Mukherjee N. The Ryotvary system in Madras, 1792 to 1827. Calcutta, 1962. 397 p.
297. Murray J. Shikar Sketches, With notes of Indian Field Sports. London: Hurst and Blackett Publishers, 1887. 414 p.
298. Musselwhite A. Behind the Lens in Tigerland. Calcutta, 1933. 146 p.

299. Narain V. A. The Act of 1935. Impact on National Politics // A Centenary History of the Indian National Congress. Vol. III. New Delhi: Academic Foundation, 2011. 978 p.
300. Nash V. The Great Famine and Its Cases. London, 1900. 334 p.
301. Noorani A. G. Ordinance Raj // Economic and Political Weekly. December 1998. № 33 (50). P. 3173 – 3174.
302. O'Malley L. S. S. The Indian Civil Service 1601–1930. London, 1931. 322 p.
303. O'Malley L. S. S. Modern Indian and the West. London: Oxford University Press, 1941. 834 p.
304. Olson J. S Shadle R. Historical Dictionary of the British Empire. London: Greenwood Press, 1996. 1254 p.
305. Omissi D. Air Power and Colonial Control: The Royal Air Force, 1919–1939. Manchester: Manchester University Press., 1990. 288 p.
306. Pekin L. B. Public Schools: Their Failure and their Reform. London, 1932. 324 p.
307. Platt K. The Home and Health in India and the India and the Tropical Colonies. London: Bailiere, Tindall and Company, 1923. 216 p.
308. Popplewell R. J. Intelligence and Imperial Defence: British Intelligence and the Defence if the Indian Empire, 1902–1924. London, 1995. 354 p.
309. Potter D. India's Political Administrators 1919–1983. Oxford: Clarendon Press, 1986. 289 p.
310. Potter D. Manspower Shortage and The End of Colonialism: The Case of The Indian Civil Service // Modern Asian Studies. 1973. № 7 (1). P. 47 – 73.
311. Potter D. Political Change and Confidential Government Files in India: 1937, 1947, 1967 // Journal of Commonwealth political studies. July 1970. vol. 8 (2). P. 134 – 146.
312. Prasad B. Defense of India: Policies and Plans. Calcutta, 1963 . 264 p.
313. Pyper R. The British Civil Service. London, 1995. 219 p.
314. Rahman H. Hindu-Muslim Relation in Bengal (1905–1947): Study in Cultural Confrontation. Bombay: Nachiketa Publications, 1974. 238 p.

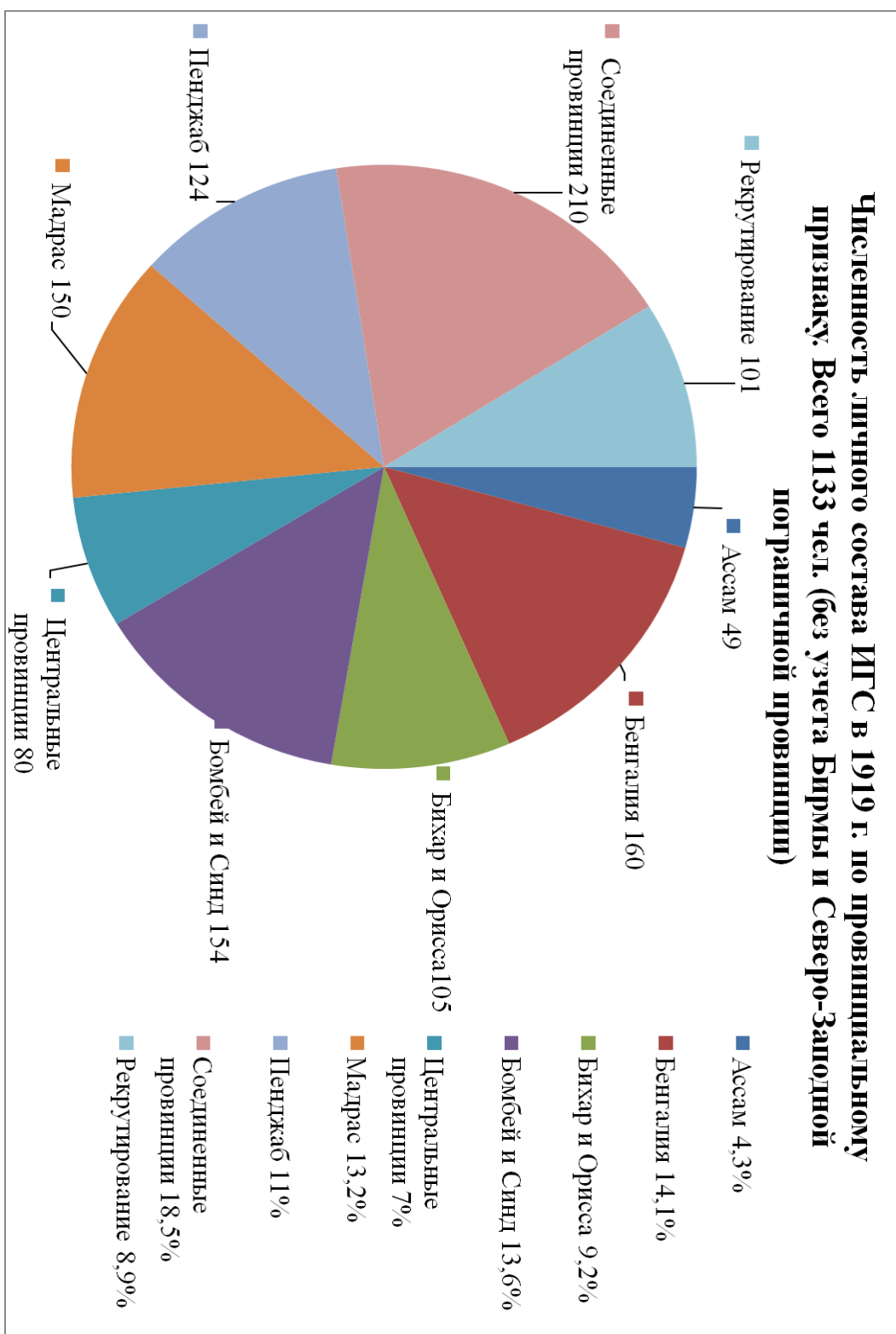
315. Rajagopal A. The Emergency as Prehistory of the New Indian Middle Class // *Modern Asian Studies*. September 2011. № 45 (5). P. 1003 – 1049.
316. Rajaraman P. *The Justice Party: A Historical Perspective, 1916–1937*. Madras: Poompozhil Publishers, 1988. 332 p.
317. Ramakrishnayya M. *Two Administrators: Between ICS and IAS*. Hyderabad, 1992. 320p.
318. Raven S. *The English Gentleman*. London: Panther Books, 1963. 189 p.
319. Ravinder K. *Essays in Social History of Modern India*. Calcutta, 1983. 306 p.
320. Ray N. C. *The Civil Service in India*. Calcutta, 1958. 294 p.
321. Reader W. J. *Professional Men, The Rise of the Professional Classes in Nineteenth Century England*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1966. 248 p.
322. Reddy G. R. Revenue Culture in Indian Administration // *The Indian Journal of Political Science*. October–December 1981. № 42 (4). P. 1 – 13.
323. Reeves P. D. Changing Patterns of Political Alignment in the General Elections to the United Provinces Legislative Assembly, 1937 and 1946 // *Modern Asia Studies*. 1971. № 5 (2). P. 111 – 142.
324. Richter W. L. Princes in Indian Politics // *Economic and Political Weekly*. February 1971. № 6 (9). P. 535 – 542.
325. Rider T. D. The Tariff Policy of the Government of India and Industrial Development, 1894–1934 // *The Journal of Economic History*. 1982. № 30 (1). P. 278 – 281.
326. Rushbrook W. L. *India in 1919*. Calcutta, 1920. 281 p.
327. Sankar G. *Socialism, Democracy and Nationalism in India*. Calcutta: Allied Publishers, 1973. 503 p.
328. Scott J. E. *In Famine Land: Observation and Experience in India during The Great Drought 1899–1900*. New York and London: Hupper and Brothers Publishers, 1904. 302 p.
329. Sen S. N. *An Advanced History of Modern India*. New Delhi: MacMillan India, 2010. 420 p.

330. Seth S. Rewriting Histories of Nationalism: The Politics of «Moderate Nationalism» in India, 1870–1905 // *The American Historical Review*. 1999. № 104 (1). P. 95 – 116.
331. Shresth S. Sahibs and Shikar. Colonial Hunting and Wildlife in British India, 1800–1935. Duke University, 2009. 419 p.
332. Singh A. P. The Changing Role of Collector and District Magistrate // *The Indian Journal of Political and Science Association*. April–June 1994. № 55 (2). P. 166 – 172.
333. Sinha V. M. The Superior Civil Services in India: A Study in Administrative Development, 1947–1957. Jaipur, 1985. 324 p.
334. Smith R. T. The Role of India's «Liberals» in the Nationalist Movement, 1915–1947 // *Asian Survey*. July 1968. № 8 (7). P. 607 – 624.
335. Spangenberg B. The Problem of recruitment for the Indian Civil service in the late nineteenth century // *Journal of Asian Studies*. № 30 (Vol. 2), 1971. P. 341 – 360.
336. Spear P. A History of India Vol. II. London: Pelican Books, 1965. 308 p.
337. Srinivas M. N. Social Change in Modern India. Berkeley: University of California Press, 1967. 200 p.
338. Srivastava G. P. The Indian Civil Service / G. P. Srivastava. New Delhi, 1965. – 281 p.
339. Steinberg S. H. India – Government and Constitution // *The Statesman's Year-Book*. 1947. P. 103 – 224.
340. Strachey L. Eminent Victorians. London 1918. London: Chatto and Windus, 1983. 384 p.
341. Stray C. Oxford Classics: Teaching and Learning, 1800–2000. London: Duckworth Publishing, 2007. 208 p.
342. Taub R. Bureaucrats Under Stress: Administrators and Administration in an Indian State. Calcutta, 1969. 235 p.
343. Teltumbde A. India's (Jati) Panchayati Raj // *Economic and Political Weekly*. 3 – 9 September 2011. № 46 (36). P. 10 – 11.

344. Tomlinson B. R. India and the British Empire, 1880–1935 // The Indian Economic and Social History Review. 1 January 1975. № 12 (4). P. 337 – 380.
345. Tomlinson B. R. The Indian National Congress and the Raj, 1929–1942: The Penultimate Phase .London: MacMillan, 1976. 208 p.
346. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj: The Decline of Colonialism // The Journal of Economic History. 1982. № 42 (1). P. 133 – 137
347. Trevelyan H. The Indian We Left. London, 1972. 255 p.
348. Vittachi T. The Brown Sahib. New Delhi: Penguin Books, 1987. 150 p.
349. Walford C. The Famines of The World: Past and Present. London, 1879. 314 p.
350. Washbrook D. The emergence of provincial politics: the Madras Presidency, 1870–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 372 p.
351. Williamson P. National Crisis and the National Government: British Politics, the Economy, and the Empire, 1926–1932. New York, 1992. 588 p.
352. Wilson A. C. Hints for the First Years of Residence in India. Oxford: Clarendon Press, 1904. 203 p.
353. Wolpert S. Jinnah of Pakistan. Oxford University Press, 1984. 421 p.
354. Woodruff P. (i. e. Mason P.) The Men Who Ruled India. London: Jonathan Cape Limited, 1963. 400 p.
355. Woodruff P. Call the Next Witness. London, 1946. 208 p.
356. Zimmeck M. Strategies for the Employment of Women in the British Civil Service // The Historical Journal. December 1984. № 27 (4). P. 901 – 924.

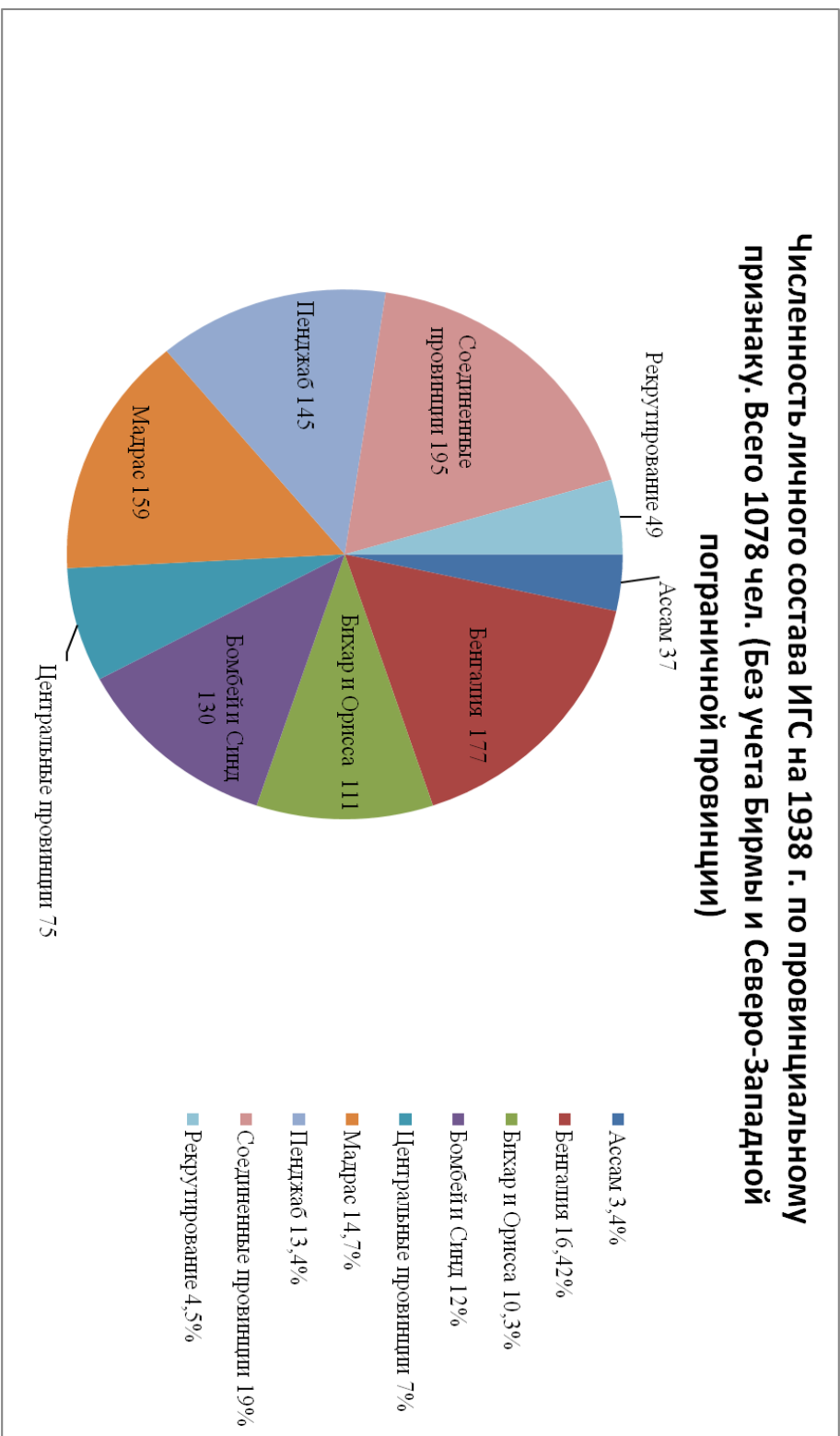
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

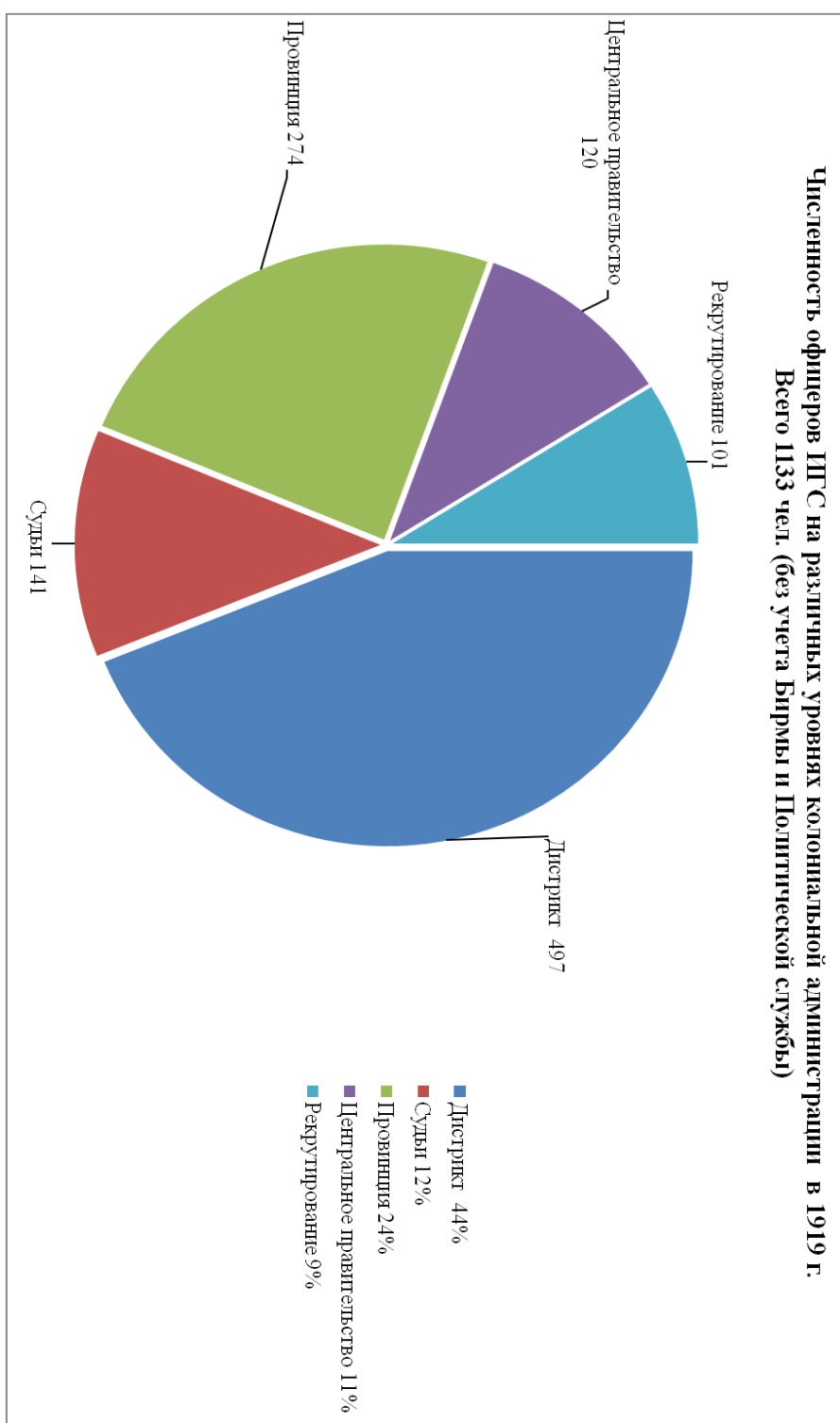
Составлено автором по: [81, р.4–23, 38–118]

Приложение 2

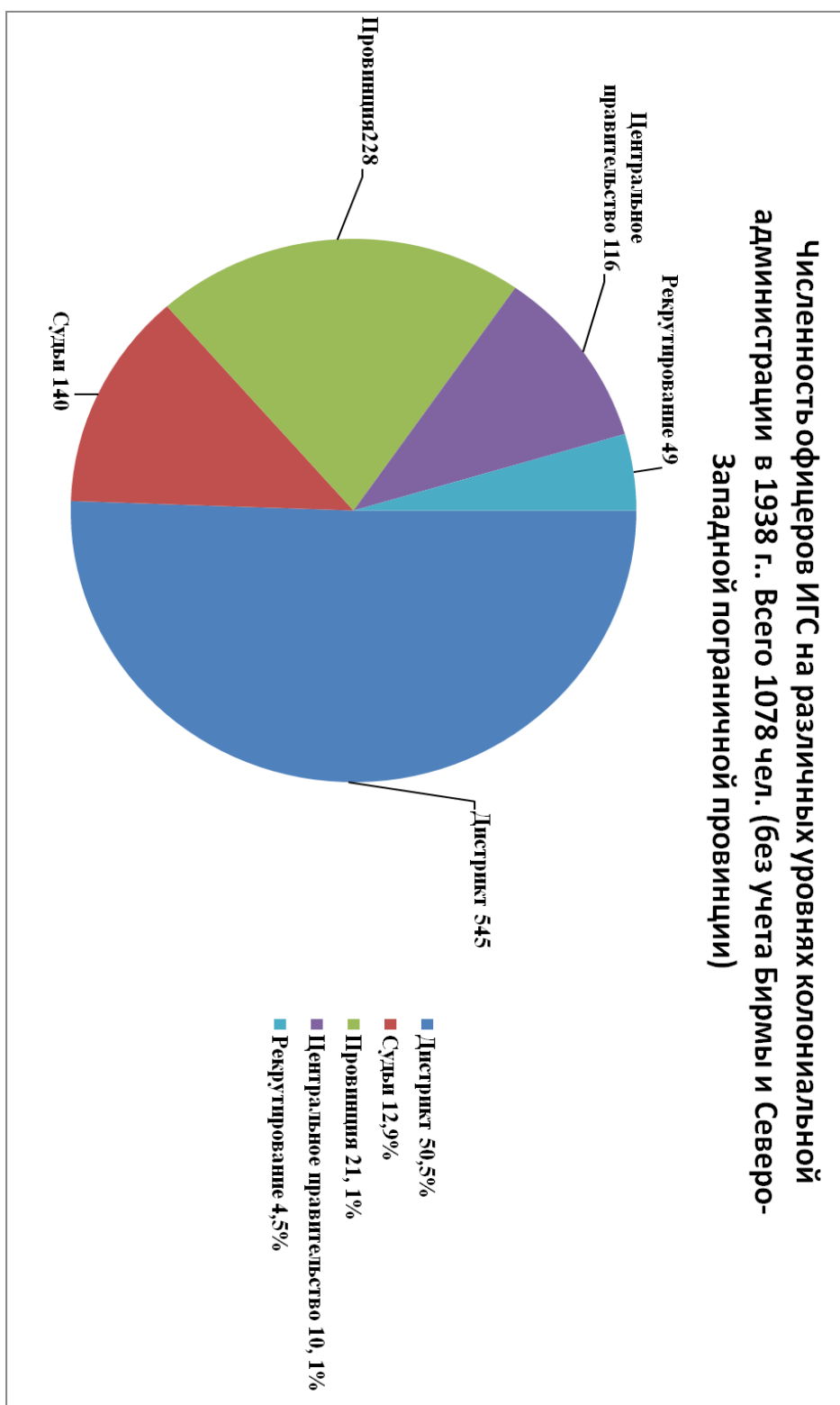
Составлено автором по: [73, p.65–239]

Приложение 3

Составлено автором по: [81, р. 4–23, 38–118]

Приложение 4

Составлено автором по: [73, р. 1–11, 149–183, 192–239]